

ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

2

2007

ПРОБЛЕМЫ ОХОТОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О. ЖАРОВ, декан факультета охотоведения
Иркутской государственной сельскохозяйственной академии

Известное изречение «кадры решают все» вряд ли кто будет оспаривать, однако подготовке кадров для охотничьего хозяйства не уделяется достаточного внимания. В современных условиях рыночной экономики возникают специфические проблемы поступления в техникумы и вузы, дальнейшего обучения и гарантированного трудоустройства.

Охотоведческое образование впервые возникло в России в конце XIX в. Понимая проблемы упорядочения охраны, восстановления и рационального использования охотничьих животных, сохранения исторических традиций в культуре многих народов и народностей, связанных с охотой, построения управленческих структур и хозяйственных субъектов в столь специфической отрасли, основанной на использовании возобновляемых природных ресурсов, Анатолий Алексеевич Силантьев, наш признанный основоположник отечественной школы охотоведения, в 1887 г. разработал факультативный спецкурс «Охотоведение» для чтения в Петербургском лесном институте, а с 1898 г. начал вести его в этом учебном заведении. С этого времени ведет свой счет российский охотоведение. Вспомним основные вехи охотоведческого образования в России от кратковременных курсов до высших учебных заведений (Л. Солин, 1998):

1911—1917 — годовичные курсы по подготовке охотоведов при Московском СХИ;

1922—1924 — курсы по подготовке охотоведов при Московском лесном институте, переведенные в 1925 г. в Ленинградский лесной институт;

1926—1930 — двухгодичные курсы (на правах отделения) охотоведения и пушного дела при Иркутском университете;

1928 — вводится курс охотоведения в Ленинградском восточном институте;

1930—1933 — на основе двухгодичных курсов при Иркутском университете создается Институт промыслово-охотничьего и сырьевого хозяйства;

1933 — отделение охотоведения из Ленинградской лесотехнической академии переводится в Московский институт пушного звероводства, который

в 1934 г. переименован во Всесоюзный зоотехнический институт пушно-сырьевого хозяйства (ВЗИПСХ). Последний в 1939 г. получает название Московский зоотехнический институт;

1944 г. — Московский зоотехнический институт получает новое название: Московский пушно-меховой институт (МПМИ), просуществовавший до 1954 г.;

1950 — открывается отделение охотоведения на зоотехническом факультете Иркутского сельскохозяйственного института, которое в 1968 г. получает статус факультета и существует до сего времени;

1969 — создается новый центр подготовки охотоведов в городе Кирове (Кировский сельскохозяйственный институт).

В настоящее время специалистов охотоведов высшей квалификации в России готовит ряд сложившихся образовательных центров. Это Иркутская государственная сельскохозяйственная академия (г. Иркутск), Вятская государственная сельскохозяйственная академия (г. Киров), Российский государственный заочный университет (г. Балашиха Московской области), Московский сельскохозяйственный университет имени К. А. Тимирязева (г. Москва). В условиях дефицита кадров открыли подготовку охотоведов другие вузы в Сибирском регионе РФ: г. Томск (сельскохозяйственный институт — филиал Новосибирского государственного университета), г. Красноярск (государственный университет), г. Улан-Удэ (Бурятская государственная сельскохозяйственная академия), г. Благовещенск (Дальневосточный государственный агроуниверситет).

В истории подготовки специалистов охотничьего хозяйства — охотоведов известны разные толкования при присвоении квалификации: зверо-охотовед, инженер-охотовед, биотехник-охотовед, биолог-охотовед. До 2000 г. в дипломах по завершению обучения в вузе значилось: «пройден спецкурс «охотоведение», «присвоена квалификация «Биолог-охотовед». Эти записи сохранялись до 2000 г. Позднее в этом документе фиксируется: «Присуждается квалификация «Биолог» по специальности «Биология». Как видим, суть специальности по названию «охотовед» из основного документа об образовании исключена.

С 2000 г. вводится государственный стандарт на подготовку специалистов по специальности 011600 «Биология» со специализацией «охотоведение». Действительно, биологическая основа подготовки охотоведов является важной составной частью учебного плана,

но далеко не единственной. Большую долю в теоретической и практической подготовке охотоведов занимают сейчас экономические, управленческие, технико-технологические, правоведческие и другие учебные дисциплины, основы которых постоянно используются специалистами как в сфере охотхозяйственного производства, так и при проведении научных исследований в охотоведении. В охотничьих предприятиях охотовед — это прежде всего менеджер, организатор и технолог производства, специалист по рациональному и эффективному использованию биологических ресурсов, их охране. Эта специфическая часть подготовки и работы охотоведа принципиально отличает его от биолога (зоолога) университетского подготовки.

Проблему можно рассмотреть на примере полувекковой подготовки охотоведов в Иркутском сельскохозяйственном институте (ныне ИрГСХА), здесь неоднократно совершенствовались учебные планы, базы практики, укреплялись связи с производственными предприятиями, государственными природоохранными учреждениями, научно-исследовательскими учреждениями, неизменно учитывались реальные потребности и сфера деятельности специалиста. Такая практика позволяла постоянно получать хорошие отзывы о выпускниках факультета. Вопросы совершенствования подготовки охотоведов были обобщены в рукописи В. Н. Скалона и Т. Н. Багиной в 1973 г. под названием «Некоторые предложения по развитию деятельности факультета охотоведения ИСХИ до 1990 г.». Большинство вопросов, поставленных в рукописи, успешно разрешались на факультете, но некоторые из них остались открытыми и приобрели еще большую остроту в наше реальное время.

Вводимые в России образовательные ГОСТы позволяют вузам разрабатывать учебные планы только в определенных, весьма ограниченных, рамках. ГОСТ 2000 г. на специальность 011600 «Биология», по которому в настоящее время ведется подготовка охотоведов с высшим образованием в качестве специализации, очень далек от квалификационной характеристики охотоведа, к тому же перегружен рядом ненужных дисциплин: «Человек», «Цитология» и др. Значительно сокращают перечень и объем учебных производственных практик. Нашим выпускникам мы уже не присваиваем традиционную квалификацию «Биолог-охотовед», оставляем «Биолог» и только в приложении к диплому указываем на специализацию «охотоведение». Совершенно очевидно, что при разработке ГОСТа специальности «Био-

охота

и охотничье хозяйство 2 2007

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала.
Союз охотников и рыболовов РФ.
Основан в октябре 1955 г.

логия» не участвовал ни один охотовед. Имеющиеся 47 специализаций названной специальности настолько далеки друг от друга, что единому образовательному документу (ГОСТу) невозможно учесть все потребности столь разных специализаций.

В 2000 г. на факультете охотоведения ИрГСХА поднимался вопрос о государственном признании специальности «Охотовед», для чего разрабатывался проект приемлемого ГОСТа по специальности «Охотовед» и на его основе — примерный учебный план. Была получена поддержка ряда охотхозяйственных и природоохранных учреждений и организаций городов Хабаровска, Улан-Удэ, Иркутска, Красноярска, Кызыла, Москвы. В конце января 2001 г. проректор по учебной работе В. Н. Дорофеев и декан охотфака О. В. Жаров с целью выяснения процедуры этого вопроса были командированы в департамент кадровой политики и образования Минсельхоза, в это же время они посетили ряд отделов Минобразования. На основе полученных консультаций были подготовлены другие необходимые документы.

Мысль о самостоятельном статусе оховеда была поддержана коллегами Кировской и Тимирязевской сельскохозяйственных академий, об этом поднимался вопрос на ряде научно-практических конференций последних лет.

В резолюции одной из этих конференций в адрес руководителей вузов, готовящих специалистов охотничьего хозяйства, было записано: «Завершить работу по подготовке проекта Госстандарта специальности «Охотовед» в рамках направления 5111000 «Экология и природопользование» либо «Сельскохозяйственные специальности» 310000 — специалисты в области сельского и рыбного хозяйства. Проекты передать в МинВУЗ РФ до апреля 2004 года». Важно, что на коллегии министерства сельского хозяйства в декабре 2003 г. принимается решение о количественном увеличении подготовки охотovedов с высшим образованием и об обращении в Министерство образования: включить в государственный Кадастр специальностей самостоятельную специальность «Биолог-охотовед». Отрадно, что необходимые документы с помощью Федерального агентства по сельскому хозяйству наконец-то попали на рассмотрение компетентного отдела Минобразования.

Потребность в оховедах до сих пор остро ощущается в сфере производства (промыслы, совхозы, колхозы, зверохозяйства, национальные кооперативы, различные АО, ООО, частные предприятия), спортивно-любительской сфере (приписные хозяйства и общества различных уровней Росохотрыболовсоюза, общества охотников «Динамо», Всероссийское общество охотников Минобороны); в научно-исследовательских и природоохранных организациях (головном и региональных отделениях ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства, институтах АН, ВАСХНИЛ, заповедниках, заказниках и национальных парках, лабораториях

Центрохотконтроля), Всероссийском обществе охраны природы.

Уместно отметить, что одним из обязательных условий получения в долгосрочное пользование охотничьих угодий является наличие в штате охотпользователя как минимум одного специалиста.

О дефиците кадров со специальным высшим образованием в бывшем Департаменте по охране и развитию охотничьих ресурсов сообщил начальник этого учреждения А. И. Саурин (2004 г.): «В соответствии с современными требованиями, все работники государственного надзора от начальника управления до егеря должны иметь профессиональное образование». Фактически в департаменте работников с высшим образованием всего 27 %, в том числе с профильным образованием всего 18 %. А. И. Саурин разделяет нашу инициативу о государственном признании специальности «Охотовед». Необходимо рассмотреть вопрос о подготовке кадров биологов-охотovedов и внести на рассмотрение в Министерство образования подготовки указанных специалистов в вузах России.

К сожалению, приходится констатировать, что за столетний период подготовки охотovedов в высших учебных заведениях СССР и России (городах Санкт-Петербург, Москва, Иркутск, Киров и др.) «Охотоведение» как специальность не признана государством, поскольку не включена в государственный реестр специальностей высшей школы. Нетрудно предположить, что данная специальность постепенно отомрет из-за бюрократических препон. Достаточно сказать, что до 2000 г. плановый набор на факультет охотоведения ИрГСХА составлял 75 человек, в прошлом году сокращен до 40, а в текущем — до 35 человек. Контрольная цифра планового набора объясняется перепроизводством в России биологов. Дальше следует сокращение педагогических ресурсов, потеря материально-технической базы и основ спецификации подготовки охотovedов.

Вопрос о государственном статусе специальности «Охотоведение» был поднят факультетом охотоведения Иркутской государственной сельскохозяйственной академии еще в 2000 г. В январе 2001 г. проректор по учебной работе В. Н. Дорофеев и декан охотфака О. В. Жаров с целью выяснения технологии решения этого вопроса выезжали в бывший «Департамент кадровой политики и образования Минсельхоза» и посетили ряд отделов Минобразования. В одном из отделов получили рекомендацию о подготовке необходимых документов, а при их поступлении было заверено, что представители сельхозакадемии будут приглашены на заседание «Межведомственного совета» Минвуза, где в конечном счете и будет решаться вопрос о внесении специализации «Охотовед» в государственный реестр специальностей.

Прошло около шести лет, но поднятый вопрос с поддержкой других вузов, готовящих охотovedов, до сих пор не решен. В недавнем письме «Ректорам выс-

ших учебных заведений Минсельхоза России и деканам биологических факультетов» Департамент политики и образования Минсельхоза России рекомендует все оставить по-старому. Кстати, биологических факультетов в сельхозвузах России нет, но есть отделения охотоведения на зоофаках, охотоведческий факультет ИрГСХА и биофак Вятской ГСХА. Ни один классический университет охотovedов не готовит.

Приводим данное письмо без купюр, поскольку это пример полного равнодушия к поставленной проблеме: «Департамент сообщает Вам об итогах проведенной в 2004—2006 гг. работы по открытию новой специальности «Охотоведение», также о принятом Минобразования России по данному вопросу решении. Согласно протоколу коллегии Минсельхоза России от 05.12.03 г. № 5 «О состоянии государственного управления в области охраны и развития охотничьих ресурсов Российской Федерации», Департаменту кадровой политики и образования совместно с Охотдепартаментом было поручено рассмотреть вопрос о подготовке кадров биологов-охотovedов и внести в установленном порядке на утверждение в Минобразование России проект государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ГОС ВПО) для подготовки биологов-охотovedов в вузах России.

Проекты ГОС ВПО по направлению подготовки (бакалавр, магистр) и специальности «Охотоведение» (квалификация «Биолог-охотовед») были подготовлены рабочей группой на базе МСХА имени К. А. Тимирязева и Депобразования Минсельхоза России с учетом многолетнего опыта подготовки кадров в области охотоведения Иркутской и Вятской госсельхозакадемиями, РГАЗУ.

Материалы по открытию нового направления (специальности) «Охотоведение», после согласования с Охотдепартаментом, были направлены Минсельхозом России в Минобразования России с просьбой рассмотреть их в установленном порядке (письмо Минсельхоза России от 14.05.2004 г. № 2-27/3724 и письмо Делнаучтехполитики от 12.04.2005 г. № 13-01-2/778).

Минобразования России направило материалы по открытию нового направления подготовки (специальности) «Охотоведение» в Учебно-методическое объединение по классическому университетскому образованию (МГУ) на экспертное заключение.

В настоящее время, учитывая проводимую работу по оптимизации Перечня направлений подготовки высшего профессионального образования и созданию государственных образовательных стандартов нового поколения, а также экспертное заключение Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию от 17 января 2006 года № 190-к о возможности реализации образовательной программы в области охотоведения в рамках специальности 020201 «Биология»*, Минобразования России считает открытие нового направления подготовки (специальности)

«Охотоведение» нецелесообразным» (письмо Минобрнауки России от 02.03.2006 № 03-627).

Учитывая изложенное, Депнаучтехполитика рекомендует биологическим факультетам подведомственных Минсельхозу России вузов осуществлять подготовку специалистов в области охотоведения в рамках специальности (020201 «Биология» специализации «Охотоведение».

В сложившихся условиях факультет охотоведения ИрГСХА решил организовать Всероссийскую научно-методическую конференцию «Проблемы охотоведческого образования в современных условиях», которая прошла в мае 2006 года. На конференции были представлены все вузы, имеющие отношение к подготовке охотоведов. В ходе заседаний были обсуждены особенности подготовки охотоведов в различных вузах и техникумах Российской Федерации, особенности подготовки охотоведов и близкородственных специалистов за рубежом, предложен и обсужден проект Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности «Охотоведение», принята резолюция. Конференция констатировала кризисные моменты в охотничьем хозяйстве России, неблагоприятное состояние окружающей среды и охра-

* Новый код — обозначение специальности введен в 2006 г.

Преподаватели и студенты факультета охотоведения КСХИ, январь 1971 г.; С. В. Мараков и Г. К. Корсаков (крайние справа)

ны охотничьей фауны, а также исключительную важность обеспечения условий высококачественной подготовки специалистов охотничьего хозяйства по самостоятельной специальности «Охотоведение».

Охотоведение выросло из специальности «Биология» уже много десятилетий назад и представляет собой самостоятельную специальность. Биолог-охотовед является работником народного хозяйства России и выполняет особые профессиональные функции. Поэтому уже сегодня крайне важно для

народного хозяйства внести в госреестр специальность «Охотоведение».

На конференции отмечено, что в ответ на усиление негативного воздействия человека на биоразнообразие Правительство России и администрации субъектов Федерации должны сохранить и даже расширить государственное высшее охотоведческое образование.

России не к лицу терять свои передовые позиции в охотоведении. Наука и образование должны служить во благо охотничьему хозяйству страны.

«Мохнатый бог» Книга Михаила Кречмара

Приобрести книгу можно непосредственно
в издательстве. Цена книги: **384 руб.**

(включает стоимость доставки книги заказной
бандеролью по территории Российской Федерации)

На выставке «Охота и рыболовство на Руси» (22-26 февраля 2007 г., пав. 69 (2 этаж) ВВЦ) книгу можно будет приобрести по льготной цене.

Ждём вас на стенде «Мохнатый бог»

Реквизиты для оплаты:

ООО Издательский дом «Бухгалтерия и банки»
ИНН 7707504693, КПП 770701001
ОКПО 71595184, ОГРН 1037739936520

р/с 40702810036000002221 в ВТБ 24 (ЗАО)
Розничные услуги г.Москва, к/с
30101810100000000716,
БИК 044525716

Назначение платежа:

за книгу «Мохнатый бог» в количестве ___ экз.

Пожалуйста, не забудьте указать точный адрес, по которому нужно доставить книгу, включая почтовый индекс. Вы также можете заказать книгу наложенным платежом, но это будет дороже.

Телефоны
778-91-20; 684-27-04;
684-27-80 – бухгалтерия

Факс
631-13-22

Подробности на сайте
www.medvedik.ru

Суровая зима

Прошлогдняя зима была на редкость многоснежной и суровой. Почти не было оттепелей, и сыпучий как песок снег, прокаленный морозами, лежал глубоким пухлым слоем. Морозы чередовались с густыми снегопадами и колючими метелями. Даже расчищенная бульдозером дорога оставалась проезжей недолго.

По лесу и полям можно было ходить по следам снегоходов, которых в последние годы появилось немало. След снегохода неглубокий, метель быстро заметает его, оставляя едва приметные штрихи. Но уплотненный гусеницами снег словно сцементирован сильными морозами.

Обитатели леса быстро обнаружили эти необычные «дороги». Даже пятнистые олени ходили по ним, как по припорошенному снегом асфальту.

Олень услышал меня раньше, чем я увидел его. Прыжками ускакал в лес. В сугробе остались уже не отпечатки копыт, как на «дороге», а ямы от прыжков.

На полях не было следов мышкующих лисиц. Мыши спокойно зимовали под снежной толщей, а лисицам пришлось бы «плавать» в сыпучем снегу, попытайся они добывать свой обычный зимой корм. По ночам лисьи следы появлялись в деревнях и поселках.

Однажды на опушке леса я увидел перья и лапу съеденного лисицей дятла. Пошел было в пяту по лисьему следу, посмотреть, как она поймала оплошавшую птицу. Но едва свернул с «дороги» на старую лыжню, по которой прошла лисица, как увяз в снегу. Осталось гадать: лисица подкараулила дятла, когда он слишком низко спустился по стволу дерева? Или все проще — нашла погибшего?

Рядом с перьями дятла и следами лисицы скорлупа от куриных яиц, сложенная одна в одну. Откуда она взялась?

Оказалось, скорлупу с помойки нес ворон. Заметил остатки лисьей трапезы, сел (на снегу перед скорлупой отпечатки двух его лап), прихватил что-то более интересное, чем скорлупа, и улетел.

Не все страдали от глубокого снега. Тетеревам он был даже очень хорош для ночевки. И корм их, березовые почки, высоко над снегом. Только метель иногда мешала кормиться на деревьях.

Глубокий снег — не помеха и черному дятлу. В солнечный, хотя и морозный день он в работе. А яркое среди зимнего леса пятнышко на голове словно веселая весточка от уже не далекой весны.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

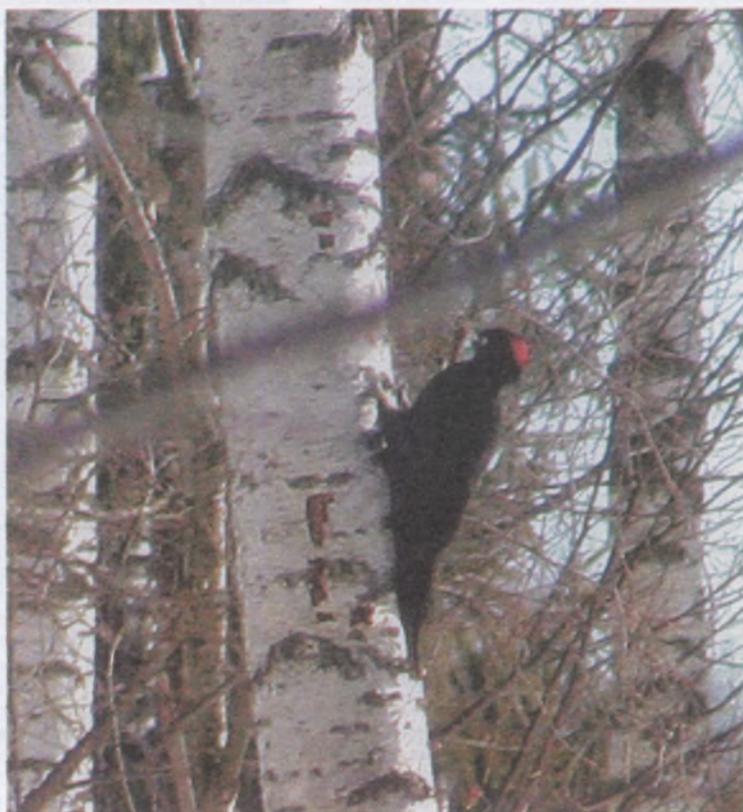

Фото А. Севастьянова

Потрясающее чудо природы: кабаны в лесах вятского глубокоснежья

М. ПАВЛОВ, биолог-охотовед, кандидат биологических наук

Шестидесятые годы XX столетия для вятских охотников стали примечательными небывалым еще природным явлением: в эти годы началось нашествие кабанов в леса Волжско-Камского междуречья. Тогда же в ученном мире само это явление было истолковано как необычайное по масштабам: увеличение численности кабана в постоянных местах его обитания с последующим распространением представителей этого вида на сотни километров к северо-востоку от границ прежнего ареала. Одновременно подчеркивалось, что на вновь освоенной территории кабан обитал лишь в среднем голоцене (1—3 тысячелетия до н. э.) и что на Вятской земле в ее фаунистическом прошлом кабан никем и нигде вообще не обнаруживался. При изучении результатов акклиматизации копытных животных в условиях бывших республик Советского Союза мною (Павлов, 1999) было установлено, что первые заходы кабанов в охотугодья Кировской области стали известны в 1967 г. Тогда появилось сообщение, что эти поселенцы по пойме реки Большой Кокшаги прошли в южные Кикнурский и Санчурский районы области из республики Марий Эл, где они уже встречались с 1966 г. К 1969 г. столь удивившие таежных охотников мигранты, освоив верховья реки Б. Кокшаги, продвинулись далее на восток и уже в то время были обнаружены в лесах бассейна реки Пижмы. А после очень засушливого лета 1972 г., сопровождавшегося массовыми пожарами в центральных областях европейской части России, поток мигрирующих кабанов, осваивавших леса бассейнов рек Пижмы и Моломы,

обозначился и в бассейне реки Вятки, где вскоре они прижились в угодьях всех южных районов Кировской области. В это же время весьма активные переселения кабанов в бассейн реки Вятки были зарегистрированы и из северных районов Нижегородской области, в частности из Шахунского района, а в верховья р. Ветлуги — из Костромской области. В итоге к 1974 г. кабан стал представителем фауны обширных водораздельных лесов Волжско-Камского междуречья. При обитании в Мурашинском районе этот мигрант оказался и в окрестностях поселка Летка, то есть на территории республики Коми, а по мере освоения лесистых земель — в верховьях реки Вятки в Белохолуницком районе, заселил и угодья в северо-восточных Нагорском и Омутнинском районах, откуда затем проник и в бассейн реки Камы. В результате с 1977 г. встречи здесь кабанов стали обычны в пограничных с Пермской областью Верхнекамском и Афанасьевском районах, где много обширных верховых (моховых) болот, но где совсем не развито сельхозпроизводство. Тогда как само появление этих мигрантов в прикамских районах означало, что они повсеместно прижились на Вятской земле. Более того, непредвиденно начавшийся с 60-х гг. миграционный поток кабанов в пределы северо-восточной части европейской России обеспечил не только многолетнее существование этого коротконового предшественника копытных зверей (где жизнь их считалась невозможной), но и включение их в состав местных охотничьих животных. С 1977 г. кабан в области стал постоянным объектом охо-

ты. К 1980 г. поголовье его в вятских лесах исчислялось в 1600 особей, и оно в ту пору практически везде прирастало. В сезон 1980/81 гг. было официально добыто 555 кабанов из 600 разрешенных к отстрелу. В 1991 г., по данным Госохотинспекции, численность кабанов в области определялась в 4560 особей и только по лицензиям членам облохотрыболовобщества было отстреляно 904 зверя. В этой связи нелишне отметить и то, что уже в 80-х гг. охота на них производилась в 36 районах области из 39 и что в один охотсезон в южных районах охотники отстреляли 122 кабана, в центральных — 205, в северных — 86.

Подтверждалось все сказанное также и тем, что к 80-м гг. эти копытные уже повсеместно стали встречаться в угодьях опытного охотхозяйства ВНИИОЗ, расположенного на стыке лесных массивов Слободского, Зуевского и Белохолуницкого районов области. Убедиться в этом лично мне приходилось не раз при обнаружении в начале зимы следовой картины, свидетельствующей о жизнедеятельности крупных стад кабанов. Так, однажды, проходя в хозяйстве из своей избушки по наезженной в сосновом бору дороге от села Роговое в пойменные луга, я пересек на ней следы шедших вразброд 18 кабанов. Не далее 50 м от этих следов ту же дорогу и в том же направлении перешла другая группа из 6 взрослых зверей и еще 3 крупных кабана прошли в одиночку. Все эти следы из межлесных полосок полей вели в глухое, местами моховое болото, находившееся в обширной лесной пойме реки Чепцы.

Для меня, охотоведа и охотника, познавшего за годы работы в охотхозяйственном институте условия жизни кабанов в Прибалтийских странах, в Белоруссии, в приазовских плавнях Кубани, в тростниковых займищах межгорных степей Азербайджана, в горах Памира и Дальнего Востока, установление того, что этот представитель копытных действительно прижился на Вятской земле, не могло быть воспринято иначе как потрясающее чудо природы. Ведь по истечении первого десятилетия жизни на этой земле кабаны пережили в местных лесах не одну морозную зиму, когда температура воздуха понижалась до минус 40°. Пережили они и зимы с ранним (октябрьским) снежным покровом, намного превышавшим полуметровую высоту, и с поздним (майским) стаиванием снега. Не губительными для этих зверей оказались и многоснежные зимы, когда в феврале, например, специальными замерами устанавливалось, что высота снежного покрова в глубине пойменных лесных островов находилась в пределах 90—110 см; в понижениях по болотам и на опушках лесных полос — 150 см; в борах и лесах со смешанным древостоем — 80—100 см; под пологом густых елей — 40—50 см; на лугах и полях — 40—80 см.

Как и следовало ожидать, при таких природных условиях для местных охотников стал небезынтересным вопрос, что же предопределило здесь саму возможность многолетнего существования этих животных, если оно не могло быть обеспечено только постоянным подтоком их сородичей из смежных областей и если не практиковалась тут интродукция кабанов ни в какие другие охотхозяйства.

До 70-х гг. большинство экологов само явление небывалого расширения ареала кабана усматривало в антропогенных, по преимуществу, факторах, в процессах урбанизации природы центральной России. Конкретно это виделось:

— в изменении структуры и характера сельхозпроизводства, породивших большие массивы полей, при котором стала обычной некачественная и, как правило, неполная уборка урожая сельхозкультур;

— в организации широкой сети охотничьих хозяйств, где их служба подключалась к сохранению в них зимующих кабанов, к устройству для этого подкормочных пунктов;

— в общем увеличении численности лесей, определявшей не только наличие в лесах сети зимних зверовых троп, но и не лишней пищи за счет трупов павших животных или остатков от тех из них, что отстреливались охотниками.

Таким образом, само появление кабана в пределах северных областей как бы упрочило понятие того, что этот зверь — обитатель антропогенного ландшафта, где к тому же обнаружил отчетливо выраженные синантропные тенденции, в значительной мере существующая за счет человека.

Применительно к малообжитой Кировской области зимняя подкормка этих зверей не могла быть существенным средством сохранения жизни для большинства из них, так как на необозримых вятских пространствах егерская служба лишь в нескольких пригородных охотхозяйствах одно время регулярно занималась этим делом. Постоянно участвуя в зимних охотах в разных ее районах, я заметил, что сложившуюся вятскую популяцию этих копытных представляют две их группы с разным образом жизни в зимнее время. Одну из них составляли звери, которые, живя семей или стадом, а нередко и в одиночку, вели зимой довольно активный поиск кормов, приваживаясь к животноводческим фермам, силосным ямам, к остаткам зерновых культур на полях, к каким-либо другим кормовым объектам возле населенных пунктов. Там, где для таких кабанов регулярно выкладывалась подкормка, они порой прочно привязывались к ней. Другую группу кабанов представляли особи, тяготевшие, можно сказать, к скрытному образу жизни и поэтому уютившиеся зимой преимущественно в тех угольях, где находились большие хвойные лесные массивы. Здесь они обживали участки, примыкавшие к возделываемым полям, предпочитая посеvy викоовсяной смеси или гороха. По первозимку эти кабаны продолжали активно жировать на таких посевах, но как только снежный покров становился выше 20—30 см и к тому же начинались морозы, они переставали выходить на поля, укрываясь на всю зиму в лесу.

Как охотовед, я не остался безучастным к столь своеобразному поведению

отдельных групп этих копытных, вследствие чего получил неоценимую возможность лучше познать природу кабана как акклиматизанта, удивившего не только охотников, но и многих зоологов своей способностью жить на северах... Так вот, в одну из зим такая возможность стала результатом моего случайного участия в опытных работах сотрудника лаборатории ветеринарии ВНИИОЗ, которому требовалось определить наиболее привлекательный для кабанов корм, с тем чтобы использовать его для пероральной вакцинации диких особей против губительной для них чумы плотоядных. Этот сотрудник попросил приваждать к подкормке в охотхозяйстве института какую-либо кабанью семью в удобном для наблюдения месте. В первой декаде ноября одна такая обособленно живущая семья была мною выслежена на кормежке в поле с плохо убраным овсом. Тогда же удалось установить, что эти звери жировали тут постоянно, уходя на дневку в смежную полосу леса, произраставшего по берегам узкой межполевой речушки Роговки — притоке реки Чепцы. Привлекала их эта лесная полоса, видно, тем, что хвойный ее древостой с очень густыми куртинами молодого ельника, разросшегося по довольно крутым береговым склонам, начавшимся от края поля, окаймлял нижней своей частью приречную заболоченную пойму Роговки с ее ольшаниками, березняками и другими листовыми деревьями. Это местообитание кабаньей семьи устраивало наблюдателя также и тем, что на противоположной, не широкой стороне того же поля, где предпочитали кормиться все ее члены,

Первый кабан, добытый в охотсезон 1980/81 г. в угольях опытного хозяйства ВНИИОЗ. М. П. Павлов (второй слева)

вклинивался узкий мысок лесного массива, выглядевший очень удобным местом для устройства добротной подкормочной площадки. Учитывая все это, я не сомневался, что к этой площадке привяжется подопытное зверье, поэтому сюда быстро были завезены различные корма. В состав их были включены зерновые смеси, концентраты, жмых, а также тушки пушных зверей и птиц. Чтобы был достаток кормов на весь зимний период, зерновую часть в нужном количестве поместили в установленные рядом контейнеры. Для надежного обеспечения предстоящих опытов аналогичное подкормочное устройство было задействовано и у заречной полосы припойменного леса, где находилась когда-то используемая под пашню облесенная со всех сторон поляна.

По завершении всех работ то, что дальше произошло, неожиданно приобрело для нас, можно сказать, статус, равный уже и научному открытию, ибо прослеженное поведение всей семьи этих зверей, в составе которой при матке находилось шесть подсвинок, оказалось полностью нетипичным. К месту, где почти на виду находились выложенные корма, кабаны не подошли. Вся их семья по малоснежью продолжала жировать на участках плохого убранный овса, не подходя туда, где в избытке лежал предпочтительный для них корм. Питались тут «подопытные» звери только до конца второй недели ноября, завершившейся обильными снегопадами, совпавшими с ощутимыми похолоданиями в утреннее и вечернее время.

С углублением снега следы выходов семьи копытных на облюбованное ею кормовое поле вовсе перестали встречаться. Более того, нигде и никем в округе они не обнаруживались и на протяжении всех последующих зимних месяцев (хотя этот припойменный лес по Роговке служил местом активной охоты на зайцев, изредка на лосей, а по чернотропу и на кабанов). С началом снегопадов кабанья семья, прижившаяся у поля, ушла в какие-то дальние лесные массивы. Я продолжал навещать охотугодя того же хозяйства только до весны, точнее до дней, когда понял, чем же обеспечивалась этим копытным возможность жить в лесах, где зимой обычно длительное глубоководное снежное. В третьей декаде марта, посчитав нужным осмотреть подкормочные площадки, а затем напрямую пройти от них на известный мне возле Роговки небольшой глухариный ток, я, пролезая густым ельником, чисто случайно вновь обнаружил ту же семью кабанов. И обнаружил ее в той же припойменной лесной полосе, подступавшей к закрайку поля, которое по осени служило местом жировки.

Я предпринял соответствующие действия, чтобы свидетелем увиденного мною стал не только сподвижник проводимого опыта, но и старший егерь, проживавший на центральной базе охотхозяйства института. В последую-

щие дни мы установили, что найденная семья кабанов разместилась под пологом высокоствольных елей, где имелись полосы полутора-двухметрового подроста, в гуще которого была проложена лишь одна тропа, местами раздваивающаяся на коротких участках. По этой тропе зимующие тут звери перемещались от одного обустроенного для лежки елового настила до другого. Всего таких настилов было насчитано на тропе четыре, притом один находился под выворотом ели, а поэтому выглядел логовом под широким навесом. Протяженность всей тропы с настилами для лежек несколько превышала двухсотметровую длину, и, возможно, только потому, что она была проложена по наибольшему разрозненным куртинам плотно растущего ельника. Помимо этого, только на тропе виднелись несвежие следы зимовавших в такой лесной полосе кабанов. Напрасны оказались и поиски в ней каких-либо поедов этих зверей на древесной растительности, так же как и признаки поедания лишайников на старых деревьях. Особенно озадачило обнаруженное мной нетронутым окровавленное содержимое желудка лося, выгаившее не далее 20 м от проложенной кабанями тропы. Зимовавшая в таком месте кабанья семья не выглядела сколько-нибудь ослабевшей: весь ее состав, только заслышав приближение кого-либо из нас, сразу покидал место лежек и укрывался в наиболее густых зарослях ельника.

В последний день марта с зимовальной тропы на край поля вышел один кабан. Но он лишь постоял какое-то время возле этого поля, покрытого корочкой наста, и своим же следом вернулся в обжитой ельник. И только в ночь на 5 апреля, когда началось резкое потепление и пошел дождь, переживавшая семья кабанов по рыхлому раскисшему снегу в неизменном составе пересекла поле, где жировала в осеннее время, и против мыска леса вышла на лесовозную дорогу. По этой дороге она, оставив по-прежнему вне внимания подкормку, направилась в основной массив леса, где и вышла из-под наблюдения по причине наступившей весенней распутицы.

В итоге более чем четырехмесячная зимовка кабанов проходила в узкой полоске густого ельника. Еловая поросль для зверей была очень важна — пригодна для сооружения ими настила на снегу, на котором можно было бы устраиваться на лежку. Кабан, в отличие от лося, волка или зайца, не может, как выяснилось, лежать на снегу, так как под ним снег вскорости подтаивает. Ну а это уже означало, что если бы вятский лес составлял лишь лиственный древостой, пусть местами и с обычными соновыми борами, то на его земле поселения кабанов, вне сомнения, были бы невозможны. Не обеспечили бы им здесь постоянную жизнь редкие в лесах муравейники, как и копыны соломы, оставленные на полях, обычно используемые бродячими зверьями.

Еще Петр Александрович Мантейфель преподавал будущим охотоведам, что скрытый видовой признак у зимоспящего зверя проявляется лишь там, где он находит определенный состав кормов, обеспечивающий нагул жира, предопределяющего возможность жить без пищи в бескормный период. Ну, а это позволяло мне считать, что многомесячная зимовка кабанов, обнаруженная в небольшом участке припольного ельника, была результатом и того, что таким необходимым для них наживочным кормом в ту осень оказался овес. Тот самый в поле овес, к которому, как известно, перед залеганием в берлогу приваживается, где только можно, и вятский медведь.

В составе корма кабана, обеспечивающего нагул нужного жира, а затем и возможность отлеживаться всю зиму в пригодном для этого лесном укрытии, помимо овса столь же важное (если не большее) значение имеют и черви. Они обычны в его рационе, подтверждением чего является и своеобразное устройство кабаньего рыла, а равно и известные не только охотникам, но и людям, посещающим поля и леса, появления кабанов там, где в верхнем слое почвы они обнаруживают скопления дождевых червей или крупных личинок жуков и каких-либо других насекомых. Дождевые черви — мощный источник полноценного белка для балансирования кормовых рационов при разведении растительноядных животных. Порошок, изготовленный из этих червей, содержит 72–78 % белков, то есть больше, чем рыбная мука (69 %), мясокостная мука (50 %), белковый концентрат сои (45 %). Если в составе пищи растительный белок составляет 90 %, а полноценный животный — только 10 %, все равно только животный белок определяет эффективность использования и всего растительного белка.

По стаянии снега неподалеку от зимовочных настилов подопытных кабанов открылись большие многослойные груды гниющей соломы, за ненадобностью из года в год сбрасываемой с поля под обрыв к припойменной полосе леса. На этих-то обнажившихся грудах соломы и были мною увидены разные по глумине порою кабанов, активно жировавших тут в осеннее время. Наиболее вероятно, что возникшее обилие червей в перегнившей соломе привлекло кабанов устроиться на зимовку поблизости от наиболее кормового места.

Таким образом, можно констатировать, что преднамеренная подкормка кабанов, воспринимаемая в охотхозяйственной деятельности как первоочередное биотехническое мероприятие, не стала решающим фактором расширения их ареала на Вятской земле. Это мероприятие сколько-то было полезным в те годы и в тех угодах, где по осени кабаны не находили нужных кормов для нагула высококалорийного жира.

Бумаге каждый шаг свой поверяя...

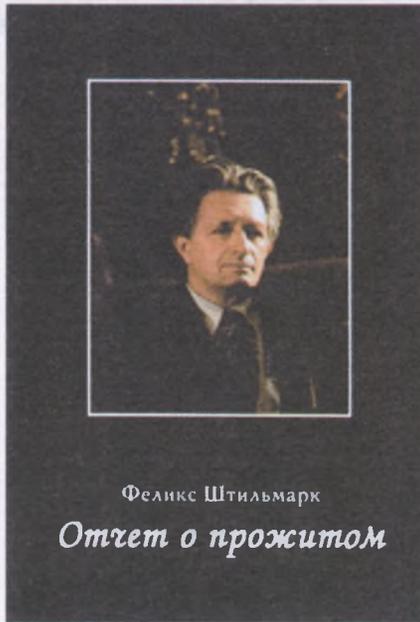
Повторно пережить на склоне лет свою жизнь, на этот раз в пересказе для окружающих — и не только знакомых, — задача не из легких. Особенно если выдалась эта жизнь непростой, изобиловавшей поездками по стране и многочисленными встречами с самыми разными людьми, если отразились в ней противоречия и сложности времени, в котором привелось жить, к тому же — с клеймом сына и внука «врагов народа», которое, будучи стерто реабилитацией отца, все-таки оставило подозрения в недостаточной лояльности к власти.

Именно такая судьба выпала на долю Феликса Робертовича Штильмарка, охотоведа по образованию, широко известного среди специалистов-природоохранителей, охотников и просто любителей природы своими трудами в деле организации и истории заповедников, удостоившими их автора звания доктора биологических наук, а также известного журналистскими публикациями и научно-популярными книгами.

И сейчас речь пойдет как раз о его литературной деятельности, о его воспоминаниях, работу над которыми Феликс Штильмарк завершил незадолго до своей кончины, и опубликованных через полтора года после его смерти¹. Автор назвал их «Отчет о прожитом (записки эколога-охотоведа)». В этом названии сказалась не только привычка человека науки подобным образом озаглавливать итоги своих трудов, но и преднамеренное желание — с некоторым безобидным кокетством — избежать причисления воспоминаний к жанру литературных мемуаров; с «кокетством» потому, что автор, искушенный журналист, не мог не сознавать своих литературных способностей, унаследованных, вероятнее всего, от отца — писателя Роберта Александровича Штильмарка, автора популярного приключенческого романа «Наследник из Калькутты» (написанного во время отбывания срока неправомерно заключения в сталинском концлагере) и романа-хроники «Горсть света».

Одним из основных критериев оценки любой публикации является ее язык, простота и ясность излагаемых мыслей, чувство слога и словарного лада. Прежде всего именно эта сторона воспоминаний Феликса Штильмарка возбуждала меня откликнуться настоящим отзывом на его самое главное, быть может, открытие жизни.

Согласитесь, прочитать более чем пятисотстраничный отчет ученого о его жизни и работе для неспециалиста в этой области дело очень не простое, да еще если он был бы написан в той нау-

Феликс Штильмарк

Отчет о прожитом

кообразной, труднопреодолимой манере изложения, укоренившейся ныне в научном мире (чего, надо сказать, не было в трудах наших корифеев — ученых старой школы).

Я прочел «Отчет о прожитом» как увлекательный роман — может быть, еще и потому, что, как и автор, тоже охотник, что предмет его воспоминаний не чужд мне, технарю, поднатаскавшемуся в этой области при долгом и заинтересованном общении с оховедами-биологами; но снова повторю: не менее, чем описания событий и суждения автора, меня в «Отчете» привлекли его литературные достоинства, его язык и «складность» — то самое, о чем говорят: «Легко читается».

С Феликсом Робертовичем меня связывали давние добрые отношения, на которых не сказывались не совпадавшие порой взгляды на социальную обстановку в стране, на предоставление равных возможностей охотиться независимо от имущественного и общественного положения. Мы оставались при своем мнении, но это не мешало нам относиться друг к другу уважительно и с неизменной симпатией.

Воспоминания прежде всего поражают обилием фактов и подробностей прошлых лет, воссоздающих обстановку научного природоохранного дела страны, обстоятельности многочисленных поездок и встреч с самыми разными людьми с описанием их характеров, портретов, склада мыслей, сопутствующих бытовых деталей...

Как могла сохранить это в течение десятилетий человеческая память? Мемуарист не открывает секрет, как удалось ему восстановить события

прошлого, но почти с полной уверенностью можно предположить, что такое стало возможным лишь на основе дневников того времени.

Ведение дневников, все более уходящее из практики нашей повседневности, — это особая культура жизненного поведения, питающаяся желанием не только запечатлеть факт, но и заново осмыслить его, проанализировать свои действия, извлечь уроки на будущее; дневник — это незримый собеседник, откровенное общение с которым взращивает интеллект... Как жаль, что у большинства из нас нет необходимой самодисциплины и терпения для того, чтобы закрепить в дневнике событие в своей судьбе и отношении к нему, ведь мы живем в неповторимое время, когда на протяжении одной человеческой жизни государство дважды меняло общественный уклад... Еще в XIX веке известный американский писатель-философ, природолюб Генри Торо писал, что любой человек, не лишенный открытости и чувства слова, способен создать интересную книгу о своей жизни, выпавшей на его долю...

Феликс Штильмарк создал такую книгу. Возможно, его вдохновил пример отца-писателя, а гениное наследство предков, обрусевших немцев, с их национальной склонностью к порядку и педантизму, наградило его трудолюбием и усидчивостью при скрупулезном ведении дневников.

Но не только это, думается, обусловило появление «Отчета». Душевные пристрастия автора совпали с делом его жизни, в этом отношении он был счастливым человеком, и книгу свою — это чувствуется — он писал с увлечением. В своих записках он не раз признается в любви к тайге, к Сибири. Только такая любовь могла подвинуть его на рискованые, граничащие с безрассудством поездки в весьма пожилом возрасте, после перенесенного инфаркта в тайгу на промысел с лайкой, где ему приходилось одиноко жить в глухом охотничьем зимовье, по пояс в снегу заготавливать дрова, при нехватке продуктов питаться беличьими тушками, заботиться не только о своем выживании, но и собаки... Промысловики, знающие, что представляет собой такое житье в тайге очень немолодого человека с нитроглицериновой поддержкой сердца, должны воздать должное мужеству этого охотника-охотоведа.

И еще одно, чисто человеческое чувство, которое оставляет прочтение «Отчета о прожитом» Феликса Штильмарка: сожаление о безвозвратно упущенной возможности более близкого общения с этим незаурядным человеком...

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

¹ «Отчет о прожитом (записки эколога-охотоведа)», М., «Логос». 2006. — 1000 экз. 528 с.

Бурый медведь: биотехния и охота

Э. ШИЛЬКО, охотовед Тверской
Региональной Общественной
Организации Охотников «ЕГЕРЬ»
(ТРООО «ЕГЕРЬ»)
Фото автора

Биотехнические мероприятия, направленные на увеличение численности бурого медведя, требуют немалых вложений.

В книге «Акклиматизация и биотехния в управлении популяциями» под редакцией Н. Н. Гракова в разделе о буром медведе в качестве мер, обеспечивающих постоянную кормовую базу, предлагается введение в лесные культуры ягодников, плодовых и орехоплодных кустарников. Безусловно, это действенные меры, но результат будет виден не скоро даже при регулярном культивировании перечисленных культур ввиду того, что при поедании плодов медведи часто ломают как ветки, так и деревья. В нашем случае для увеличения численности этого вида работы ведутся так, чтобы привлечь внимание как можно большего количества медведей буквально с первого года проведения комплекса биотехнических мероприятий. Исходя из опыта ТРООО «ЕГЕРЬ» наиболее действенной мерой является выкладывание привад и большие посевные площади овса.

В основе деятельности ТРООО «ЕГЕРЬ» лежит организация охоты на основные виды охотничьей фауны (медведь, кабан) — равнозначно, как и воспроизводство этих видов. Для этого распахиваются бывшие посевные

площади бывших колхозов и совхозов, на протяжении четырех месяцев в году выкладываются привады. Это позволяет привлечь животных из соседних районов.

На сегодняшний день площадь распахиваемых и засеваемых овсом полей составляет примерно 400 га и еще около 300 га зерносмеси для подкормки кабана. Площади засеваемых полей с каждым годом увеличиваются.

В результате такого комплекса биотехнических мероприятий за 6 лет существования хозяйств численность медведей, по данным визуального учета на овсах, увеличилась в 3—4 раза. Приводим данные визуального учета на овсах структурного подразделения «Горские Устья», Тверская обл., Пеновский район:

2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
31 ос.	30 ос.	54 ос.	62 ос.	72 ос.	79 ос.

Из таблицы видно, что численность медведей значительно увеличилась лишь со второго года возобновления эксплуатации старых посевных площадей.

Однажды пришлось наблюдать, как на овсяном поле площадью около трех гектар одновременно кормилось одиннадцать медведей разной возрастной

категории. Такие случаи не единичны. На краю всех подкормочных полей закладывается привада. Медведи никак не реагировали друг на друга, лишь время от времени некоторые из них поднимались на задние лапы, чтобы осмотреть вновь прибывших на подкормочное поле. На приваду они подходили по очереди. Убедившись, что в очередной раз один из собратьев наелся, подходил следующий.

Медведи непривередливы к корму животного происхождения, но, имея опыт использования привады из разных сельскохозяйственных животных, было интересно узнать, чему все-таки они отдают предпочтение. Закопав на одинаковую глубину и с расстоянием друг от друга около 3-х метров лошадь, корову, павшего зимой лося и свинью, стали наблюдать. Медведи съели приваду в следующей последовательности: лося, лошадь, корова, а свинью практически не тронули, выели лишь внутренние органы. Во всех случаях вначале выедаются внутренние органы и вымя у коров, они наиболее богаты биологически активными веществами и ферментами. В своей книге «Приманки зверолова» С. А. Корытин отмечает, что при изобильном и полноценном питании зверя большей частью избирают тот корм из числа потребляемых,

Контрольно-следовая полоса

Вешки для определения размеров медведя

который встречается реже других. В нашем случае домашние свиньи вообще не встречаются в медвежьем рационе, но тем не менее медведи отказались от нее. Впоследствии при организации охот на приваде, когда появлялась достойная стать трофеем медведь, мы удерживали его привадою из лошадей.

У каждого поля установлена наблюдательно-стрелковая вышка, это дает возможность наблюдать за поведением и временем выхода медведей. Регулярные замеры пальмарных мозолей всех посещающих поля и привады медведей позволяют иметь достоверную информацию о передвижении медведей от поля к полю и о появлении вновь прибывших. Наблюдения показывают, что недавно пришедшие медведи при выходе на поле или приваду ведут себя очень осторожно, не рискуя выйти из леса. Они то и дело появляются то с одной, то с другой стороны поля, пригнувшись и вслушиваясь в окружающую их неизвестность, но желание полакомиться на дармовщинку одерживает верх. Прямая противоположность новичкам — местные старожилы, особенно взрослые самцы. Они появляются внезапно и уверенно.

Для удобства периметр каждого поля опаживается и боронуеться, делается подобие контрольно-следовой полосы. По обе стороны от привады устанавливаются две мерные планки со светоотражающей полосой высотой один метр от земли. Это дает возможность оценить размер трофея. Высота зверя в холке — один метр и выше — указывает на его крупные размеры.

При организации охоты со стрелковых вышек учитываются прежде всего ширина пальмарной мозоли (не менее 15 см, это сводит шанс отстрелять медведицу практически к нулю), размеры зверя, время и стабильность выхода на кормежку и направление ветра. Каждый из перечисленных факторов перед организацией охоты рассматривается и оценивается индивидуально. За весь период времени с момента организации хозяйства на овсах или приваде не была отстрелена ни одна самка. За исключением охоты на берлоге. Но и в этом случае каждая берлога на территории хозяйства проверяется путем шумового подъема медведя и обкладывания его вью. Опыт организации охот показывает, что обладатель пальмарной мозоли шириной менее 13,5 см — это или самка, или молодой самец, которые не являются трофеями.

Хорошая кормовая база дает возможность медведям набрать достаточное количество жира, чтобы перенести суровый зимний период, особенно это важно для молодняка.

При проведении охот на берлоге неоднократно отмечалось, что добытые на территории ТРООО «ЕГЕРЬ» или граничащих с хозяйством районов медведи отличались очень хорошей упитанностью от добытых в других районах.

При поиске берлог в первую очередь протрещиваются лесные массивы вокруг

привад, которые посещались медведями до выпадения снега. В 2003 году последний посещавший приваду самец наблюдался 10 декабря (Пеновский район, ур. Меглино). Толщина снежного покрова составляла уже около 20 см.

В 2004 году медведи прекратили посещение привад 23 октября. Снег еще не выпадал.

В 2005 году привада посещалась до 5 декабря. Толщина снежного покрова составляла уже около 30 см.

Впоследствии оба наблюдавшихся самца были обложены на расстоянии 1,7 и 2,8 см от привад, на которые они ходили (расстояние измеряли при помощи GPS-навигатора). Их берлоги контролировались до весеннего пробуждения. Одновременно с наблюдениями в Пеновском районе проводились наблюдения в Торопецком, Фировском, Селижаровском, Андреапольском, Сандовском районах Твер-

ской обл., а также Марёвском районе Новгородской обл. В каждом из перечисленных районов в разные годы медведи, посещавшие привады до становления снежного покрова, были обложены на расстояние от 1 до 3 км от привады.

Охота — страсть миллионов, но не стоит забывать, что охотничья фауна не является неисчерпаемой. Она требует к себе особого внимания, и это внимание, на мой взгляд, можно обеспечить закреплением беспризорных угодий — угодий общего пользования — за юридическими и физическими лицами, имеющими возможность плодотворно развивать охотничьи хозяйства. Практика показывает, что до минимума сокращается браконьерство и численность волков, наблюдается планомерное увеличение численности как основных, так и второстепенных видов охотничьих животных.

Охотничья вышка

Размышления о судьбах охоты на Вятской земле

В. ПОПОВ,
Заслуженный работник охотничьего
хозяйства России

«...Охота — часть хорошей жизни»
Эрнест Хемингуэй

Охота — своеобразный, складывавшийся веками огромный пласт культуры народов России, отраженный в литературе, живописи, музыке, скульптуре, архитектуре.

Для начала немного истории. Известно: народы, населяющие Россию, охотой занимались от века. В древние времена для жителей Предуралья, куда входит и Вятская земля, охота была самой жизнью: от нее они кормились и одевались до того времени, как они познали земледелие и занялись им. Поскольку как такового частного землевладения на Вятской земле в прошлые века не было, охотничьи угодья были общедоступными. Даже в царские времена, когда вятские леса размежевали на государственные и общинные (деревенские), охотник мог пойти на охоту в любой лес. Никаких охотничьих организаций не было. Не было и узаконенных государством правил охоты. Охота стояла на вековых традициях, на совести и моральных устоях охотников.

Однако во второй половине XIX века великий князь Владимир Александрович, сам страстный охотник, решает придать охотничьему делу определенную организованность и, покровительствуя, создает Московское Императорское общество разведения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, председателем которого он был с 1872 по 1909 гг. Образование этого общества послужило как бы толчком для учреждения охотничьих обществ и в других местах Российской империи. В конце XIX — начале XX столетий общества правильной охоты создавались и на Вятке, вятчане даже выпускали журнал «Охотник», который распространялся по всей России.

После 1917 года пошли лихие времена для охотничьих объединений. Власть захватили люди, далекие от охоты, желающие управлять ею, но не знающие, как это сделать. Были годы, когда охоту даже относили к спорту. В 1934 году в Кирове при городском комитете физкультуры создается городской спортивный охотничий комитет. О чем думали власти? Ведь спорт предполагает соревнование. В чем оно может заключаться на охоте? В том, кто больше наловит, настреляет? Такая охота не может называться правильной.

Лишь после Великой Отечественной войны начался очередной этап образования обществ охотников разных уровней, в том числе и районных. При этом

еще какое-то время охотничьи угодья по-прежнему оставались общедоступными. Закрепление угодий за различными охотпользователями началось в 60-х годах XX столетия. Для рядовых охотников закрепление означало: свободному передвижению по угодьям, даже в пределах своего административного района, приходит конец. Получив в распоряжение охотничьи угодья, общества худо-бедно жили, выполняли те задачи, ради которых были образованы. Госохотинспекция осуществляла контроль за их деятельностью и поведением охотников в лесу. Был случай, инспекторы прилетали даже на вертолете для проверки правильности нашей охоты на кабана.

Но в начале 90-х рухнула плановая система хозяйствования и вместе с ней обещанный, но так и не построенный коммунизм, вместо него на российскую землю снова пришел капитализм. Возник вопрос: что же будет с охотой? В новых условиях обществу стало худо: пришло безденежье. И, как следствие, ухудшилась охрана угодий, во многих обществах работы по биотехнике сошли на нет. Под угрозой оказалась правильная охота: гражданское общество резко разделилось на бедных и богатых. В этих условиях появились люди, желающие взять часть охотугодий в частную собственность, хотя бы на правах аренды. На Вятку это веяние пришло с некоторым опозданием. В соседней Пермской области движение за аренду угодий началось еще в 90-х годах прошлого столетия, у них был даже образован союз охотпользователей с годовым взносом 30 тыс. рублей с каждого. Но в связи с последними реформами государственных органов управления охотничьей отраслью и контроля над ней союз распался. Однако распад союза не означает ликвидацию самого движения за аренду охотугодий.

В одном из таких частных, на условиях аренды, хозяйств мне удалось побывать в декабре 2005 года. С охотником этого хозяйства Сергеем Зыряновым мы выехали на машине из Кирова в Пермь 7 декабря. Маршрут проходил через Омутнинск, Афанасьево, или, как говорят шоферы, по верхней дороге. Всюду вдоль нее виднелись пустые, заросшие лесом поля и тополя с березами на месте бывших деревень. Не доезжая до Перми 130 км свернули с трассы на проселок и увидели в свете фар аншлаг: «Охотничье хозяйство

«Лось». Охота по путевкам». Вскоре засветилась и территория охотбазы, расположенной, как позднее выяснилось, на месте бывшей деревни Лапти. На базе нас приветливо встретили директор хозяйства, потомственный охотник Андрей Рудольфович Даровских и другие охотники, пригласили в охотничий дом. Признаюсь: за полвека работы в сфере охоты мне приходилось останавливаться в гостиницах и домах охотника разных городов и хозяйств, включая Москву, но то, что явилось моему взору внутри этого дома, удивило и повергло в восторг: здесь все внутреннее устройство дышало любовью к собратиям по охоте. Не дожидаясь вопросов, Андрей обвел рукой своих друзей и сказал: это все их работа. Днем показали другие строения: гаражи для машин, помещение для собак — лаек и гончих. Все устроено не кое-как и наспех, а с толком, с чувством. 13-го, в субботу, нам устроили настоящую баню. А теперь о главном, ради чего ехал в такую даль. Пригласили меня на облавную охоту, день на лося и день на кабана. Что мне удалось приметить за эти два дня: охота производится лишь в определенные правилами сроки. Установки, которые давались каждый раз перед выездом в угодья, убедили меня в том, что понятия правильной охоты не умерли, они еще живы.

1. Оружие заряжается только при постановке на номер и разряжается, как только охотник уходит с номера. Это означает: стрельбы с подъезда не может быть.

2. При охоте на лося коров (самок) не стрелять.

3. При охоте на кабана первых трех зверей не стрелять: это идут свиньи (самки). Так проявляется забота о естественном воспроизводстве этих зверей.

4. Охота производится только окладом, загонщик идет в загон с лайками, он и охотники на номерах снабжены переговорными устройствами, поэтому случайный перестрел (отстрел сверхлимита) практически невозможен.

5. Об охоте у солонцов и кормушек для кабанов нет и речи, на площади 18,5 тыс. га 7 кормушек, 24 солонца, кормовых полей в 2005 году было посеяно 40 га. Благодарная природа не замедлила откликнуться на заботу, по мартовским учетам 2005 года установлено: в хозяйстве живут 60 лосей и 130 кабанов, на кормовых полях в августе были замечены одновременно 19 медведей.

Хорошая плотность заячьего населения, есть тетерев, глухарь и другая охотничья мелочь. Да как не быть зайцу? Земли хозяйства представляют собой безлюдную пустыню. Из более чем полусотни деревьев, некогда находившихся на его территории, живых осталось 6, расположенных в основном по границам хозяйства, и еще столько же, в которых доживают свой век одинокие старушки. Поля заброшены, зарастают березой, осиной, ивой, это кормовая благодать для зайцев и лосей.

Создавали хозяйство «Лось» и содержат его в хорошем состоянии двоюродные братья Андрей Рудольфович Даровских и Игорь Николаевич Шубин, близкие не только по крови, но и по духу в понимании сути правильной охоты как одной из рачительных форм в использовании человеком даров Природы.

Обслуживают хозяйство и поддерживают в нем порядок директор, 2 егеря, охотовед, 2 водителя, сторож, он же повар по совместительству, и 4 человека друзей-единомышленников директора. Думаю, содержание хозяйства стоит немалых средств, но примечательно, что для местных охотников и добропорядочных пермских городских охота на зайцев и другую мелочь в хозяйстве разрешается по бесплатным путевкам.

Когда я рассказываю обо всем виденном своим вятским друзьям охотникам, то слышу первым вопрос: «А какую выгоду от хозяйства имеют братья?» На что отвечаю: а какую выгоду преследовал великий князь Николай Николаевич-младший — страстный охотник, кинолог, создавая в 1887 году

в Першино (Тульской губ.) комплексную охоту, в составе которой было 100 кровных гончих, 130 борзых, 87 лошадей, 78 человек obsługi. Он просто искренне любил традиционную правильную, русскую охоту. Его бесконечно радовал сам процесс охоты, проведенной точно и с мастерством. Его благородное дело не прошло незамеченным в истории русской охоты. Собаки першинские послужили одной из основ создания современных отечественных пород борзых и гончих. Именно о таких людях, создающих и сберегающих охотничьи богатства России, бескорыстно служащих славе российской охоты, сохраняющих ее вековые традиции, наш поэт Н. А. Некрасов сказал: «Лучший процент русского народа отделяется в охотники».

Как относиться к видимо неизбежному процессу аренды охотугодий в частное пользование? В описанном случае, считаю, одобрительно, тем более деятельность хозяйств одобрили и пермские власти. «Лось» в областном конкурсе охотхозяйств признан лучшим хозяйством и отмечен дипломом. Но надо помнить, что Вятская земля в сравнении с Пермской бедная, в большинстве бедны и вятские люди. Хотя наши земли сестры, и не только по своему географическому положению, но и сестры духовные. Еще при Петре I они были в одной епархии, их духовным отцом был архиепископ Вятский и Великопермский. Роднят их и главные реки земель Вятка и Кама, рожденные, по меркам российских пространств, рядышком. На карте видно: так и текут они поначалу, как родные, на север, но

вдруг, словно поссорившись, расходятся. Кама поворачивает на Восток, к Уралу, где есть золото, алмазы, другие богатства, а Вятка поворачивает на запад, в земли, богатые лишь красными глинами, из которых в старину делали кирпич и отправляли его, когда Петр I строил северную столицу России, в Петербург. И теперь историки спорят, какой кирпич, — каждый второй или пятый — во дворцах Петербурга вятский, но доходов этот спор не приносит.

Учитывая все вышесказанное, на Вятке передачу охотугодий в полную собственность нельзя оставить без контроля со стороны государственных органов, хотя к госчиновникам вятские охотники не испытывают ныне большого доверия и любви. Очень плохо, что Закон об охоте в России до сих пор не принят, а Закон о животном мире и Земельный кодекс не дают ответа на вопрос, на каких условиях передача охотугодий в аренду должна состояться, поэтому сознаем: определенного чиновничьего произвола при решении вопросов передачи не избежать, если областное законодательное собрание не выработает свои, местные условия, на которых эта передача может и должна состояться. В противном случае последствия эксплуатации охотфонда в частных хозяйствах могут быть печальными. Мы можем получить пустыню, если их владельцы, не имея средств на ведение хозяйства, будут преследовать только выгоду. Выработывая условия передачи, надо помнить и о судьбе охотников из бедной части вятского населения.

Фото О. Чугунихина

Северный олень

Профессия основного местного контингента полуострова Камчатка (чукчей, эвенков, коряков) — оленеводство. Круглый год они кочуют с оленями по тундре, выполняя главную сложную задачу — сберечь стадо, защитить от хищников и болезней, не допустить отколов, ведь олени десятками убегают на волю.

Олень — это и мясо, и одежда: легкая, удобная, красивая.. Северный олень — это и средство передвижения, поэтому ездовые олени очень ценятся. Зимой в тундре олени упряжки — основной вид транспорта, да и кормить их не надо, корм они добывают сами.

Дикий северный олень очень осторожен, не каждый охотник может похвастаться встречей с ним. На Камчатке они сохранились, особенно в заповедных зонах (Кроноцкий заповедник) и в Корякском автономном округе. Были времена, когда целые потоки диких оленей двигались через пастбища оленеводов. Дикари шли и увлекали за собой домашних оленей.

Олени хорошо приспособлены к жизни в тундре, эту привязанность одомашненный северный олень сохраняет. А дикий северный олень летом обитает в заболоченных долинах рек, а зимой откочевывает к поясу тайги и горным массивам, где больше лишайников.

В отличие от других видов этого семейства, у северного оленя рога носят не только самцы, но и самки, но они тоньше, слабее и короче.

Прирученный северный олень остается полудиким животным, по образу жизни мало отличаясь от дикого. Кроме разнообразной окраски (даже белой), домашний олень не приобрел стойких отличительных признаков. Они легко смешиваются с дикими оленями, скрещиваются с ними и сами быстро дичают.

Фотоконкурс
«Охота и природа. 2006»

Сергей ТИШКЕВИЧ
Фото автора

ОХОТНИК ОТ БОГА

К 80-летию со дня рождения

Модест Владимирович Калинин родился 20 февраля 1927 г. в Ленинграде в семье деда — профессора Лесотехнической академии (ЛТА) М. М. Орлова. В семье не было охотников, но царил дух пантеизма, восхищения природой, обожествления ее творений. Такое отношение к родной природе Модест сохранил на всю жизнь. В огромной дедовской библиотеке он нашел и прочитал книги С. Н. Богданова, Н. М. Пржевальского, Д. Н. Кайгородова, крестного отца его матери. Они и формировали его интересы и жизненную позицию.

Охотиться начал в блокаду. Удачная охота с рогаткой приносила кусочек мяса к столу голодающей семьи. Позже оказался в оккупированных Эссентуках, куда по постановлению Совнаркома были вывезены сотрудники ЛТА, охотился на перепелов. При переезде в Свердловск стрелял из трофейного карабина «Маузер» сусликов. Уже будучи в Свердловске участвовал в своей первой экспедиции по изучению пищевых растительных ресурсов Урала, где впервые взял в руки гладкоствольное ружье. По возвращении в Ленинград учился на лесохозяйственном факультете ЛТА. Был председателем студенческого кружка научного охотоведения. Приобрел охотничьих собак: английского сеттера Нору и русского выжлеца Угрюма. Все время «запойно» охотился. По окончании четвертого курса уехал с аэрофотолесоустроительной экспедицией в Южное Приморье, в Уссурийский край. Экспедиция длилась 8 месяцев (за это время в Ленинграде скончался любимый профессор Модеста — Г. Г. Doppельмайр). Потом последовал ряд других экспедиций в отдаленные районы страны, давшие возможность познакомиться с охотничьим хозяйством нашей Родины. С 1957 г. работал в Ленинградском Дворце пионеров в качестве преподавателя кружка «Юный следопыт-охотник» и тренировал юношескую секцию стеновой стрельбы Ленинградского общества охотников. Перейдя в Ленинградский научно-исследовательский институт лесного хозяйства, работал по охотоведческой тематике, откуда и ушел на пенсию.

Калинин — разносторонний охотник, а точнее — деятель охотничьего хозяйства. Он считал лесохозяйственное образование недостаточным для оховеда-биолога и поэтому дополнил его целым рядом университетских курсов биологического факультета. Имея постоянную связь с ведущими зоологами ЛГУ — А. С. Мальчевским, Г. А. Новиковым; ЛТА — Г. Г. Doppельмайром; ЗИНа — К. А. Юдиным, Н. К. Верещагиным, Р. Л. Потаповым, он поставил им различный зоологический материал. Общение с выдающимися учеными обогащало его териологическими и орнитологическими знаниями. С профес-

Модест Владимирович Калинин

сором А. С. Мальчевским он занимался магнитофонными записями голосов живой природы. С 1949 г. занимался стендовой стрельбой, создав секцию в ЛТА, где был многократным чемпионом не только на стенде, но и по стрельбе из мелкокалиберной и боевой винтовок и пистолета. Был чемпионом ДСО «Наука», «Буревестник», Ленинградского общества охотников. Многократно выполнял норматив кандидата в мастера спорта, после чего был включен в состав сборной команды Ленинграда и Ленинградского общества охотников, в составе которого стал чемпионом Главохоты. Метко стрелял на охоте и дробью, и пулей. Имел высокопородных собак — английских сеттеров и русских пегих гончих, с которыми выигрывал различные состязания и чемпионаты.

Помимо преподавания во Дворце пионеров вел занятия по биологии лесных зверей и птиц в ЛТА. Печатался в газетах «Ленинградская правда», «Санкт-Петербургские ведомости», «Ленинские искры», «Лесная газета». В 1950 г. литературно-охотничья общественность Ленинграда решила издавать свой охотничий альманах «Наша охота». С 1975 г. М. В. Калинин избирают на хлопотливую должность редактора-составителя этого издания. Несмотря на большую популярность альманаха (последний, 7-й выпуск был издан тиражом 100 тыс. экземпляров, и 82 тыс. были распроданы в Ленинграде — данные «Книготорга»), восьмой сборник, уже подписанный к печати, так и не вышел в свет. Перестройка и здесь оказала свое пагубное влияние. С 1955 г. Калинин был и остается подписчиком

журнала «Охота и охотничье хозяйство», а с 1962 г. стал печататься в нем. Всего в этом журнале опубликовано около сотни очерков, рассказов, репортажей Модеста Владимировича по самым различным темам, от вопроса: «Почему исчезает белая куропатка?» до впечатлений о румынском охотничьем хозяйстве.

К слову сказать, Модест Владимирович много и успешно охотился в европейских странах, наблюдая при этом за состоянием и особенностями их охотничьего хозяйства, о чем рассказывал читателям. Охотоведение и охотничьи пути-дороги свели Модеста Владимировича со многими известными деятелями этой области. Словацкий союз охотников наградил Калинина охотничьим карабином и присвоил звание Почетного члена. Еще раньше звание Почетного члена присвоили ему литовское и грузинское общества охотников, а Россохотсоюз — звание Почетного работника охотничьего хозяйства России.

Даже после перенесенного инсульта в 2000 г. Модест Владимирович не мог отказать от того, чем жил и дышал всю жизнь, — от Охоты. Друзья охотники приглашают Калинина на охоту, а он своими знаниями, огромным опытом помогает им. Теперь, когда он вынужден двустольку, автомобиль и подъездной член сменить на письменный стол, появилась возможность писать больше. И он делится пережитым с теми, кому дорога Охота и жизнь родной природы.

В. ШЕВЧЕНКО,
редактор журнала
«Петербургский охотник»,
член Союза журналистов

УРАЛ

*«Воспоминание — это единственный рай,
из которого нас не могут изгнать».*

Жан Поль Рихтер

Вдалеком 1943 году я работал в должности коллектора в экспедиции по изучению пищевых растительных ресурсов Урала. Тяжелое военное положение вынудило правительство еще в августе 1941 года создать в Свердловске комиссию по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны. Комиссия, состоявшая из 600 человек, включала и группу по изучению пищевых растительных ресурсов. Этим разделом работы руководил академик Владимир Николаевич Сукачев. Так как обследуемая территория была велика, было создано несколько групп. Одной из них руководил известный биогеоценолог и дендролог, любимый ученик Сукачева Николай Владиславович Дылис, назвавший даже один из видов лиственницы именем своего учителя *Larix Sukachevi* (ларикс сукачеви). Оба эти ученые были мне знакомы еще по Ленинграду. Сукачев часто бывал у моего деда, профессора Ленинградской лесотехнической академии (ЛТА) М. М. Орлова. Николай Владиславович Дылис взял меня, тогда совсем еще мальчишку, под свое крыло. Нашей группе поручено было обследовать Нижне-Серьгинский район Свердловской области на Среднем Урале. Рядом находилась Бисерть. Мой одноклассник по свердловской школе Юра Пышков рассказывал, что его отец, известный охотник, во время войны по заданию военкомата промышлял там, а отстрелянных лосей и косуль сдавал госпиталям. Так как в доме Пышковых всегда было мясо, соседи любили заглядывать к ним, особенно во время обеда. Время-то было голодное. Гостеприимным хозяевам приходилось пришедших усаживать за стол. Когда такие визиты превысили допустимые приличиям рамки, хозяин придумал способ... В один прекрасный день гостям была подана «дичь», которую съели с удовольствием. Когда сытые гости уходили, хозяин вежливо поинтересовался, понравились ли им лягушки. После этого незваных гостей больше не было.

Там я впервые взял в руки ружье. В Ленинграде я «охотился» с луком, позже, в блокаду, — с рогаткой, в эвакуации — с трофейной винтовкой «Маузер» и, наконец, с настоящей гладкостволкой! Николай Владиславович, без тайной мысли пополнить наши весьма скудные съестные припасы, выпросил у местного лесника его «фрولوку». Это была старенькая винтовка, расверленная под патрон 32 калибра. К ней мы раздобыли две гильзы, мешочек дроби и полпачки черного пороха. Пыжи заменяла газета. Я был горд и счастлив, став ружейным охотником. Я трогательно и нежно заботился о своей «старушке». Скоро сильно заржавевший затвор, тщательно вычищенный и смазанный, стал легко открываться и закрываться. Вот уж действительно, как утверждает пословица, «ружье любит ласку, чистку и смазку». Все рабочее время я занимался своими не-

посредственными обязанностями: собирал гербарий, снабжая каждое собранное растение соответствующей этикеткой на латыни.

Обещанный гербарными папками, с полевой сумкой и ружьем, я ежедневно совершал длительные маршруты по местным лесам и полям. Во время одного из походов в лесу бесшумно вспорхнула большая птица и села на дерево. Долго я освобождался от опутывавших меня ремней, но птица не улетала, она только слегка поворачивала голову. Ее желтые глаза смотрели на меня скорее с удивлением, чем с испугом. Это была моя первая добыча из ружья. Дома Н. В., осмотрев «дичь», сказал, что это филин. Подумав, заявил, что это «большая сова». В своем полевом блокнотике я сколько мог подробно описал добытую птицу и даже сохранил некоторые перышки. В Свердловске, с помощью определителей из городской публичной библиотеки, завсегдаем которой я стал, я точно установил, что это была бородатая неясыть. Дамы оцепали птицу, удивляясь мягкости ее пера, а при потрошении были неприятно поражены, обнаружив две мыши. (Мы-то с Н. В. говорили им, что это куропатка. Правда, для этого пришлось срезать когтистые лапы и голову). Было решено сварить бульон. Утром в котле обнаружили толстый слой жира. Мясо было белое, мягкое и вкусное! Мой охотничий авторитет значительно возрос.

Места, где мы работали, были не только красивые, но и дичные. Часто попадались рябчики, иногда тетерева. Сильное впечатление произвела пойма Серьги, впадающей в большую реку Уфу. По песчаным отмелям бегали различные кулики, в камышах стояли аисты и цапли, по воде и в воздухе одиночками и стайками сновали утки.

На каком-то заросшем ручье я поднял стайку уток, шумно пробираясь по бредняку, которым заросли берега. Охотничья смекалка подсказала, что птицы еще вернуться в это укромное место. Я засел в кустах, поджидая уток. И они не заставили себя долго ждать. Почти вертикально сверху, тормозя крыльями и хвостом, опустилась стайка чирков. После выстрела одна уточка осталась на воде. В обед она была съедена, но дамы сказали, что «куропатка» была вкуснее.

Потом меня постигло несчастье: разорвало гильзу, и только дома, с помощью самодельного шомпола, удалось ее выбить из ствола. У меня остался один патрон. Выстрелив, я сядилась вновь заряжать освободившуюся гильзу. Сначала шилом выковыривал кап-

сюлю, потом обушком топорика, который всегда носил в лес, забивал пистон. Бережно на глазок, каждый раз боясь пересыпать, отмерял порох, забивал навойником пыж из газеты (навойник я сделал из сухого дубового сучка). Пясткой засыпал дробь. После чирка моей добычей были только дрозды, но и они украшали наши скромные трапезы. Кто не переживал военной голoduхи, вряд ли поймет меня.

Позже я еще раз побывал на Урале, теперь на южном, в Кусинском лесхозе, что рядом с Ильменским заповедником, в составе лесоустроительной экспедиции, где я работал в качестве инженера-таксатора. Теперь я был уже другим охотником. Я имел прекрасный бофлинт 12 калибра немецкого штукника Габриэля Мозиера, работавшего на меркелевских заготовках. Со мной был мой верный Бой — английский сеттер, сопровождавший меня во всех экспедициях. Я имел обширные, скорее практические, чем теоретические, познания и, главное, огромную охотничью страсть. Если сказать по правде, именно эта страсть и заставляла из уютного и теплого дома отправляться в лесную глухомань и бездорожье далеких окраин.

Нашел я и глухариный ток, совершенно не похожий на наши привычные. Это была сухая сенокосная поляна среди соснового леса. Место было тихое, редко посещаемое. Здесь я впервые познакомился с осенним токованием глухарей. А однажды памятным выстрелом сбил старого мошника. Я пришел на эту поляну днем, и вдруг с краю поднялся глухарь. Я сорвал с плеча ружье, повел стволами и выстрелил. Птица была бита чисто. Как сейчас помню, стрелял французским патроном фирмы «Жевело» с дробью № 3 (он был отдан мне дядюшкой, привезшим его из Германии после войны. Патрону было не менее 30 лет). Этот редкий трофей я с оказией отправил в Москву, моей любимой тетюшке, жившей на Тверском бульваре в коммунальной квартире вместе с известным режиссером Андреем Гончаровым. Он мне потом рассказывал, что «дичина была вкусной, но мясо... жестковато».

В конце полевого сезона, уже перед самым отъездом, я добыл трехгодовалого лося-бычка. Мы с моим хозяином на его лошадачке съездили в лес и тайно вывезли добычу, чтобы не возбуждать зависти соседей. Лицензии на отстрел лося в экспедиции не было. Хозяйка нажарила лосятину большими кусками, всю дорогу от Челябинска до Москвы мы питались мясом.

Друзья подарили мне чернильницу в виде двух собак — пойнтера и сеттера, застывших на стойке по куропаткам. Эта скульптурная группа знаменитого каслинского литья всегда напоминает мне леса Кусы, увалы Таганая, воды озера Тургояк, роскошь и богатство Урала.

М. КАЛИНИН

Работа гончих: влияние климата, тропы и погоды

В. ПОДСЕВАЛОВ, участник ВОВ, инженер лесного хозяйства

В середине осени в одетых багрянцем русских лесах трубят охотничьи рога, жарко кипит страстный и певучий гон. Началась охота с гончими.

Охота с гончими — массовая русская охота. Она трудна и утомительна, но вместе с тем увлекательна и чрезвычайно эмоциональна. Успех охоты в первую очередь зависит от рабочих качеств одиночки или смычка гончих, а также от наличия благоприятных условий, тропы и погоды.

Еще каких-нибудь 60 лет тому назад охота с гончими была уделом охотников северной и среднерусской лесной полосы и Северного Кавказа. А охотники степных регионов об этой охоте и не помышляли, лишь в пойменных лесах Волги и Дона и их притоках эта охота носила небольшое, очаговое распространение.

В связи с проведением в больших масштабах лесомелиоративных работ в ранее безлесных пространствах юга и юго-востока России и Украины, начатых в середине прошлого столетия, трудом человека созданы искусственные леса, дубравы, полезацинные и приовражные лесные полосы, насаждения на песках и по берегам водохранилищ. Коренным образом изменился облик степи. Эти изменения и создали условия для охоты с гончими, но в каждом регионе охота с гончими имеет свои характерные особенности. Опытные, бывалые гончатники хорошо знают, что для успешного гона очень много значит состояние тропы и погоды. Вот об этом — то начинающие гончатники имеют смутное представление и часто несправедливо ругают и бракуют своих гончих.

По возможности использования гончих территорию европейской части России можно схематично подразделить на регионы:

1. Лесной — с лесистостью свыше 25 % и коэффициентом увлажнения более единицы (отношение количества осадков к испарению).
2. Лесостепной — с лесистостью 10—24 %, коэффициентом увлажнения 0,55—1.
3. Степной (луговая степь, сухая степь и полупустыня) — с лесистостью 9—10 % и коэффициентом увлажнения 0,55—0,25.
4. Горной (горные леса Кавказа и их предгорья) — с лесистостью свыше 10 % и коэффициентом увлажнения 0,5 и выше.

Наилучшие условия для гона, несомненно, создаются в прохладную $+3...+7^{\circ}\text{C}$ и безветренную погоду по черной тропе при высокой влажности воздуха и влажном напочвенном покрове.

Гончая на пестрой тропе

Эксперт по легавым собакам К. Бобров из Ленинграда в статье «Влажность воздуха и чутье собаки» (журнал «Охота и охотничье хозяйство» № 10 за 1968 год) пишет: «...я установил, что при влажности воздуха ниже 40 % собаки практически не работают, причувывая птицу, сталкивают ее без стойки и, в лучшем случае, работают накоротке. При влажности воздуха свыше 50 % собака работает нормально, показывая свою индивидуальную дальность чутья. А если влажность еще выше (до 95 %), то у собаки появляется более дальнее чутье». Сказанное вполне справедливо и для работы гончих, несмотря на некоторое различие в природе запахов птицы и зверя.

В малолесных районах большое значение имеет и ветровой режим. Опытными отечественными климатологами установлено, что скорость ветра в лесу в 4—9 раз меньше, чем в поле. Это прямо влияет на продолжительность сохранения запахов зверя на его следу.

Приведем краткую характеристику указанных выше территорий с точки зрения применения гончих:

Лесная полоса с высокой лесистостью, устойчивым увлажнением (осадков выпадает больше, чем их испаряется) и прохладной погодой в осенний чернотроп наиболее благоприятны для охоты с гончими. Прохладный и влажный весенний чернотроп (апрель-май) при медленном нарастании положительных температур, свойственный только этой полосе, создает длительный период для нагонки гончих.

Белая тропа в ноябре, декабре и январе при температуре $-3...-10^{\circ}\text{C}$ в основном достаточно благоприятна для работы гончих. И лишь глубокий снег, сильные морозы, односледица и гололедные явления мешают их работе. Мешает и кухта, нависшая на

подросте хвойных пород, а также на подлеске после обильного снегопада, так как зверь, пробегающий по ним, осыпает снег на свой след, хороня свои запахи.

Сильный ветер и в лесу вредит охоте с гончими: трудно следить за гоним и подставиться под зверя, а иногда охота и вовсе срывается, так как гончие надолго сходят со слуха. На причувывание звериного следа в лесу сильный ветер не оказывает такого пагубного действия, как в поле или в степи. И лишь на ветроударных склонах в местностях с холмистым рельефом да в молодняках с небольшой высотой древостоя и на свежих вырубках отрицательное действие ветра может проявляться в заметной степени.

Лесостепная полоса (северная часть) также благоприятна для охоты и нагонки, и лишь в южной ее части условия усложняются. При небольшой лесистости (островные леса) зверь ходит не только лесом, но и полем, где условия иные: более часты сильные ветры, по чернотропу запахи зверя быстро улетучиваются, на лапы зайца иной раз налипают грязь (на глинистой почве), и он ходит как бы в носках из грязи, а по снегу след быстро заматывается поземкой. Весенний, очень нужный для нагонки молодых гончих чернотроп в южной части зоны менее продолжителен.

Степная зона наиболее трудна для охоты с гончими и их нагонки. На ней я остановлюсь более подробно, так как отдельные моменты типичны для всех других территорий. Малая лесистость, сухой, жаркий климат и низкая относительная влажность воздуха даже в апреле-мае и в ноябре-октябре резко ограничивают возможности по нагонке гончих.

Возьмем Волгоградскую область, в частности в Волгограде и ближайших к

нему районах выпадает осадков (в мм): в апреле — 20, мае — 30, сентябре — 30, в октябре — 30. Испаряемость же составляет (в мм): апрель — 60—80, май — 120—130, сентябрь — 100—110, октябрь — 55—65. Как видно, испаряемость в несколько раз превышает количество выпадающих осадков, что резко снижает относительную влажность воздуха, которая (в 13.00) составляет (в %): в апреле — 50, мае — 40, сентябре — 44, в октябре — 56. Как мы видим, лишь апрель да октябрь мало-мальски пригодны для нагонки гончих, а в отдельные засушливые годы даже и октябрь непригоден для нагонки. Сходные условия имеют Оренбургская, левобережье Саратовской, Ростовская области, северная часть Ставрополя. Несколько больше выпадает осадков в степной части Краснодарского края, но и там более теплый климат сводит на нет это преимущество. В Астраханской области и в Калмыкии условия для гона складываются еще хуже.

Состояние погоды сказывается и на состоянии тропы, которая бывает черной, пестрой и белой. Черная тропа может быть влажной, сухой и подмороженной.

Практика охоты с гончими по чернотропу показала, что наилучшая погода для гона — безветренная или с небольшим ветерком, пасмурная, прохладная, при условии, чтобы под ногами было мягко и умеренно сыро. В такую погоду процессы испарения влаги из почвы замедляются или прекращаются совсем, воздух, особенно в лесу, становится застойно сырым и надолго удерживает запахи зверя в приземном слое. Мелкий и редкий осенний дождь, когда он чуть-чуть накрывает, не мешает работе гончих. Но при сильном дожде, когда заливается след, гон никудашный, а заяц старается быстрее застыть.

В морось и после сильного дождя, когда с деревьев, кустов и травы капает вода, гон возможен, но осенью заяц, не желая принимать холодный душ, лежит очень плотно, плохо поднимается, а если и поднимается, то беспрепятственно, как листопадник, западает, а в конце концов западает намертво.

Исключительно тяжелые условия складываются в сухую тропу. При длительной сухой погоде в апреле-мае и в сентябре-октябре влажность воздуха резко падает, усиленное испарение влаги из почвы влечет за собой интенсивное улетучивание запахов зверя. А обилие пыли на лесной подстилке, траве и в воздухе хоронит запахи следа и раздражает обонятельные рецепторы гончей. Поэтому гон в сухую, даже в лесу, слабый, а по пашне невозможен. Плохой гон в сухую, по-видимому, объясняется следующими обстоятельствами: пересохший напочвенный покров, словно губка, глубоко впитывает в себя запахи звериного следа, а остающиеся на поверхности травы и лесной подстилки эти запахи частично улетают в атмосферу, частично перехватываются пылью. И гончей достаются лишь крохи этих запахов. А по отаве и озимям в сентябре-октябре гон, даже

в сухую, довольно сносный, что является полным подтверждением этому предположению.

Труден гон и по свежим гарям, когда зола и обугленные частицы травы собирают в себя запахи звериного следа, необходимо какое-то время, чтобы это было смыто осадками и выветрилось.

Такие же тяжелые, часто даже невозможные для гона условия создаются при подмороженной черной и пестрой тропе. Запахи зверя плохо удерживаются на обледенелой поверхности почвы. По подмороженной пашне и в чернотропу гон невозможен, а в лесу слабый. Кроме того, собаки сдирают или, в лучшем случае, наминают подушечки лап и надолго выходят из строя.

Пестрая тропа в лесу, даже по подтаявшему снегу, сильно усложняет гон, так как запахи следа на снегу и на земле пахнут по-разному и гончей ежесекундно надо перестраивать свое чутье то на снег, то на черную тропу. В поле же, если есть ветер, условия складываются еще хуже.

Оптимальная температура для хорошего гона, как сказано выше, находится в пределах $+3...+7^{\circ}\text{C}$, при температуре выше $+15^{\circ}$ гончие часто отрываются в поисках воды для утоления жажды и быстрее устают.

Помимо этого, для успешного гона (по влажной черной тропе) большое значение имеет степень минерализации почвы и состояние надпочвенного покрова. Лучше всего гончие гонят по земле, покрытой лесной подстилкой, травой, хуже — по земле, лишенной всякой растительности, по песку, пашне, дорогам. Чем сильнее минерализована почва, тем хуже удерживаются и причиняются запахи. Органические вещества почвы (гумус), лесная подстилка и трава, очевидно, лучше адсорбируют (собирают и удерживают) запахи следа, чем минеральные. Поэтому гон по песку более труден, чем по гумусированной пашне, а по пашне более труден, чем в лесу.

Но самые тяжелые для гона условия представляют дороги, которыми любят

пользоваться заяц-русак, как в чернотропу, так и по белой тропе. Мало того, что зверь не оставляет запаха на следу, по дороге рассеяно множество посторонних запахов, заглушающих след. И только гончие с выдающимся чутьем могут более или менее сносно держать ушедшего дорогой зверя. Правда, после обильного дождя в чернотропу, когда посторонние запахи смыты осадками, гон по дороге становится вполне возможным. По обледенелым и укатанным дорогам в белую тропу гон невозможен, в этом случае собаке необходима помощь со стороны охотника.

Белая тропа также непостоянна. При часто повторяющихся порозах в спокойную и тихую погоду охота с хорошими гончими полна очарования. Но стоит разгуляться ветру, как в поле образуются поземка, быстро заносащая следы снегом. В такую погоду гончие хорошо держат зверя лишь в лесу, а в поле он прерывается. И таких дней бывает немало.

Смушает гончих и первая пороша, даже опытные гонцы гонят по ней маршом, требуется несколько дней, чтобы освоиться и нормально гнать по снегу, так как запах следа по снегу иной, чем по чернотропу.

Трудные и даже невозможные условия складываются в «односредицу», когда в течение длительного времени нет порош. Заяц и лисица во время своих жировок покрывают весь лес густой сеткой следов и троп. Чем дольше длится период без снегопадов, тем плотнее и многочисленнее становятся эти тропы. В этих условиях гончие с трудом поднимают зверя, а если и поднимают, то держат на гону плохо, так как заяц беспрестанно переходит с тропы на тропу. Утопанные тропы, по-видимому, почти не оставляют запахов гонного зверя, а обилие следов и троп с рассеянными по ним еще накануне запахами заячьих испражнений отвлекает гончих от истинного следа. В этот период, по моим наблюдениям, если заяц проходит снежной целиной, то гончие гонят его нормально, в полные

На гону

ноги. По утрамбованному трактором, автомашиной или конными санями следу гончие также плохо гонят.

Труден гон по насту, по так называемому «черепку». Гон по «черепку» — это оселок, на котором проверяется чутье гончих. Если гончая более или менее сносно гонит зайца по насту, то у нее, несомненно, очень сильное чутье.

Еще хуже, когда после сильной оттепели или дождя снова вернутся морозы, а на поверхности снега образуется ледяная корочка. Заяц и лисица по этой корочке идут свободно, не проваливаясь и не оставляя ни видимого следа, ни запаха. Перед гончими две трудности — во-первых, след почти не пахнет, во-вторых, проваливаясь, гончая режет ноги. Если корочка и выдерживает собаку, то все равно хорошего гона не бывает, так как на гладкой ледяной поверхности запахи следа не удерживаются. В такую тропу лучше гончих переждать дома.

В связи с глобальным потеплением климата гололедные явления участились не только в степной зоне, но и в других, чем изрядно мешают гончатицам и их питомцам, сокращая сезон охоты.

Труден гон по любой тропе, когда все открыто инеем. Пробегая по траве и кустам, зверь осыпает иней на свой след, притупляя осязательность звериного следа.

Труден гон и в гололед, когда кусты, трава и след на снегу буквально на глазах покрываются ледяной пленкой, которая хоронит запахи зверя.

Глубокий и сыпучий снег, когда след засыпается, также сильно затрудняет гон.

С подавляющим большинством гончих в мороз свыше -20° выходить на охоту не следует, так как даже при неглубоком снеге запахи быстро вымораживаются и гончие будут беспомощны. И только гончие с выдающимся чутьем могут более или менее сносно гонять зверя в такой холод.

В охотничьих угодьях, расположенных вблизи правого берега Волги и Дона, лисицы ведут себя своенравно: после непроходительного (30—40 минут) гона они норвят смуться в обрывы этих рек, так как лазают они там превосходно, словно кошки, собаки же, как более крупные и высоконогие, там беспомощны. В обрывах, особенно в обледенелых, они могут покалечиться и даже разбиться.

В отдельных степных районах получила распространение охота с гончими по тростникам крупных озер и в дельте Волги. Эта охота физически необычайно трудна для гончих, которыми постоянно приходится пробираться через заросли и тратить на это много сил. Лисица же, которая в два-три раза меньше гончей, чувствует себя

более вольготно. Гончие в этих условиях, если они вязкие, травмируют лапы, мочку носа, уши, засоряют глаза, быстро вырабатываются и к 8 годам становятся дряхлыми. Это работа буквально на износ.

В горных лесах Кавказа и в его предгорьях при достаточной лесистости, нормальных условиях тропы и погоды охота с гончими добычлива, увлекательна и интересна. Правда, гоняя зверя в условиях сильно пересеченного рельефа, гончие быстрее устают, а когда гон проходит по скальным обнажениям и каменистым россыпям, гон труден или даже невозможен, так как след на голых камнях плохо сохраняется. К тому же гончие, работая по россыпям, могут повредить ноги. В этом регионе нередки зимы, когда весь сезон охоты проходит по влажному чернотропу.

В окрестностях Новороссийска и прилегающих к нему районах серьезно мешают работе гончих сильные и частые повторяющиеся ветры и обильные, частые летом дожди. Хотелось бы напомнить молодым гончатицам: старайтесь не охотиться вблизи бойких автомагистралей и железнодорожных путей. Если в ваших угодьях много водоемов, то в период ледостава и вскрытия этих водоемов, во избежание потери гончих старайтесь с ними не охотиться и их не нагивать.

Фото В. Животченко

Курьезы охотничьей жизни

Видит око, да зуб не берет...

Случилось это лет 10 тому назад. На глухарину охоту меня пригласили местные охотники, три брата — Георгий, Василий и Александр. Из-за большой воды решили идти на ток с вечера, чтобы преодолеть овраги засветло, сходить на подслух, а утром охотиться. Вместо подслуха пришлось сушить сапоги и одежду у костра. Вскипятили чай, поужинали, на ночлег разместились в палатке, установленной на сухом лесном бугре.

Встали затемно, разделились. Василий пошел на тетеревиный ток, давно им облюбованный, Александр — на глухаринный. Мы со старшим из братьев Георгием решили пойти вместе на разведенный им ранее глухаринный ток. Почти сразу идти пришлось по затопленной водой колее, набитой тракторами по просеке. Георгий, хороший человек, щадил меня, поджидал, старался не спешить. Мне на 20 лет больше, я явно отставал, но благодаря его такту мне удавалось держаться рядом.

На ток мы пришли, когда совсем рассвело и все было хорошо видно. На высоченной сосне с кудрявой вершиной токовал глухарь. Георгий спросил, вижу ли я его и смогу ли подойти, получил утвердительный ответ и оставил меня одного, пошел искать другого глухаря. Подход был открытым, только мелкие

сосенки могли укрыть меня. Надо было пройти не менее 150 метров на виду у птицы. Глухарь стал чаще прерывать свою песню, приходилось подолгу ждать, оставалось метров 50 до сосны, на которой пел глухарь, как он замолчал. Неужели разглядел меня? Решил стрелять, в ружье был уверен. После выстрела птица закачалась на ветке, подняла одно крыло, и пока я ждал, что глухарь начнет падать, из-за спины раздался выстрел. Глухарь перестал копошиться и с расправленным крылом остался лежать на лапах сосны. Оглянувшись, я увидел Георгия, который решил подстраховать меня.

Мы подошли к сосне, чтобы как-то снять битую птицу. Дерево оказалось 40 сантиметров в комле и на наши толчки никак не реагировало, нужен был колот, чтобы вырубить колот, нужен был топор, а он у палатки в пяти километрах. Пока будем ходить, хищник утащит или поклюет нашу добычу. Пара выстрелов по ветке результатов не дали. Георгий резонно рассудил, что быстрее и легче добыть другого, и предложил оставить трофей. Я отказался, потому что считаю самым большим браконьерством напрасно, без всякой пользы загубить дичь.

Георгий ушел, я стал думать, как снять глухаря. Несколько выстрелов по

сучку дали нулевой результат. Попытка влезть на дерево тоже не имела успеха, я не смог подняться выше пяти метров, а ветки начинались с 25-ти. Так я промучился больше часа. Разволнованный Георгий к другому глухарю подойти не смог и вернулся, стали соображать вместе. Он вспомнил, как лесозаготовители поднимаются на деревья с примитивным приспособлением в виде восьмерки, сделанной из молодого березового деревца. Срезали молодую березу, сделали из нее петлю, скрутили петлю в восьмерку, предварительно заключив в петлю злополучное дерево. С помощью поясных и ружейных ремней ко второму овалу восьмерки привязали ногу Георгия, и он, передвигая петлю по стволу дерева и удерживаясь при этом руками за ствол, как гусеница, стал карабкаться вверх. Так он поднялся на высоту 10—12 метров и стал раскачивать дерево, глухарь упал со своего ложа на землю. Мы торжествовали.

Когда пришли домой, я сразу же разделал птицу, и тушенная в чугуне в русской печке дичь оказалась очень вкусной на пасхальном обеде. Всем понравилось, и никто не догадывался, с каким трудом она нам досталась.

А. БИКТИЯРОВ
Нижний Новгород

Сергей Николаевич Линейцев

23 февраля 2007 года исполняется 70 лет Сергею Николаевичу Линейцеву — талантливому и яркому представителю школы сибирский мир охотоведения.

Вся биография С. Н. Линейцева связана с историей промыслового охотничьего хозяйства Сибири и России в целом. Окончив в 1959 году факультет охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института, Сергей Николаевич в числе первых охотников-организаторов принимал участие в создании комплексных промысловых охотничьих хозяйств в системе потребительской кооперации — коопзверопромхозов и до 1962 года работал старшим охотоведом организованного с его участием Усть-Кутского коопзверопромхоза на севере Иркутской области.

Дальнейшая трудовая деятельность С. Н. Линейцева проходила в Красноярском крае. С 1962 года — старший научный сотрудник Красноярского отделения ВНИИОЗ, затем директор Шушенского коопзверопромхоза, а с 1972 по 1977 гг. — начальник Красноярского краевого управления охотничье-промыслового хозяйства.

В 1977 году, по собственному желанию оставив должность начальника управления, он переходит на работу штатным охотником госпромхоза «Таймырский». Пять лет вместе с женой Натальей Михайловной Сергей Николаевич прожил за полярным кругом в центре плато Путорана.

После рождения дочери Татьяна ему пришлось покинуть ставшее родным озеро Аян и перебраться в Норильск заводящим делом биологии промысловых животных НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера, занимавшегося изучением охотничьих животных Севера и акклиматизации овцебыка.

Позднее С. Н. Линейцев семь лет работал директором крупнейшего промыслового хозяйства страны — госпромхоза «Таймырский». За разработку научных основ промыслового оленеводства и

внедрения в производство прогрессивной технологии заготовок и переработки оленьи удостоен (в коллективе) премии Совета Министров СССР за 1990 год.

После выезда с Севера работал начальником Южной межрайонной службы госохотнадзора с 1991 по 2005 год.

Сергей Николаевич Линейцев — тот редкий в российском охотоведении человек и специалист, который благодаря огромной жизненной энергии, трудолюбию и целеустремленности прошел вместе с промысловым охотничьим хозяйством весь его драматический путь от организации охотничьих хозяйств до их расцвета и затем разрушения необъяснимой и неоправданной приватизацией. Он всегда честно и качественно делал свое дело, будь это труд промыслового охотника, охотоведа, директора хозяйства, служащего охотнадзора, или научного сотрудника, обеспечивающего научно-методические основы ведения охотничьего хозяйства.

С. Н. Линейцев опубликовал 40 научных работ, лучшей из которых считает статью «Миграция песцов», опубликованную в сборнике «Животный мир Путорана» (Новосибирск, 1988 г.)

Говоря о Линейцеве-охотоведе было бы несправедливо не сказать о Линейцеве-писателе. Завершая трудовой путь охотоведа, Сергей Николаевич написал несколько книг автобиографического характера, может быть желая оставить своеобразный публичный отчет как точку в трудовой биографии — «Я сделал все, что мог». Но открылась новая страница трудовой биографии С. Н. Линейцева — писательская. Книги С. Н. Линейцева «Зимовье на Аяне» (1992 г.), «Полярные волки Путорана» (2003 г.), «Очерки сибирской охоты» («Таежными тропами», 2003 г.; «За полярным кругом», 2005 г.; «Смутное время», 2006 г.), «Путорана», 2006 г. произвели эффект струи свежего воздуха в давно непроветриваемом помещении. Совместно с А. Г. Рассоловым опубликовал книгу «Оптимизация охотхозяйственного природопользования таежной зоны Сибири», (Шушенское, 2001 г.) Эти книги — не только источник специальных знаний об охоте и охотничьем хозяйстве, это честные, жизнеутверждающие книги, их воспитательное значение и место в современной российской литературе еще предстоит оценить специалистам. А для Сергея Николаевича они — второе дыхание, которое, как мы знаем, дается идущему, чтобы он желал и мог идти дальше. Этого ждут от С. Н. Линейцева его читатели.

Мы от всей души поздравляем Сергея Николаевича с 70-летием, желаем ему здоровья, любви близких ему людей, удачи и новых творческих успехов.

С любовью и уважением коллеги-охотоведы Иркутской области, Красноярского края и охотоведки Валентина Викторовна БИБИКОВА и Нина Михайловна ДВОРЯДКИНА.

**ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ, ДОБЫТУЮ ОХОТОЙ
РОГА ЛОСЯ, ОЛЕНЯ, ШКУРКИ КРОТА**

623384 Свердловская обл., г. Полевской, ул. Р. Люксембург, д. 103

Тел/факс (34350) 7-17-16; 8-902-8743299, 8-912-8215052

Куплю дикую пушнину:

**куницу, рысь, белку, ондатру и др., хвосты,
отходы мехового производства**

Тел. 8(495)223-10-92, 8-926-210-72-12

Русская «трехлинейка»: история создания и она же как охотничье оружие

Сергей Иванович Мосин (1849—1902)

Винтовка С. И. Мосина стала прототипом многих образцов охотничьего оружия

Русская трехлинейная винтовка образца 1891 года — оружие для военных, но заслуги ее велики и в охотничьем деле. На протяжении десятков лет (с пятидесятых до восьмидесятых годов прошлого столетия) практически единственным нарезным оружием для охоты в нашей тогда огромной стране была все та же винтовка. Из нее добывали моржей и тюленей, северных оленей и лосей, горных козлов и баранов, коз и маралов — в общем, всего не перечтешь. Поэтому можно сказать, что для нашей страны винтовка, задуманная как боевая, стала первым образцом оружия нарезного охотничьего. Наверное, для охотников будет интересно познакомиться с историей создания этого образца.

В начале 80-х годов позапрошлого столетия со всей остротой встал вопрос о перевооружении Русской армии современным малокалиберным магазинным оружием. Малокалиберное — понятие условное. Кал. 7,62 мм в современном понимании не является малокалиберным, но по сравнению с предшествующими образцами, которые имели диаметры каналов стволов от 17 до 11 мм, его вполне можно считать таковым. Передовые европейские страны уже занимались этой проблемой: появился бездымный порох, началась разработка патронов. Россия же

отставала. Бездымный порох в стадии лабораторных исследований, а значит нет и патрона — основы для разработки ружья. В мае 1883 года была организована «Особая комиссия для испытания магазинных ружей», в состав которой в июле того же года был привлечен начальник инструментальной мастерской Тульского оружейного завода

А. БЛЮМ

С легкой руки наших послереволюционных летописцев пошла в ход байка о чрезвычайной косности и некомпетентности руководства Оружейного отдела Артиллерийского комитета, который якобы вечно находился на задворках прогресса. На самом деле это далеко не так. Посмотрим, что об этом периоде пишет В. Г. Федоров, генерал Русской армии, конструктор первого отечественного автомата, многие годы работавший в Главном Артиллерийском Управлении и имевший непосредственное отношение к вооружению Русской армии.

«В марте 1889 года военный министр затребовал от ГАУ представления подробного доклада о положении дел по разработке магазинной малокалиберной винтовки. В докладной записке, поданной по этому поводу, председатель комиссии по разработке новой винтовки между прочим указывал, что несмотря на значительное количество рассмотренных и испытанных образцов, вопрос о выборе магазинного ружья для Русской армии к началу 1889 года стоял крайне неудовлетворительно: ни один из этих образцов не считался комиссией пригодным для принятия на вооружение». Позволю себе заметить, что «значительное количество рассмотренных и испытанных образцов» превышает шесть десятков (!). Это ли не говорит о чрезвычайном внимании к проблеме перевооружения со стороны военных ведомств и высочайшем профессионализме людей, занимающихся этой работой.

Винтовка Нагана (кал. 8 мм, затвор скользящий прямолинейного движения, магазин серединный на пять патронов) на всех присутствовавших при испытаниях произвела очень хорошее впечатление, и решено было заказать их большее количество для более широких испытаний. Но в конце 1889 года Наган представил для продолжения испытаний три ружья кал. 8 мм и одно кал. 7,6 мм несколько измененной конструкции. Эти ружья привлекали удобством и легкостью заряжания, простотой устройством магазина и малым весом обоймы. Испытания дали положительный результат, и было заказано еще 300 ружей для войсковых испытаний. Но к этому моменту и С. И. Мосин представил винтовку своей конструкции с магазином наподобие нагановского, но с видоизмененной обоймой. Проведенные испытания дали удовлетворительные результаты, и для дальнейших испытаний также было заказано 300 экземпляров этого ружья.

капитан Сергей Иванович Мосин. Приблизительно с 1885 года стали поступать сведения об интенсивных усилиях многих стран по разработке малокалиберных магазинных ружей для перевооружения своих армий. Исходя из важности этих сведений, Русское правительство постановило приступить к развертыванию работ в этом направлении. В 1887 году С. И. Мосин попросил и получил разрешение на проектирование малокалиберного ружья. Надо сказать, что сложностей в разработке таких образцов было очень много. Это сейчас все известно, а тогда многое начиналось с нуля. Бездымный порох в несколько раз мощнее черного, поэтому прочностные характеристики стволов и затворов должны были отвечать новым требованиям, а это делало необходимым создание специальных ствольных сталей и совершенно новых конструкций затворов. К 1881 году малокалиберными ружьями с разными конструкциями затворов и магазинов были перевооружены армии Франции (система Лебеля), Англии (Ли), Германии (Маузер), Бельгии (Маузер), Австро-Венгрии (Манлихер) и др. В это же время «Комиссией» были получены первые сведения о винтовках бельгийского конструктора Нагана, а уже в октябре того же года приступили к их предварительной пробе.

Войсковые испытания начались в декабре 1890 года и закончились в конце февраля 1891 года. Всего из обеих систем сделали около 400 тысяч выстрелов. Уже после окончания испытаний были доставлены еще 30 экземпляров ружей улучшенной конструкции Мосина, и испытания продолжились с таким же количеством и ружей Нагана. После окончания испытаний из 24 членов комиссии 14 отдали свои голоса за систему Нагана, а 10 — за Мосина. Однако это решение еще не было окончательным, потому что и в той и в другой конструкциях были отмечены недостатки, которые требовали обязательного устранения. Окончательные испытания не выявили недостатков ни у одной из систем, и последнее слово было оставлено за заводами. Комиссии оружейных заводов рекомендовали принять к производству ружье конструкции С. И. Мосина ввиду его лучшей технологичности и меньшей стоимости при производстве.

9 апреля 1891 года все предложенные изменения были одобрены Оружейным отделом, а 16 апреля пехотная винтовка С. И. Мосина была принята на вооружение Русской армии. В связи с тем, что в винтовке были части, предложенные и Мосиным, и Наганом, а также несколькими другими оружейниками, образцу было присвоено название: «русская трехлинейная винтовка образца 1891 года». В своем акте Оружейный отдел отметил, что у конструктора Нагана заимствованы следующие детали: размещение подающего механизма на крышке магазина и открывание ее вниз; способ наполнения магазина пальцем из обоймы сверху вниз и специальные пазы для обоймы; патронная обойма. С. И. Мосиным разработаны детали: планка запирающего механизма магазина, устройство предохранительного взвода, система затвора (компоновка его частей), отсечка-отражатель, защелка крышки магазина, узел соединения подавателя с крышкой; антабка на шарнирном болте; форма магазинной коробки. Детали ружья, не вошедшие в перечень, разработаны другими лицами, и некоторые — при участии капитана Мосина.

Принятая на вооружение Русской армии в 1891 году винтовка оказалась столь совершенной, что на протяжении более 50 лет не возникла необходимость нового перевооружения, которое оказалось обязательным почти для всех других государств.

Наверное, винтовка капитана Мосина заслуживает даже памятника. С ней наши солдаты прошли русско-японскую, две мировые, гражданскую и сколько-то региональных войн. Но кроме боевых страниц в ее биографии были и трудовые.

В нашей стране первые образцы охотничьих карабинов появились только в шестидесятые годы («Барс», «Медведь», «Лось»), а до того времени функции охотничьего нарезного оружия были возложены все на ту же без-

отказную трехлинейку. Следует заметить, что нарезное оружие распределялось в основном в промысловые хозяйства и предназначалось штатным охотникам для заготовок мясной продукции и морзверя. Если поговорить со старыми промысловиками и старожилами промысловых районов, да и просто со старыми охотниками в разных районах, можно составить себе хотя и отдаленное, но все же впечатляющее представление о количестве диких животных в совсем не давние времена в Сибири, Казахстане, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и других регионах. Численность косуль, изюбров и маралов, горных копытных и многих других видов не идет ни в какое сравнение с современным. Может быть, не все знают, но в годы войны были созданы специальные охотничьи команды, которые занимались заготовкой мяса для нужд армии. Такие команды работали в Приморье, Бурятии, Туве, на Алтае, в Казахстане и Средней Азии. Добывали косуль, кабанов, изюбров и маралов, лосей, баранов и козорогов. И, конечно, основным оружием на этих охотах была трехлинейная винтовка. Хотя следует сказать что в двадцатые и тридцатые годы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке встречались и винтовки иностранного производства: английские Ли Энфильды, американские Винчестеры, японские Арисаки, реже немецкие Маузеры, но их было не много.

Собственно пехотная трехлинейка использовалась на охоте не часто, для охотников обычно предназначались карабины, укороченный вариант той же винтовки, полагавшийся в армии артиллерийским расчетам и кавалеристам.

Посмотрим, что представляет из себя винтовка С. И. Мосина в конструктивном плане. Ствол длиной 730 мм с четырьмя нарезками правого направления с шагом 240 мм свернут в ствольную коробку, которая внутри передней части имеет пазы для боевых выступов затвора, в нижней части — окна для подачи патронов из магазина и выхода спускового механизма. В ствольной коробке помещается затвор, и на нее же с левой стороны при необходимости может устанавливаться кронштейн оптического прицела. Спусковой крючок помещен в спусковую скобу, исполненную заодно с магазинной коробкой. Магазин рядный на пять патронов, подающая пружина с планкой смонтирована на съемной крышке магазина. Основной прицел открытый секторный, мушка цилиндрическая заключена в кольцевой намушник, длина прицельной линии 622 мм. Ложа березовая прямая, цевье на 4/5 длины ствола, сверху деревянная ствольная накладка, соединенная с основным цевьем металлическими кольцами. Затвор продольно-скользящий поворотный. На устройстве затвора следует остановиться подробнее. Его устройство настолько просто, что даже неподготовленный человек потратит на его разборку не

более минуты, сборка тоже не представляет никаких сложностей. Он состоит из шести деталей следующих наименований: стбель, гребень, боевая личинка, планка, боевая пружина, боек-ударник. Разборка затвора: нажав на спусковой крючок, вынуть затвор из ствольной коробки: удерживая его левой рукой за рукоятку, оттягиваем пуговку гребня и поворачиваем ее на 90° влево. Передняя часть затвора носит название боевой личинки, потянув за которую, снимаем с бойка-ударника ее вместе с планкой, упираем оголенный боек в твердый предмет и, держа одной рукой за рукоятку, нажимаем на него, тем самым сжимаем боевую пружину и выводим из зацепления со стблем гребень, который и свинчиваем с задней части бойка-ударника, остается только вынуть из канала стбеля боек-ударник с боевой пружиной. Сборка затвора производится в обратном порядке. На боек-ударник надевается боевая пружина, и вместе они вставляются в стбель с передней стороны, затем нужно опять же опереться бойком в твердый предмет, сжать боевую пружину и навинтить гребень на резьбовую часть бойка-ударника. Можно облегчить эту процедуру: гребень только слегка наживить на резьбу, потом разрезным концом планки захватить переднюю уплощенную часть ударника и завинтить его в гребень до нужного положения. Длина бойка-ударника и резьбовой части гребня таковы, что будучи повернутым в гребень до совпадения торца резьбовой части с плоскостью пуговки гребня, она обеспечивает оптимальный выход бойка из личинки для полноценного удара по капсулю, около 2 мм. Итак, собраны воедино стбель, гребень, боек-ударник и боевая пружина. Теперь надеваем боевую личинку на цилиндрический выступ планки и все это вместе личинкой на боек, но так, чтобы выступ на личинке попал в паз стбеля, а выступ гребня вошел в вырез планки. После этого, оттянув за пуговку гребень назад, поворачиваем его на 90° по часовой стрелке, и затвор собран. В этом затворе много трущихся частей, поэтому из расчета его использования при низких температурах смазывать надо ЦИАТИМом 221, а еще лучше «девяткой» — пушечной осалкой.

Отличий карабина от винтовки практически нет, за исключением длины ствола. У карабина он укорочен до 510 мм. Если вес винтовки около 4,5 кг, то карабина — 3,8—3,9 кг (без штока). Естественно, что в обеих конструкциях используется один и тот же патрон: калибр — 7,62, длина гильзы 53 мм, она или из стали с медным покрытием, или латунная, порох марки ВТ. Пули весом от 9,6 г до 13 г, для военных целей несколько конструктивных вариантов — трассирующие, бронебойно-зажигательные и пр., а для охотничьих целей один тип — полуболочечные со свинцовым сердечником и оболочкой из медного томпака.

Характеристика этого патрона пуб-

ликовалась много раз, и мы вернемся к ней только в части скорости пули на разных дистанциях. Обычно фигурируют такие числа: V_0 — 771 м/сек; V_{100} — 693 м/сек; V_{200} — 621 м/сек; V_{300} — 554 м/сек, но это для ствола длиной 730 мм, т. е. винтовочного. Для карабина же с длиной ствола 510 мм на этом же патроне получаются скорости на 30 м/сек меньше, соответственно 740 м/сек, 663 м/сек, 591 м/сек и 521 м/сек. Если же взять материалы зарубежных исследований, то выясняется, что патроны, по типу близкие нашему, при уменьшении длины ствола на 200 мм минимально теряют в скорости 40 м/сек, а в среднем — 50 м/сек. Уменьшение скорости полета пули из коротких стволов объясняется прежде всего неполным сгоранием порохового заряда, который просто не успевает это сделать в стволе такой длины. Нужно помнить, что баллистические характеристики патронов определяются для оптимальных длин стволов, тогда как охотничье оружие далеко не всегда имеет такие стволы.

По охотничьей классификации винтовка (карабин) конструкции С. И. Мосина относится к оружию среднего калибра и является, пожалуй, оптимальным для стрельбы на дальние дистанции. Патроны калибров от 7 до 8 мм обладают достаточным весом пуль и значительной поперечной нагрузкой (отношение веса к площади поперечного сечения пули), что способствует долговому сохранению скорости и уменьшению крутизны траектории. По своей баллистике наш патрон очень хорош. И действительно, возьмем его с легкой пулей 9,6 г.

Скорость на дистанции (м/сек)

Дистанция	0	100 м	200 м	300 м
Скорость	865	765	670	590

Превышение траектории над линией прицеливания (см)

Дистанция	100 м	200 м	300 м
Превышение	2	7	20

Значит, пуль из такого ствола можно стрелять, например, по лисице на любую из приведенных дистанций, почти не внося поправок в прицеливание, правда при условии, если оружие пристреляно на 300 метров. Небольшая разница в траектории и у патрона с пулей весом 13 г.

Превышение траектории пули над линией прицеливания (см)

Дистанция	100 м	200 м	300 м
Превышение	2,14	9,8	24

Следует обратить внимание на то, что показанные значения превышения траектории на трехсотметровой дистанции 20 и 24 см не означают, как иногда ошибочно думают, будто если стрелять на 300 м из винтовки, пристрелянной на 100 метров, то пуля пойдет ниже на столько же. Это не так. В таком случае величина падения пули ниже точки прицеливания будет гораз-

до больше и примерно в три раза превысит указанные значения. У оружия с коротким стволом эти величины будут еще больше. Лучшие результаты на охоте трехлинейная винтовка и все, что создано на ее базе и под ее патрон, показывает при отстрелах животных до 250 кг весом. Это разные виды горных копытных: бараны, серны, козлы, а также практически все олени, кроме разве что очень крупных лосей, кабаны, среднего размера медведи и, конечно, более мелкие животные.

Наибольшее распространение на охоте получили карабины, и в частности КО-44 (карабин охотничий образца 1944 года). Все у него, как у боевого образца: и затвор, и прицельные приспособления, и магазин, и прочее. Прошло уже около 50 лет с того времени, когда был прекращен выпуск винтовок и карабинов модели 1891 года и последующих модернизаций. Не секрет, что охотничьи патроны с пулями со свинцовым сердечником и оболочкой из тонкого томпака дороги, да и не везде их купишь, а боевые, с пулями в стальной оболочке, лакируемой медью, зачастую достать бывает гораздо проще. При стрельбе боевыми патронами из старых карабинов через 200—250 выстрелов происходит довольно интенсивный износ нарезов, особенно заметный в дульной части, что резко ухудшает точность боя. Очевидно, это объясняется тем, что невысокого качества сталь ствола быстро «съедается» при трении стали (пули) по стали (ствол), и именно в дульной части, т. к. к моменту вылета пуля набирает практически максимальную скорость. Поэтому, чтобы карабин КО-44 жил дольше, его владельцам можно посоветовать стрелять только охотничьими патронами с пулями в томпаковой оболочке как «щадящими» сталь ствола.

В настоящее время винтовка системы С. И. Мосина переживает второе рождение. Оружейный завод «Молот» в г. Вятские Поляны Кировской области вернулся к производству этой модели для охотничьих целей. КО 91/30 — такую марку имеет теперь эта винтовка. Завод выпускает ее в трех вариантах. Вышеуказанная маркировка обозначает винтовку с так называемым реставрированным стволом. Собственно, по сообщению работников завода, «реставрация» заключается просто в отборе стволов с достаточно хорошо сохранившимися нарезами. Естественно, что эти образцы имеют калибр 7,62 мм.

Еще есть модель КО 91/30М. Разница между ними состоит в том, что стволы для нее делают вновь и с хромированным покрытием. Этот вариант выпускают двух калибров: как и в первом случае, «родной» 7,62 мм и 9 мм под патроны соответственно 7,62x54R и 9x53R. Выпускаемые образцы полностью сохраняют внешний вид «трехлинейки» (только рукоять затвора загнута вниз) и невысокую цену.

Житель г. Выкса Горьковской области А. А. Буданов с 60-летним охотничьим стажем, много лет проработавший сталеваром на металлургических предприятиях нашей страны, с болью в сердце поведал нам свою обиду на органы разрешительной системы города. За допущенное им нарушение (просрочен срок перерегистрации оружия) были изъяты ружья «Зимсон-76 и «ТОЗ-34АА». По мнению автора, действия сотрудников милиции объясняются исключительно их желанием присвоить ружья.

Уважаемый товарищ Буданов А. А., согласно статье 96.2 п. В. Инструкции МВД по обороту оружия, объявленной приказом МВД РФ от 12.04.99 г. № 288, органы внутренних дел при осуществлении контроля за оборотом оружия имеют право изымать его в случае нарушения гражданами правил регистрации. Изъятые оружие хранится в органах МВД до принятия окончательного решения уполномоченным должностным лицом.

За допущенные нарушения в адрес виновного может быть вынесено письменное предписание, обязывающее устранить допущенное нарушение, или вынесено решение о привлечении к административной ответственности (ст. 96.4 Инструкции).

В соответствии со ст. 20.11 КоАП РФ, в отношении граждан, нарушивших установленные сроки продления разрешений, может быть применено предупреждение или наложение административного штрафа в размере от трех до десяти минимальных размеров оплаты труда.

С Вашим мнением, что сотрудники милиции намерены присвоить ружья, согласиться нельзя, поскольку Вы являетесь собственником ружей и милиция не вправе вас их лишить. Граждане, которые за допущенные нарушения лишены лицензии на оружие, обязуются реализовать его по своему усмотрению или привести его в нерабочее состояние.

В случае, если Вы не согласитесь с принятым решением органов милиции, можете обжаловать его в вышестоящий орган МВД или обратиться с иском в суд.

Охотник Уляник из Казачинско-Ленского района Иркутской области в своем письме поднимает вопросы, неоднократно уже освещенные на страницах журнала, но, как видно, по-прежнему остающиеся актуальными.

Автор, что называется, «достал» участковый инспектор, который, по его утверждению, «...опять ходит... по домам чуть не каждую неделю и проверяет хранение оружия, не имея на это никаких предписаний». «У меня складывается такое мнение, — пишет далее автор, — что лучше иметь нелегальное оружие, чтоб по квартире не ходил участковый и не придумывал, к чему бы придраться».

Консультации юриста В.В. Темерова

В заключение в письме содержится просьба разъяснить, имеет ли право участковый инспектор по разрешительной работе приходить домой и проверять правильность хранения оружия без соответствующего на то документа, и изложить правила перерегистрации оружия.

Прежде чем ответить на поставленные вопросы, Ярослав Владимирович, считаю необходимым предостеречь от необдуманных действий. Я, конечно, понимаю, что насчет «нелегального оружия» написано ради красного словца и Вы этого делать не собираетесь, прекрасно сознавая противоправность подобных действий. Тем не менее даже мысли о подобной возможности допускать не следует. Контроль за хранением оружия и боеприпасов входит в функциональные обязанности сотрудников органов внутренних дел. Но при осуществлении проверок объектов и мест хранения оружия они обязаны иметь письменное предписание (ст. 95 «Приложение 54 к Инструкции МВД по обороту оружия, объявленной приказом МВД РФ 12.04.99 г., № 288»).

Согласно этой же Инструкции, проверка граждан — владельцев оружия проводится участковыми инспекторами милиции и сотрудниками подразделений лицензионно-разрешительной работы не реже одного раза в год.

При регистрации и перерегистрации оружия граждан РФ обязан представить в орган внутренних дел по месту жительства заявление по установленной форме, медицинское заключение об отсутствии противопоказаний к владению оружием, связанных с нарушением зрения, психическими заболеваниями, алкоголизмом и наркоманией, а также документ, подтверждающий гражданство. Подробная информация по всем этим вопросам имеется на информационных стендах в органах МВД, в ныне действующей инструкции для участковых уполномоченных.

Охотовед из пос. Кульчек Красноярского края А. И. Газенкашер жалуется на необоснованное, по его мнению, увольнение по сокращению штата в связи с реорганизацией краевых охоторганов и ликвидацией Юго-Западной РМС, в которой, как пишет автор, он 14 лет занимал должность охотоведа. Его не взяли на работу во вновь созданную организацию, в которую вошли рыбинспекция, охотинспекция и ветеринарная служба. По мнению автора, его уволили в связи с просками бывшего начальника.

Уважаемый Александр Иванович, в случае действительного сокращения штатной численности работников администрация на основании ст. 81 п. 2 Трудового кодекса РФ имеет право расторгнуть трудовой договор с работником. Однако при наличии профсоюзной организации работодатель обязан учесть мотивированное мнение выбор-

ного профсоюзного органа, которое тем не менее не является для него обязательным.

Если работник все же уволен, он вправе обжаловать увольнение в судебном порядке.

Участник Великой Отечественной войны, инвалид второй группы И. А. Зятев с 63-летним охотничьим стажем жалуется на действия участкового уполномоченного, который необоснованно, по его мнению, изъял у него охотничье ружье. При этом, утверждает автор, все необходимые документы на оружие у него в полном порядке, каких-либо нарушений правил охоты он не совершал и вел себя исключительно как законопослушный гражданин.

Ссылаясь на прошлые времена, когда такие великие охотники, как Тургенев, Некрасов, Пришвин, Житков, Аксаков и др., свободно охотились, имея лишь охотничьи билеты, Зятев считает необходимым вообще отменить разрешительную систему, рассматривая ее лишь как бюрократическую затею, дающую повод милиции поиздеваться над порядочными охотниками.

Уважаемый Иван Афанасьевич, в своем письме Вы не указываете обстоятельства и причины, послужившие основанием для изъятия оружия. Составлялся ли при этом протокол изъятия, обращались ли Вы с жалобой в вышестоящие органы МВД? Если, как Вы пишете, серьезных нарушений не было, то, естественно, изъятие оружия необоснованно и действия участкового являются незаконными.

С Вашим предложением устранить разрешительную систему вряд ли можно согласиться. Огнестрельное оружие является источником повышенной опасности, и оборот его подлежит строгой регламентации. Другое дело, что сотрудники милиции при исполнении служебных обязанностей безусловно должны уважительно, внимательно относиться к гражданам и строго соблюдать требования закона.

В. Е. Емелин из г. Красный Сулин Ростовской области в своем письме просит ответить на ряд волнующих его вопросов. Почему:

— запрещается охота на засидках зимой на зайцев и лис, ведь ночная охота запрещается только из-под фар;

— в Ростовской области разрешена охота на лис круглогодично, а у нас летом и осенью она запрещена;

— охота на утку всегда разрешалась с вечерней зари перед днем открытия охоты, но с приходом нового руководства этот порядок отменен. Также запрещается весенняя охота без подсадной утки.

В соответствии с федеральным законодательством все вопросы, касающиеся использования животного мира, отнесены к компетенции региональных

руководящих охотничьих организаций. С учетом конкретных климатических условий, состояния охотфауны и других серьезных факторов, влияющих на организацию охотничьего дела, они определяют сроки открытия охоты, количество подлежащей отстрелу дичи, запрещают охоту в случае наличия неблагоприятных факторов.

Поэтому обстоятельно ответить автору можно было бы, если б в письме были указаны причины и мотивы охотруководителей, по которым они ввели запреты. Например, мне непонятно, почему запрещается охота на засидках зимой на зайцев и лис. Насколько я знаю, такая охота в охотхозяйствах практикуется.

Что касается запрета охоты на селезня весной без подсадной утки, то этот вопрос решается неоднозначно. В правилах охоты в Московской области предусматривается охота на селезня из укрытия с подсадной уткой, а в Типовых правилах РФ разрешается охота на селезня из укрытия. Правильным я полагаю положение Типовых правил РФ. У современных охотников большой арсенал различного рода манков, и охота из укрытия с чучелом утки и хорошим манком бывает даже интереснее, поскольку поведение живой утки непредсказуемо и не адекватно обстановке.

В моей охотничьей практике охота на уток обычно начиналась с утренней зари дня официально объявленного началом охоты. Разрешать охоту с вечерней зари до дня начала охоты полагаю неправильным.

В. А. Кривошеев из Самарской области собирался на охоту на свою «малую родину», в Воронежскую область, и просит разъяснить правила перевозки охотничьего оружия железнодорожным транспортом, а также правила обращения с оружием по месту прибытия.

Согласно Уставу железных дорог РФ, разрешен провоз оружия соответственно зачехленным и при наличии разрешительных документов. По месту прибытия необходимости какой-либо регистрации нет, и, имея охотничий билет, охотник имеет право охотиться на всей территории Российской Федерации, строго соблюдая региональные правила охоты.

От имени семьи Решетниковых из поселка Клетнево Брянской области обращается к нам жена охотника с вопросом. Положены ли какие-либо льготы ее мужу как охотнику, поскольку он служил в Афганистане, участвовал в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, является инвалидом III группы.

Что касается различного рода льгот, то они предоставляются непосредственно охотничьим обществом, в котором состоит охотник, и предусмотрены в Уставах этих обществ.

Оружейный художник

В. ФИЛАТОВ, кандидат технических наук
Фото С. Киселева

Иван Васильевич Щербино с произведением своего ружейного искусства в зале Музея истории города Ярославля

В Музее истории города Ярославля с большим успехом прошла выставка художественно оформленного оружия, живописи, графики и поэзии Ивана Щербино.

После необдуманного закрытия новой администрацией Ярославского музея-заповедника великолепной и уникальной выставки «Охота — часть национальной русской культуры» древний Ярославль был лишен возможности видеть и чувствовать главную — душевную, культурную — грань охоты — страсти души для настоящего охотника.

И вот такая радость для истинных ценителей искусства, приближенного к древнейшей, глубинной, из каменного века пришедшей, то есть реликтовой страсти.

Фрагмент (левая часть колодки и шейки ложи) ружья, художественно оформленного Иваном Щербино. Орех, серебро, золото. Инкрустация, резьба, гравировка

Действующие (стреляющие) миниатюрные модели револьвера и пистолета работы Ивана Щербино

Благодаря поддержке мэрии города Ярославля, департамента промышленности и транспорта Администрации Ярославской области, Администрации города Тулы и тульскому предприятию «Возрождение ремесел», организаторы выставки: Александр Алферов — председатель художественного экспертного совета по художественным промыслам Ярославской области и Николай Корсигов — художник, заместитель директора Музея истории города Ярославля, — сумели привезти из славного города русских оружейников, Тулы, уникальные экспонаты — картины, эскизы, художественно оформленное холодное оружие и миниатюрные, наладонные, действующие (стреляющие) пистолеты. Вот только из-за рвения (не туда направленного, лучше бы бандитов да террористов с ТТ, Агранами да Калашами ловили) милицейских чиновников Музей не смог в полном объеме и красоте неопишуемой представить ружья, отделанные тульскими мастерами под руководством Героя Социалистического Труда, Почетного гражданина г. Тулы, Заслуженного художника России Ивана Щербино.

Ярославцы и гости города были в восторге от оригинальных работ оружейного художника. Выставка получила хорошую прессу. К примеру, главная газета Ярославской области «Северный край» аж почти на всю первую полосу на обычном месте для президентов, губернаторов, министров да мэров статью с фотографией тульского современного Левши поместила.

Побывали на выставке не только охотники и любители живописи. Сам архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл почтил своим вниманием выставку и Героя Соцтруда с супругой Линой Шариповой. В знак особого уважения архиепископ свозил туляков в старинный святейший Толгский монастырь. Вот и священнослужители относятся с уважением к служителям Дианы, в отличие от малокультурных хулиганов охоты и охотников.

Не только генеральные секретари Н. С. Хрущев и Л. И. Брежнев, братья Фидель и Рауль Кастро, мэр Москвы Ю. М. Лужков, космонавты и Президент В. В. Путин, для которых Иван Щербино делал ружья и сувениры, смогли насладиться искусством и мастерством великого оружейного художника, не упавшего знаменитым английским, французским и итальянским мастерам, но и простые люди, посетители городского музея, в провинции от них не отстали.

А поскольку негоже порядочному человеку прятать светлое, радостное и доброе в себе, так родилась эта статья с надеждой, что ее прочтут и увидят фото истинные российские любители охоты как искусства, а не дела мясозаготовок и распоясывания своего безмерного «я» на беззащитной природе. Нечего Западу поклоняться да несметные суммы за ружья платить. Не хуже наши мастера!

Радости на охотничьей тропе нам, други охотники, а Вам, Иван Васильевич, долгих лет жизни и творческих успехов!

Фото из фондов Музея истории г. Ярославля

Иван Щербино «Золотая осень». Холст, масло

Генри Вильям Голланд (1845—1930)

— С середины XIX в. британские оружейники много изобретали. И то, что «парадокс», то есть нарезной чок, появился именно в Англии, — историческая закономерность.

Раннее развитие капитализма в Великобритании позволило добиться господства на море и захватить обширные колонии на одной седьмой части суши. Первой по размерам и политическому весу, без сомнения, была Индия. В страну устремились английские офицеры, колонисты, ученые, путешественники. Специфика выживания в труднопроходимых индийских джунглях требовала оружия, которое было бы маневренным и не тяжелым, пригодным для быстрой стрельбы навскидку в зарослях кустарника, а главное — универсальным. От одного и того же ствола требовался хороший бой дробью и картечью, а также высокое останавливающее действие пули на короткой дистанции, сравнимое с действием пули тяжелого штуцера-экспресса. Ведь зачастую это была стрельба накоротке, как по птице, так и по зверю — нередко крупному и очень опасному. Менее чем за полвека англичане создали многочисленные типы такого «колонияльного» оружия, и первым оружейником, кому это блестяще удалось, был Чарльз Вильям Ланкастер (1822—1878)

Мое ружье: вопрос-ответ Holland & Holland - парадокс

— Имею двуствольный «парадокс» фирмы Holland&Holland, London, номер ружья 11998, калибр 12-й, на подушках стволов выбито: «R. Choke», помогите определить класс ружья, год изготовления и приблизительную стоимость. Любопытно, кто и где начал выпускать «парадокс» первым?

С уважением, Николай КАШИРИН

Двуствольный «парадокс» читателя журнала

со своей универсальной овальной сверловкой по всей длине канала ствола. Следующим оружейником был Генри Голланд (племянник основателя фирмы — Харриса Голланда), тот самый второй Голланд, чье имя в 1876 г. увековечено в названии лондонской компании — Holland&Holland. Именно он первым оценил изобретение (британский патент № 7568, 1885) английского полковника Джорджа Фосбери (1834—1907) и вскоре начал фабричное производство ружей с дульным устройством «парадокс».

Самое первое ружье сделали 27 апреля 1886 г., а двумя неделями ранее было зарегистрировано коммерческое название Paradox, принесшее компании «Голланд и Голланд» всемирную известность.

Нашим читателям — владельцам голландовских «парадоксов» — важно знать, что номера ружей имеют два серийных интервала: с 11 500 до 11 999 и с 15 000 по 15 999. Кстати, последнюю двустволку с нарезным чоком за номером 15 979 фирма выпустила в 1956 году.

Курковка Н. Каширина с замками в шейку относится к самой дешевой категории ружей и сделана в 1891 г. Пе-

ред Первой мировой войны такие рабочие «парадоксы» фирмы «Голланд и Голланд» стоили в России от 300 рублей, тогда как ружья с нарезными в дульной части модели «Роял» — около 700 рублей. Учитывая, что общее количество «парадоксов», выпущенных лондонской фирмой, не превышает 1500 экземпляров, цена двустволки нашего читателя находится в пределах \$6000— \$10 000.

Хронология серийных номеров ружей со сверловкой Paradox компании Holland&Holland

Номер ружья	Год изготовления
11 501	1886
11 691	1888
11 788	1889
11 999	1891
15 001	1892
15 347	1895
15 558	1900
15 750	1905
15 900	1911
15 950	1914
15 979	1956

Ю. МАСЛОВ

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22
E-mail: chief@brush.kirov.ru

Сергей КУЧЕРЕНКО

Около сорока лет назад, в разгар экспедиционных охотоведческих изысканий в горах Сихотэ-Алиня, застала меня тяжкая простудная хворь в свежеснеженном, но еще не заледе-немом таежном безлюдье. По закону подлости опять я был без проводника и без напарника, о встречах ни с кем не договаривался, лишь коллеги знали, что должен был я вернуться на базу к десятому декабря.

Но НЕЧТО меня хранило. В долгие прежние годы благодаря его «опеке» я уже почти десятикратно избегал самого непоправимого из всего, что может быть в жизни. Избежал и в тот раз. Опять дал о себе знать мой некий не разгаданный таинственный фантомный «двойник», которого я ношу в себе всю жизнь, который, как мне и теперь зда-ется, не только видит, слышит, чув-ствует и понимает меня, но и может вмешиваться в мои действия. Когда отчаянно попросишь его о помощи и когда он сам увидит ее необходимость.

Имел я основания не раз и не два убеждаться, что он, тот «двойник» — мыслящий астральный мозг с астраль-ным же телом или бессмертная душа? — знает меня со всеми моими задум-ками гораздо лучше, чем я сам, и в кри-тические моменты берет меня в свои «руки», отключая сознание.

Только потому я не раз избегал вро-де бы неминуемой гибели. А потом, «врубившись», многое не помнил и не понимал. Как не понимаю и сейчас: а может, то вовсе и не мистический фан-томный «двойник», и не душа, а нечто из тоже таинственного, однако более реального подсознания, в котором чудесным образом хранятся не только инстинкты, но и опыт моих предков и собственный, умеющий в погибельные секунды действовать более решитель-но и единственно верно.

Впрочем, при желании и сомнениях объяснить такое можно и всеильным Его Величеством Случаем. Он бывает большим и малым, обыденно-повседневным, судьбу определяющим, счастливым, не очень и роковым, ми-молетным и запоминающимся до дней последних... В большей части случай-но я избегал гибели, случайно оказал-ся во Владивостоке и стал морским офицером, а через пятнадцать лет слу-чайно попал в Иркутск и обрел профес-сию охотоведа, нежданно-негаданно оказался в охотустроительной экспе-диции и много лет счастливо познавал уссурийскую тайгу и ее славное зверье. С карабином в руках и лицензией в кар-мане, в чем какого-либо греха не вижу.

...Однажды в пургу я изнеможенно

опустился на валежину перевести ды-хание, чтоб на последних крохах сил одолеть — таки полукилометр до зимо-вья. Сидьба под подошлом огромного кедра была вполне удобной, там не так сильно дуло и мело. Но вот почему-то, не успев отдышаться, я встал и пере-шел в менее «комфортное» место под корчем... А через минуту-другую в наи-свежайшую вмятину от моего «физи-ческого» тела на валежине пушечно вонзилось острие огромного сука тол-щиной в человеческое бедро...

Или еще. Забурился как-то в незна-комом распадке и кромешной ночью брел к барачку почти на ощупь. И не-нароком подошел к блаженно почивав-шему у своей богатой добычи медведю. В бросившегося на меня зверя я успел выстрелить из мосинского карабина четыре раза. Стрелял, не поднимая приклад к плечу. И стрелял так неве-роятно быстро, как потом никак не мог: большим пальцем передергивал затвор и тут же нажимал спусковой крючок мизинцем, и еще грохотал выстрел, а большой палец уже выбрасывал затво-ром гильзу, я досылал очередной пат-рон... А медведя бросила к моим ногам последняя пуля.

И кто скажет мне, случайно все это было или вело меня НЕЧТО?

Но обратился я сути моего расска-за. Простудился я накануне определен-но случайно, угодив в коварно затяну-тую припорошенным тонким ледком речную яму. Ночью «загорелся» и зане-мог, но сбил температуру таблетками, подкрепил силы крепким чаем с тради-ционной оптимальной дозой алкоголя, а утром пошел на заброшенный хутор староверов, много лет назад срублен-ный в приморской глухомани муже-ственными и принципиальными борца-ми за свою веру. А к полудню силы меня покинули. Впереди оставалось шесть километров, позади — восемь.

В туманном сознании распалил я ко-стер под смолистой сухостойной, хлеб-нул таежного эликсира собственной рецептуры, немного отлежался на во-рохе дубовых веток в жесткой листве и на коротком возврате сил решил кар-рабкаться вперед, потому что дело пахло серьезной хворью, быть может, и воспалением легких. Однако пошел я не сам: меня с трудом поднял и повел давно знакомый мне фантомный «двойник» — тот самый, которого я ношу в себе с тех пор, как себя помню. Повел он меня не знакомой мне при-лично набитой зверовой тропой.

А когда силы снова покинули меня, и настало, что хоть по-пластунски кар-рабкаться дальше, оказался я вдруг со-

всем рядом с огромным выворотнем, под крутой просторной нависью кото-рого за многие лета набило вороха су-хой листвы, в этот час старательно со-греваемой еще сохранявшим летнюю силу солнцем. И достало мне часовой полудремы для того, чтобы снова встать, невесть кому процедив сквозь зубы: «Не-ет, так просто меня не возьмешь...»

Потом мой «двойник» проволока меня через два невысоких перевала, пере-правил через горную речку по шумно-му перекату в его самом мелком мес-те, и в густеющих сизых сумерках я уви-дел строения хутора, на котором тоже никогда не был. А в большом, от вре-мени черном, но еще крепком доме у печки были кем-то — наверняка таеж-ником старого закала — припасенные сухие дрова с берестой и сырые чурки под столом лежали. Заправленная ке-росином лампа словно специально была поставлена на угол печки, рядом покоился коробок спичек. Тут же ждал таежного человека чайник, доверху за-полненный битым льдом.

Растапливал печку и принимал сна-добья я при оставшемся краешке соз-нания. Его хватило для того, чтобы ви-деть, как медленно оттаивает большая комната: увлажнялись углы, запотели стекла, закапало с подоконника... Ре-шив, что теперь жить буду, сполз с кой-ки, затолкал в печку сырые чурки и про-валился в долгий полубоморочный сон. Во сне меня водил по таежным тропам некто очень на меня похожий, только поумнее и поопытнее, и наставлял рас-считывать каждый свой шаг и его воз-можные последствия, особенно в таеж-ном одиночестве, а в беде не перечить ему, потому что его жизнь в моей, как нож в чехле.

А разбудило меня светом и теплом доброе ясное солнце, положившее лас-ковые ладони на мое лицо. Я еще дол-го лежал в остывшем за ночь доме, не испытывая какого-либо желания ожив-лять огонь в печке. Вспомнил вчераш-нее, обдумывал сны, планировал лече-ние на этом старом хуторе на краю све-та и предстоящий свой долгий марш-рут по горам с выходом к морю. И опять давал зарок не бродить по тайге в одиночку. А вторым «планом» сознания глядел через окно на чисто выбеленный снегом просторный горный склон, по-росший с виду корявым и непривлека-тельным, но в сути своей богатым ду-бовым лесом.

И пытался обмениваться мыслями со своим таинственным «двойником».

Дом был построен давно. Некогда здесь стоял Мазуренковский хутор с

большой сложной семьей. Жили в основном дарами тайги — почти все старожилы были прекрасными охотниками, а уссурийская тайга ломилась всяческими богатствами, в том числе ценным зверем и красной рыбой. Покупали лишь боеприпасы, соль, мыло, железо да еще кое-какую малость. Все остальное добывали и делали сами.

Почти одним топором мастерили дома, пасеки, сараи, мельницы. Разводили скотину, обрабатывали землю. Охотничьи угодья использовали мудро, а хранили заботливо и строго. Довольствовались малым, однако на жизнь не роптали. Претензий никому не предъявляли, но сами с себя спрашивали без снисхождения. Глубоко чтити Бога и Законы Тайги, которая их кормила и хранила.

Отлеживался я на том хуторе удобно. Просторная деревянная кровать была устлана еловым лапником, поверх него накопились оставленные здесь охотниками износившиеся одежды, и даже большую кабанью шкуру некто подарил дому, много раз бескорыстно принимавшему под свою бесхозную крышу разных таежных людей.

Угнездившись на этой лежанке и согрившись, я подолгу глядел невидящими глазами на тот просторный горный склон в дубах и думал о всяком. И часто мысленно представлял, как жили здесь старожилы до своей жестокой и несправедливой кончины. Жили по заветам Бога, ничего не просили, планету не загрязняли и не грабили, тайгу берегли пуще глаза. Верили, чтити, любили. Страдали и радовались.

Погода мне тоже благоволила: стало тепло и безветренно, щедро шпарило солнце, снег на южных склонах таял. Старинную чудо-печку достаточно было протопить раз в сутки, а потом на ней часами наслаждаться сухим горячим теплом, поправляя здоровье. Планировал перед уходом восстановить запас дров. Загадывал расспросить стариков о жизни и гибели старожил в здешних местах, поискать уцелевших потомков...

А однажды словно кто скомандовал мне: «Да приглядысь ты к дубняку!» И я всмотрелся. И увидел между деревьев

большой табун кабанов. До них было метров триста-четыреста. Они спокойно паслись на богато уродившихся желудях. Снег во многих местах был взрыхлен до земли, которая под полуденным солнцем парилась.

И куда девалась моя хворь! Я торопливо полез в боковой карман поняги и достал заветную трубку двенадцатикратного цейсовского бинокля с «голубой» оптикой. Я много лет носил его в целости как нужную в тайге штуковину, к тому же напоминавшую мне флотские года — бинокль был морской, а при увольнении в запас мне подарил его комбриг. Да вот однажды разобрал его надвое, отдав половину много рассказавшему мне о прошлом уссурийской тайги бывалому промысловому.

Протирая линзы замшей, я подсчитывал, на какое расстояние «приблизит» тот табун мой монокль... Получалось — до двух-трех десятков метров! Выражение глаз можно будет видеть! Острия кльков и движения «пятак»! Запросто определять пол и возраст индивидов!

Вроде бы кто съезвил: «Чего суестьишься-то! Ведь все равно не стрелять». Я мысленно ответил: «Разве только в стрельбе дело? Понаблюдать за дикой жизнью, особенно за беспечно пасущимися кабанями, иной раз дорожке выстрела...» Впрочем, пальнуть тоже хотелось, ведь не только для безопасности носил надежное оружие и не просто так имел лицензии. Никогда не был я бездумным природоохранником вроде гринписовца. Человека «в люди» вывела охота, и она вечно будет пуще неволи.

В те торопливые минуты вспомнилось... Однажды в разгаре осени мне посчастливилось в течение четверти часа наблюдать кормежку тридцатиголового свиного табуна в просторном кедраче. Так удачно получилось: чушки беспечно вышли на меня, надежно затаившегося между крест-накрест упокоившихся толстенных валежин, деловито обтекли со всех сторон... И я не только видел с нескольких метров поросят и подсвинков, маток и секачей, но и ощущал их терпкий запах и слышал, как они хрустят орехами и аппе-

титно чавкают... Тогда меня поразила игривость и беспечность молодняка, суровая строгость бывалых вепрей и крепкая иерархическая дисциплина в стаде.

К тому времени я считал, что изучил экологию кабана, и в частности его повадки, в совершенстве. А вот в тесном окружении гурта пришлось открывать новое. Не знал я, не слышал я, что способен этот зверь подниматься на задних ногах и стоя на дыбах изучать местность, чем-то обеспокоившись. Открытием выходили и разнообразные кабаньи голоса — их я насчитал до десяти, в том числе и прежде не слышавшиеся. Не ведал и то, что у этих животных довольно богат «язык» жестов и телодвижений, и некоторые из них я наблюдал впервые... Именно тогда я решил, что экологию диких зверей надо изучать неустанно, ибо нет этому занятию конца и совершенства.

Протерев оконные стекла и вооружившись заморской техникой, я устроился на своей лежанке поудобнее и начал счастливые наблюдения. А обещали они быть долгими, потому что слабый ветерок тянул с сопки строго в мою сторону, спугнуть же стадо мог лишь я да дым из печной трубы.

Уверенные в безопасности кабаны паслись шумно и даже, как мне казалось, беспечно. Это позднее я заметил, что вожаки — матерая чушка и секач-богатырь — временами застывали и прислушивались. Но даже в эти моменты все остальные суестьились, резвились, взбрыкивали и наслаждались обилием фамильного харча. Впрочем, взрослые трапезничали степенно, лишь хвостом вертя беспрепятственно, а баловались больше поросята, и это им прощалось. Однако в определенные мгновения по какому-то сигналу все стадо замирало неселохнуто, и замирало на целую минуту, а возобновляло кормежку по другой команде.

И так вот, пасясь на желудях, кабаны постепенно спускались по склону, приближаясь к моему наблюдательному пункту: настало время, и я уже невооруженным глазом отличаю матерых от подсвинков, а этих от сеголетков. И вижу не только их мельтешащие хвос-

ты, но и постоянно настораживающиеся в разные стороны уши... Слышу голоса и азартное «свиное чавканье».

Я волновался в те минуты так, будто был на охоте и затаился в засаде, нетерпеливо ожидая мгновения верной удачи. И о болезни не вспоминал! И положил свой надежный карабин старинного производства рядом с собой, решив, что коли кабаны ненароком спустятся к реке, приблизившись ко мне на сотню метров, значит providению будет угоден мой выстрел по очень желанной цели. Все же охота в моей крови наследственна, все же по профессии я охотевод и все же давно знаю, что разумная охота есть составная и неотъемлемая часть рационального использования и, следовательно, охраны природы. Вот только силы свои на данный момент не переоценить бы...

В ту пору у кабанов приближалось время свадебных гуляний. Главных жених — секач-вожак — еще кормился, он пока не пришел в состояние крайнего любовного возбуждения и агрессивности с полным неприятием какой-либо пищи. Однако он уже то и дело подходил к чужке — матке с определенно эротическим интересом, получив же от нее отлуп, шел к потенциальным невестам помоложе, попутно выражая откровенную неприязнь к женихам не столь взматеревшим, зато стройным и резвым, вовсе не лишеным такого же интереса к особам противоположного пола.

...Напряженная поза наблюдателя меня изрядно утомила. Я положил монокль на подоконник, подбросил дров в печку, поставил на огонь чайник, принял лекарство и прилег... И вдруг услышал жуткие, грубые и в самом деле душераздирающие голоса. Подумал даже, что тигр напал на чушек. И подумал не просто так: накануне в двух десятках метров от дома видел следы амбы, привычно прошедшего мимо хутора, не задержавшись... Или медведь?

Подошел к окну и увидел двух сражающихся секачей. Откуда взялся пришелец — не знаю. Не ведал и то, почему эти патриархи кабаньего рода-племени стали биться сразу же. Обычно такие в свадебное время медленно сходятся, всячески демонстрируя свою мощь на расстоянии, потом обнюхиваются «пятак» в «пятак». Нередко этого бывает достаточно для того, чтобы более слабый, не страдая уязвлением самолюбия, уступил явному превосходству и удалился. Бывает, при сомнениях соперники начнут толкаться, поддевать рылом, бить боком в бок, очень надежно бронированный калканом. Из четырех встреч ревнивцев в трех случаях конфликтная ситуация разрешается вполне мирно... В дикой природе мужи ради обладания дамами на смерть не сражаются, потому что напроць лишены так свойственного людям тщеславия.

А эти схватились с ходу. Видно, хозяйина положения возмутила бесцеремонность чужака, а тот не чувствовал себя второсортным кавалером. Вполне возможно, что они давно знали друг друга и встречались не впервые, а те-

перь проблему «кто есть кто» должен был решить турнирный поединок, столь обычный для братьев наших меньших. В прежние годы мне приходилось видеть гонные драки вепрей, я хорошо помнил, как они во всю мощь пытались свалить плечом соперника, упирались лопатками, норовили ударить клыками, причем ударить в непробиваемый калкан, поддеть рылом во всю силу, и опять-таки чтоб недругу было бескровно больно... Это у них в крови как непрекаемый закон.

Сходясь, ревнивыцы успевали два-три раза шибануть неприятеля головой, но и при этом не пуская в ход убийственные клыки, страшные для тигра и медведя. Затем они решительно звывались на дыбы, сжав друг друга передними ногами, бились рылами, кусались и оглашенно кричали. Они то мелькали громадными мячами, то снова коротко сходились, тяжело дыша и окутываясь паром, высоко задрав голову с широко раскрытой пастью и вздыбив шетину по всему хребту. Казалось — сходились в смертельной схватке.

Казалось...

Но ЭТИ, как подумал я в первые секунды, в порядке исключения из правила и в самом деле сражались не на жизнь — на смерть. Оба были громадные, решительные и непримиримы. Из их развернутых пастей валила желтая пена. Сцепившись, они нещадно кусали друг друга в морду и шею и при этом ревели так устрашающе и громко, как не всегда могут львы и тигры, крокодилы и бегемоты. Они отскакивали друг от друга для того, чтобы посильнее разогнаться и ударить лоб в лоб с новой силой и более мощно давануть боком и решающим образом поддеть и отшвырнуть.

Эти вепри метались с такой стремительностью, что я не успевал улавливать «детали» битвы. Но вот вижу обоих разъятыми, в нескольких метрах, окутанных паром и забрызганных пеной, задирающих голову к небу, клацающих клыками и то и дело извергающих утробное «уфф-уф». А побеждающего заметно не было.

Но только я подумал, что у обоих силы иссякли и сейчас они разойдутся, как сражение развернулось с еще большей агрессивностью, а по тайге понеслись в густом сплетении рев, визг, стон и очень тяжкие вздохи...

Мельком увидел и удивился: патриархи кабаньего племени так ожесточенно сражаются, а молодые наследники их мощи вполне спокойно жируют, на всякий случай отойдя подальше. В напряженной позе наблюдателя была лишь чушка-вожак, определенно решающая важную для себя проблему: не ошибиться бы при выборе отца очередных детей своих...

Этот бой лесных гладиаторов длился дольше виденных мною раньше, и все же я досмотрел его до конца. Разойдясь после уж очень упорной схватки, как боксеры тяжелого веса на десятом раунде, вконец уставшие бойцы угрюмо стояли встреч друг другу минуту, вторую, третью... Очень тяжело ды-

шали, шатаясь при вздохах и хрипя, едва не падая, отвесив челюсти чуть ли не до земли. Силы явно покидали обоих, но победителя я не угадывал. У обоих подкашивались трясущиеся ноги, оба были в желтой пене и паре, толкни в эту минуту любого — свалится... И все же один из них отрешенно повернул на полукружье и медленно — и тут не теряя достоинства! — зашагал прочь.

А другой и не думал его преследовать. К другому подошла «первая дама стада», стала к нему «пятак» в «пятак» и принялась этак нежно покусывать в щeki и за уши, любовно похрюкивая... А через несколько минут, проводив уважительным взглядом побежденного, он стал отвечать ей точно тем же.

Кто взял верх в том поединке — хозяин табуна или пришелец — я так и не понял. До них было около двух сотен метров, в монокль я видел их прекрасно. Я долго и внимательно «изучал» победителя, потеряв из вида несчастливца, но не заметил на нем кровотокащих ран и красного снега тоже не обнаружил... И уж в который раз подумал: мудрые звери из-за права на потомство до смерти не бьются, оставляя это право самому-самому...

Однако затеял я этот рассказ вовсе не для того, чтобы поведать об устоях кабаньей жизни и воистину гладиаторских сражениях секачей в брачную пору. Главное в другом...

Я уже хлебнул чаю и прилег, «прокручивая» в памяти увиденное, как устоявшуюся было тишину снова разорвал жуткий рев. Подумал, что опять-таки сцепились, что побежденный не пожелал смириться с поражением, собрался с силами и ринулся сводить счеты.

Но рев был все же другой, кому-то кричалось не по-кабаны. В недоумении я подошел к окну и ахнул: сцепились секач и громадный бурый медведь. Как умудрился хозяин тайги подкрасться на слуху и нюхе целого табуна зверей с очень тонким слухом и паразитнейшим обонянием — не знаю. Проще было объяснить, почему вдруг этот косолалый верзила пошел на хищнический разбой при полном достатке отличного своего нажировочного продукта — желудей: захотел разогветься, потому что и самая прекрасная вегетарианская пища изо дня в день плотоядному существу в конце концов надоедает и страшно хочется чего-нибудь... Остренького ли, кисленького, горького, терпкого... Или вспомнил былое, когда месяцами жил активной охотой на крупного зверя, и только ею... Может, издали слышал боевые кабаны голоса, неожиданно заносившиеся над притихшей предзимней тайгой из края в край и до самого неба... А то и просто захотел напомнить свиньям, кто есть хозяин уссурйской тайги.

Эти извечные враги — медведь и кабан — бились куда ожесточеннее вепрей-единокровцев. Бросив к глазу монокль, я увидел в его чудесном голубом круге сначала забрызганный красным снегом, но тут же — и успевших окриветь зверей. Расцепившись, обескураженный неожиданно резким отпором

и обозленный медведь угрожающе ходил вокруг секача, выбирая верное мгновение для победного прыжка. Но жертва его желания оказалась очень бдительной и стерегла каждое вражеское движение. По серпам клыков стекла красная пена, а глаза горели яростным накалом.

Буря с устрашающими взревами делал один за другим резкие пугающие броски, но они не достигали цели, ибо бывалый вепрь был храбрым и могучим бойцом. Более того, когда после очередного пустого наскока агрессор повернулся было занимать исходную позицию, молвил, возможно, самому себе успокоительное «больно ты нужен был мне», секач сделал неожиданный решительный рывок и так мощно поддел врага громадной головой, что тяжеленная жирная туша того перевернулась — подумать только! — и позорно упала на спину. А вепрь стал тут же бить его в бока и брюхо с такой силой, что попавший впросак топтыгин при каждом ударе вдруг стал охать и этак жалобно взвизгивать. Но ему все же удалось подняться и отскочить на выворотень. А передохнув и набравшись новых сил, он опять атаковал жертву, упорствуя в стремлении к победе, чего бы это ему ни стоило.

Но вот самое главное, о чем хочу рассказать. Медведь не просто могуч и ловок, но и вынослив, а его жертва потеряла слишком много сил и энергии в сражении с соплеменником. Передохнув на выворотне и усыпив бдительность вепря, хищник с неожиданной стремительностью атаковал его, удачно вскочил на спину и вцепился пастью в загривок, железно обхватив передними ногами шею, а задними — бока и живот. «Опаснейшая ситуация, тут и до беды совсем рядом! — подумал я. — Погибнет главный боец, не вырваться ему из-под трехсоткилограммовой гру-

ды железных мускулов». Однако в это раскаленное мгновение к этим двум стремительно подскочил другой секач. Наверняка тот, что проиграл брачный поединок совсем недавно. Он с ходу, вздыбившись, шибанул медведя рылом и поддел клыками. И так удачно таранил, что хищник слетел с жертвы, а обреченный был вепрь свалился набок.

А дальше битва вспыхнула и взорвалась так молниеносно, что я не все успевал увидеть и понять. Но четко видел, что оба секача дружно били врага головой, рвали клыками и челюстями, топтали железными копытами. От рева из трех глоток стонала тайга.

Бурю супостату все же опять удалось вскочить, но теперь для того, чтобы пуститься в позорные бега, охая и жалобно взвизгивая. Однако не тут-то было. Погибельно израненного и лишенного резвости, его быстро настигли секачи и дружно и слаженно замутили с обеих сторон и вскоре повалили. Он горестно стонал и молил пощады. Но вепри его оставили лишь тогда, когда он распластался на мешанине снега, земли и крови бесформенной грудой и застыл, отрешенно разбросав безжизненные лапы...

А победители долго стояли плечом к плечу. Потом один из них, скорее всего неудачник в любовных устремлениях, медленно и с достоинством пошел в сопку, изредка останавливаясь и оборачиваясь как бы в стремлении навечно запомнить место двух сегодняшних трудных сражений, оба из которых были во имя вечного процветания кабаньих племен.

Подумать только, зверь в серьезных годах был бит и побежден соперником по праву воспроизводства наследников. А когда дело коснулось жизни того соперника и, стало быть, благополучия общего рода-племени, место горечи поражения заняла солидарная ответ-

ственность за безопасность бытия кабаньих стад и безусловное превосходство общего над личным.

Та битва продолжалась с четверть часа. А где же стадо? На склоне сопки его не было видно. Знал я, что вслугнутые чушки бегут в ту сторону, куда была обращена их голова в мгновение опасности. Бегут чаще всего враспынную и лишь потом, успокоившись, стекаются воедино. Зашарил оптикой туда-сюда. И неожиданно увидел несколько чушек, уже переправившихся через речку, в какой-то полусотне метров от дома... На чистом месте...

То было невесть что: Его Величество Случай, подарок судьбы или Высшего Бесплотного Разума. Но не принять его было бы и грешно и смешно.

Потом я долго размышлял над двумя терминами: старым «антропоморфизмом» — приписыванием животным человеческих свойств и только что мною придуманным «териоморфизмом», под которым я подразумеваю целесообразность людей кое в чем брать пример и учиться у зверей. Биологически ведь человек далек от нравственного совершенства, особенно когда его природное естество не «скорректировано» строгим воспитанием.

Звери часто бывают благороднее человека, они, не тая зла, кровожадны и беспощадны, жадны и вороваты, себялюбивы. Общие цели у них чаще всего преобладают над собственными, и даже их эгоизм альтруистичен...

Да, они не способны любить, как Ромео и Джульетта, но чувства любви и верности, ласки и нежности, и нередко пожизненные, им ведомы.

А теперь представьте, что не секачи схватились в поединке за право оставить потомство, а двое мужчин в адюльтере. И один из них оказался побитым и вынужденно удален... Не в пример потерпевшему поражению вепрю, оказавшийся третьим лишним кавалер чувствовал себя глубоко уязвленным и жаждал мести... И если бы вдруг на его глазах счастливый соперник подвергся бы смертельной опасности, он не пришел бы ему на помощь. И более того, он радовался бы его гибели...

Вепрям и большинству других зверей такие безжалостность и самовлюбленность не свойственны.

Учиться бы нам у них благородству.

Рисунки В. Симонова

Виктор Николаевич Челищев. Новороссийск. 1920 г. Публикуется впервые

«Истинным псовым охотником может быть лишь тот, кто благовоспитан, образован, умен, честен, благороден, добр и вечно юн душой», — пишет в своих «Записках псового охотника Симбирской губернии» П. М. Мачеварианов. Таким именно охотником был Виктор Николаевич Челищев (1870—1952), отрывок из рукописи которого впервые публикуется в этом номере журнала.

Уроженец Калужской губернии, по его словам выходец из «среднего достатка помещичьей семьи старого дворянского корня», В. Н. Челищев еще до революции приобрел известность на общественном поприще, после февраля 1917 г. был избран председателем совета Всероссийского союза юристов и назначен председателем Московской судебной палаты.

В период Гражданской войны — член Особого совещания (возглавлял отдел юстиции) при генерале А. И. Деникине, с которым поддерживал тесные дружеские отношения все последующие годы. После эвакуации Крыма до 1931 г. жил в Югославии, являясь товарищем председателя Союза русских писателей и журналистов и председателем Демократического объединения русских эмигрантов. В первой половине 30-х годов жил в Праге, затем — в Париже, где провел всю Вторую мировую войну. В 1946 г. переехал в Калифорнию (США), последние годы провёл в Сан-Франциско.

При жизни опубликовал всего несколько рассказов, в т. ч. четыре составивших сборник «Алёшка Чураков» (Белград, 1926). Главное произведение Виктора Николаевича — хроника «Охотники», над которой он работал полтора десятилетия, в настоящее время готовится к изданию редакцией альманаха «Охотничьи просторы» совместно с живущим в США внуком автора — Виктором Викторовичем Челищевым и скоро выйдет в свет отдельной книгой.

В истории русской охоты фамилия Челищевых уникальна уже потому, что генеалогию рода в XIX столетии можно

Виктор Николаевич Челищев — автор хроники «ОХОТНИКИ»

М. ПОДДУБНЫЙ

проследить по публикациям в охотничьей периодике. Вот статья «Я еще жив» из ноябрьской книжки «Природы и охоты» 1883 года — своего рода маленький рекевию псовой охоте, — подписанная «Старик Дмитрий Челищев из Калуги» — это дед Виктора Николаевича, родившийся в 1812 году. «...Псовая охота в роде нашем ведется более 80 лет и, хотя ныне значительно сократилась, но все-таки уцелела старая порода борзых собак, которую мы стремимся поддерживать в чистоте крови, придерживаясь породы чистопсовых, как более пригодной для нашей довольно полой местности», — писал Дмитрий Михайлович в сабанеевском «Журнале охоты»¹.

А это его брат — Сергей Михайлович Челищев, «Впечатления забытого псового охотника» которого повествуют о совместных охотах с Ф. А. Свечиным в Черском уезде². Третий из братьев — родившийся в 1835 году Евтихий, поклонник английских гончих и автор помещенных в 1900 г. в «Охотничьей газете» «Псовых охот в Калужской губернии». Этот же Евтихий Михайлович, за привычку к долгим речам имевший среди братьев прозвище «Панихида», в «Заметках псового охотника» так начинает свой отчет о двух сентябрьских неделях 1900 года: «На днях я возвратился из имения племянника моего Николая Дмитриевича, где провел две недели на псовой охоте вместе с племянником, его сыновьями и братом»³.

Упомянутый племянник — Н. Д. Челищев, помечавший заметки в охотничьих изданиях адресом «Сельцо Бутовка Боровского уезда». Это уже отец Виктора Николаевича, активный и горячий участник «кинологических» дискуссий второй половины XIX в., сельский хозяин, куль-

турный русский человек и дельный охотник. У него было пять сыновей — Дмитрий, Николай, Виктор, Александр и Алексей, и все они в молодости отдавали дань охоте.

Охотникам старшего поколения хорошо известно имя старшего брата В. Н. Челищева — Николая Николаевича, столь много сделавшего для сбережения в нашей стране псовой охоты в трудный период 20—30-х годов. Помимо множества статей в охотничьей периодике, Н. Н. Челищев является автором целой серии вышедших тогда в СССР монографий об охоте с борзыми и гончими, из которых «Русская борзая, ее воспитание и охота с ней» выдержала два издания. «На волков по черной тропе» — три, «Как самому нагнать гончих» — пять, «Гончая. Ее воспитание и охота с ней» — шесть изданий!

Таким образом, охотничья юность Виктора Николаевича Челищева, пришедшая на 80-е годы XIX столетия, была богата событиями чрезвычайно. Всякий год на традиционный охотничий праздник «Семенов день» — 1 сентября съезжались в челищевскую Бутовку братья его деда, приезжали со своими стаями известные охотничьей России Н. Н. и В. Н. Бибиковы, И. И. Сорохтин, А. М. Гейер, Н. В. Можаров. В Бутовке Виктор Николаевич видывал таких «столпов» псовой охоты, как старик П. А. Березников и молодой еще С. В. Озеров, которому его отец подарил лучшую из своих борзых — Славу.

«Охота в семье Лобовых была не только общей страстью, она была культом, которому служили, которым жили, — спустя годы писал В. Н. Челищев в своей хронике. — Действительно, жизнь складывалась и шла так, как будто и работали и трудились только для того, чтобы в награду за все это наслаждаться охотой. Все

Храм Архангела Михаила (начало XX в.) при селе Красном, вблизи усадьбы Новая Деревня — приходская церковь Челищевых. («Места у нас площадистые, есть где поработать, чтобы зверя в поля выставить». В. Н. Челищев, «Охотники»)

было средством, а целью жизни была эта неиссякаемая, пламенная страсть. В обстановке этого культа охота естественно охватывала все, она проникала в детскую, она вдохновляла детские игры, овладевала детской душой».

Счастье расти и охотиться среди обжитых твоими предками полей и лесов, от ранних лет испытает Виктором Челищевым полной мерой, давало ему силы в тяжелые для его семьи двадцатые годы, проведенные на сербской земле. Именно там была написана большая часть его рассказов, темой которых по большей части является русская деревня, усадебная жизнь, охота.

Почти весь период 1930-х годов В. Н. Челищев провел в Праге. Для него это было время активной общественно-литературной работы, 1932 годом помечена и первая часть рукописи «Охотники», из которой взят публикуемый отрывок. Вторая и третья части рукописи датированы соответственно 1934 и 1947 годами, общий ее объем составляет около 300 машинописных страниц.

В пространстве этого текста — картина мелкопоместной усадебной жизни в губерниях Калужской и Тульской, жизни, в наступивший век железных дорог все еще хранящей теплоту родственных чувств и «преданья старины глубокой», с ежегодным циклом праздников, обедов, говений, визитов. Великолепная память Виктора Николаевича сохранила не только названия множества усадеб, имена их владельцев, но и характерный язык псовых охотников, увы, живущий теперь только в челищевских текстах. Читая хронику «Охотники», невольно вспоминаешь описания охот Е. Э. Дрянского в его непревзойденных «Записках мелкотравчатого». У В. Н. Челищева находим то же — и знание тонкостей охоты, и талант художника: «Хороши для охотника октябрьские дни, когда пасмурное небо низко повисло над засыпающей землей, оберегая ее теплоту, когда легкий туман стелется над рекой, болотами и лощинами и

царит почти абсолютная тишина безветрия».

Лисьими называют такие дни, ибо под покровом тумана далеко разбредаются лисицы из уймы мест в поля и отъемы и, преследуемые гоним стаи, мчатся своими глазами и натываются на борзятника, будучи не в состоянии издали его обнаружить при всей своей зоркости. А какой резонанс в эти дни в облетевшем лесу! И небольшая стая звенит, как симфонический оркестр, а о большой и говорит не приходится: стоном стоит от ее музыки лес и дрожмя дрожит сердце борзятников, ждущих на себя зверя...»

«Охотники» — хроника автобиографическая, мемуарная. В публикуемом отрывке Володя — сам автор, Никанор Дмитриевич — отец автора Николай Дмитриевич Челищев, дядя Сережа и дядя Миша — братья деда автора Д. М. Челищева — сохранили свои имена. Усадьба Новоселки — это челищевская Бутовка, а город — старинный Боровск, от которого до деревеньки Бутовки сегодня пять километров.

Я приехал сюда летом 2006 года, уже зная, что усадьбу дотла спалили крестьяне в 1917-м, что саму деревню в 1941-м сильно пожгли немцы. Челищевых помнят здесь только липовая аллея да нижний пруд, когда-то увиденный глазами маленького рыболова Вити Челищева и воскреший на страницах его хроники. Верхний пруд обмелел, зато с него поднялась чирковая уточка от выводка и, сделав круг, спланировала обратно. В трех верстах отсюда на гребне живописнейшего холма стоит ныне возрождаемый каменный храм во имя Архангела Михаила — приходская церковь Челищевых.

Атмосферу работы над хроникой «Охотники» помогают воссоздать воспоминания внука автора, Виктора Викторовича Челищева, записанные им по нашей просьбе.

«...У нас всегда были гости, дедушка был очень общительный человек. Я по-

мню, в гостях у нас бывали не только соседи, но также генерал Антон Иванович Деникин, его адъютант полковник Колтышев, князь П. Д. Долгоруков, профессор П. Б. Струве и многие другие.

Разговоры велись на всевозможные темы: воспоминания о жизни в России, оживленные дискуссии о провале Белого движения, состоянии жизни в Советском Союзе и т. д.

Но для дедушки самой любимой темой была охота. О ней он мог рассказывать всегда, и эта тема для него была самая интересная. Говорить он мог очень увлекательно. В то время он писал вторую часть своей семейной хроники «Охотники», писал мелким почерком без черновиков, а потом, прочитавши, делал маленькие поправки. ...Охота псовая для дедушки всегда была самая интересная тема, и он нам все это описывал в самых мелких деталях».

Как не вспомнить тут слова одного из наставников Виктора Николаевича — Евтихия Михайловича Челищева, которыми он завершает свои «Псовые охоты в Калужской губернии»: «Только воспоминания прошлого заставляют сильно биться охотничье сердце и наполняют его сладкими чувствами, доступными только псовому охотнику!»⁴

Вот и герой хроники «Охотники», калужский помещик Пафнутий Иванович Георгиевский, все о том же: «Вернусь домой, велю Ваньке камин затопить, сяду перед ним, закрою глаза и еще переживу травли сегодняшние. Застелится по зеленым изумрудным лисичкам, что мертвая сейчас в тороках болтается, спеет к ней Мазура с Пылаем: ой, опушка близка, остановить бы ее! Нет, надала Мазура, отросла от Пылая и вот уже в поноску понесла кумушку. Зачем же опять трепещет в груди сердце, как трепетало во время самой травли? И объяснять не хочу, потому что страсть это, а страсть потому и захватывает, что ее умом не постигнешь...»

⁴ Охотничья газета. 1900. № 6. — с. 81.

В пороши

Отрывок из хроники «Охотники»

...Вечером подъехал Никанор Дмитриевич, и со следующего дня начались пороши, да такие, что редко когда такой год выдается.

Выпадет с вечера или в ночь чуть снежку, занесет старые следы, и баста. А то просто ветерок легонький позаметет след, опять съездка прекрасная. Володю взяли на первую же порошу.

Легко и бодро вскочил он с постели. После умывания холодно казалось, точно по спине все мороз пробежал. Странна и непривычна, таинственна

обстановка. В доме тихо, в столовой горит огонь; у обеденного стола сидят отец, дядя Сережа и дядя Миша. На дворе еще совсем темно, но не так, как вечером: не черная это тьма, а серо-синяя. Дядя Сережа, по обыкновению, грызет за чаем черные сухарики. Говорят шепотом, чтобы не будить спящих. Английские часы бьют семь.

— Двое саней вели заложить, — говорит Никанор Дмитриевич. — В одних я с Володей поеду, в других Мишенька, а ты с Филькой верхами.

— Обидно, — ворчит дядя Миша, —

зря мои собаки проваляются. Лисиц в этом году около нас много. Осенью ведь не так много наезжали, а теперь все говорят, что куда ни пойдешь, везде в полях мышкуют. За мышью что ли с севера подались?

— Должно быть, с севера. Мне тоже говорили, что и в наших местах появились и окрасом гораздо светлей наших, — согласился Никанор Дмитриевич. — Мы сейчас в поля к вершинам подадимся. Я потому и приказал двое саней заложить, чтобы в случае чего — собак в сани и объезжать.

Рассветало. Володя из окна столовой видел уже ясно полосу леса, в полуверсте окаймлявшего поле.

Пора. Вышли на крыльцо, у которого стояли сани. Тих воздух, свеж и прозрачен. Как все бело кругом, как девственно чисто. Двинулись, выехали в поля. Вдруг дядя Сережа и Филька, ехавшие впереди, повернули лошадей к сням.

— Лисица? — спросил дядя Миша.

— Две. Одна в этом поле, а другая за вершиной. Филька подержит мою Маруську, а я с тобой, Мишенька. В сани возьму Кидаю и Заигру, а ты, Никанор, бери черных кобелей. Да погоди обезжывать свою, пока мы кругом в то поле не выедем.

Филька посадил в сани Змея и Героя и дал Володе в руки свору.

— Держи крепче, не выпусти, — сказал ему отец, — а когда заулююкаю, бросай свору.

— Хорошо, — произнес Володя дрожащим от волнения голосом...

Слева, далеко, раздался протяжный свист. Скоро, слава Богу, выехали они за вершину. Никанор Дмитриевич тронул лошадь. Володя все силы своего внимания сосредоточил на собаках и своре. Он не смотрел в поле, он не видел лисицы и не хотел ее видеть, чтобы не отвлечься от ответственного дела, чтобы не испортить как-нибудь охоту. Ехали довольно долго, кругом. Отец все забирал к вершине, а сам смотрел куда-то в другую сторону, мимо Володи. Потом он сразу повернул лошадь круто от вершины и шепотом повторил несколько раз «улю-лю, улю-лю!»

Собаки привскочили, поставили уши конем и вдруг рванулись из саней. Володя выпустил конец своры удачно, не задержав, и сам вскочил в санях. Теперь можно смотреть. Теперь надо на прячь всю силу зрения, чтобы не пропустить ни одного мгновения в быстро развивающейся картине. Отдуть трубу, неслась лисица по белой равнине. Володе казалось, что она не касается лапами земли, что она не делает скачков, а скользит красной лентой, точно несет ее ветер. Где же собаки? А, вот и они, две черные ленты, сказочно быстро разматывающиеся с одного клубка, тянущиеся к красной ленте, как стальная песчинка к сильному магниту. Что это с красной лентой? Она под прямым углом изменила направление, оборвавшись перед черными лентами, а те потеряли свое сцепление, разъехались, утратив скорость разматывания, как будто исчезла притягательная сила; потом она потянула их в другую сторону. Ленты опять вытянулись, на этот раз так: красная, черная, еще черная.

— Улю-лю! Улю-лю! — слышал Володя рядом с собой, но он сам был нем.

Что это? Красная и черная ленты сплелись в клубок, завертелись в снежном вихре и звездой застыли на снегу.

— Герой! — крикнул Никанор Дмитриевич и пустил лошадь вскачь.

Володя вернулся к действительности,

когда отец прикручивал за горло к передку саней пушистую лисицу.

— Огневка, красная, и душка черная, — говорил он. — Это наша, а не северная. Гляди, Володя, там травят.

Володя обернулся. За вершиной далеко носились по полю три точки, меняя направление, и затем слились в одну жирную кляксу.

— Начало хорошее, — заявил Никанор Дмитриевич.

Съезались, обменялись впечатлениями. Съездка оказалась слепая: снег, видимо, перестал под самое утро, и малик обозначался кое-где лишь черточками. Затравили двух русаков и поехали домой.

К обеду в Новоселки подъехали молодые офицеры из стоявшей в ближнем городе батарее. Весело после обеда потягивали наливку и просили разрешения приехать на пороши. Неохотно, из вежливости пригласили, а на счастье офицеров что ни день, то пороши. Вытравили всех зайцев в ближней округе, стали ездить в даль. Володя совсем отстал от занятий. Сначала его беспокоила мысль о невыполненном уроке, а потом беспокойство перешло в чувство неловкости, наконец уроки как-то просто забылись.

Дядя Сережа каждый день сам осматривал положенную недалеко от усадьбы приваду, но волки ее не трогали. Зайчики и изредка лисицы, все это уже приелось. Ему хотелось потравить волчка.

В начале декабря была опять очередная пороша. Встали раньше обычного, потому что согласились с офицерами встретиться верст за восемь от Новоселок. Володя с дядей Сережей пили чай. Никанор Дмитриевич накануне уехал на земское собрание в губернский город. В столовую вбежала запыхавшаяся горничная и только успела сказать: «Волки!»

Дядя пулей выскочил из-за стола, за ним Володя. Когда он добежал до псарни, где Филька выпускал борзых, к опушке леса подвигались с поля темные тени.

— Шесть, не то семь, — говорил вполголоса Филька. — Долго тут у пруда в березках стояли, а потом шагком к лесу потянули. Надо быть, на приваде были.

— Коли тронули приваду, далеко не уйдут, — шептал дядя Сережа. — Не распускай борзых, держи на своре. Я до привады доеду, а потом через полчасика их обложу.

— Полтуши слопали, — сообщил, возвратясь, дядя. — По-моему, их шесть штук. Матерые здоровы, лапши перчаткой не накроешь, сразу в глаза их следы бросаются. Если в Медынке лягут, отхватим их по городской дороге. Я там в полянах стану, а ты, Филька, прямо входными следами на них потихоньку ступай. Как до гонного следа доедешь, улююкай.

Пождав минут двадцать, дядя Сережа галопом пошел по городской дороге, но скоро Володя увидел его скавав-

шим обратно.

— В опушке городскую дорогу перешли. Филька, за мной! Пусти собак без своры. Четырех кобелей возьмем, суку запри.

— А я как же, дядя? — робко спросил Володя.

— Ступай с Василием Анисимовым по дороге к Коверину, туда пойдут волки.

Верховые скрылись в опушке. Белогривая лошадка ходко везла сани с Володей и Василием Анисимовым.

— Зря, сударь, едем, — басил Анисимов, — волк не заяц, через час под Бородухином будет. У них дорога своя, короткая. Видели следы-то ихние? По линейке так не пройдешь, как они идут. Значит, Бог им так дал.

— Проедем немного, а если ничего слышно не будет, тогда домой, — обрадовал Володя, которому было очень обидно, что волки испортили всю охоту.

«У Фатеева и Кобицына, где их ждут теперь офицеры, чудные поля, маленькие островки. Там, наверно, натравились бы, а глядишь, лисицу второчили бы. Дядя Сережа давно все о волках мечтает. Снегу, говорит, мало, а то бы заганивать на Маруське стал. Он волчатник», — решил Володя.

Въехали глубоко в лес. Прислушались. Сначала ничего не было слышно; потом с левой стороны как будто изредка доносились какие-то звуки, не похожие на обычный человеческий крик, а тем более на разговор.

— Это дяденька Сергей Михалыч улююкает, как пить дать, — признал Анисимов. — Ужли ж травить? Нет, больно долго что-то кричит. Слышите?

— Слышу, — бормотал Володя. — К городу повернул. Нельзя ли нам туда податься?

— Тут дорог таких нет. Разве что повернуть обратно, все ближе к нему будем.

Белогривая зашпешила к дому, и голос дяди Сережи замолк где-то в лесной глуши.

Когда выехали в новоселковские поля, Филька с борзыми подъезжал к усадьбе.

— Вовремя мы с вами поспели, — радовался Анисимов.

Филька сообщил, что волки так и не легли, что дядя Сережа, сделав два-три круга и не захватив волков, прямо поскокал по их следу, а потом стал улююкать и пошел глубоким кругом. Филька, потеряв его со слуха, решил тоже ехать домой.

Володя бродил по усадьбе недовольный. Поиграл с Сердечным и Плутовой, которые в безумной радости носились друг за другом по снежной поляне у выпуска. Заглянул в закуту к Альме. Нога у нее срослась не совсем правильно, бедная собака все еще боялась наступать на нее. Володя выпустил ее погулять, и она странно прыгала на трех ногах, с рычанием скалила зубы на щенят, лебезивших около нее с явным желанием вовлечь в свою игру, погоняться за ней, поваляться по

пушистому снегу. Вспомнились забытые уроки. Боже, как много запущено! Когда же их выучить? Пойти, сесть за тетради и книги? Надо бы, а не хочется. «Завтра начну», — решил Володя и побрел было к флигелю в намерении побеседовать с Иваном Макаровичем. Но Макарыч сидел на своем крыльце и встретил Володю вопросом:

— Что ж волки, знать, мимо носу прошли? Куда это Сергей-то Михалыч запропастился? Дело к обеду — пора бы ему домой быть.

Уселся и Володя около Макарыча.

— Упокойный дедушка твой Алексей Павлыч, Ольги Алексеевны отец, тот все больше с ружьем по дичи охотился. Была тоже у него подружейная собака. Лордом звали. До чего умна была, прямо сказать невозможно. Бывало в болоте — сам своими глазами видал — делает стойку, Алексей Павлыч подходит, а Лорд этот самый на него оглядывается, вот только что не говорит: дескать, припасайся. Погляди, Володя, кто это от города едет. Что-то будто лошадь Нила Михалыча, Желток его.

Володя взгляделся и привскочил:

— Это Желток, а за санями Марусяка привязана.

— Уж не сбила ли она Сергея Михалыча? — недоумевал Макарыч. — Как же он в городе-то очутился?

Сани шагом въезжали в усадьбу. В них сидел дядя Сережа рядом со слугой Нил Михайловича. Марусяка задорно, весело заржала.

Володя подбежал к саням и ахнул. Из передка саней на него косились желтые глаза волка, морда которого была опутана стрункой.

— Волк! — дико завопил Володя, приплясывая около саней.

— Макарыч, — кричал дядя, — принеси старый ошейник от Фауста да цепочку потолще захвати, сейчас его в пустой закут на дворке прикуем. Живей!

Приковали волка, только у ошейника не оказалось кольца, и Макарыч долго привязывал цепь к ошейнику ре-

мешком-шивкой, не пожалев по этому случаю новый конец.

Когда волка расструнили, он боязливо забился в угол закуты, глаза его горели то красным, то зеленым светом. Ему положили несколько лопат снега, а Филька сунул под самую морду большой кусок свежей конины.

— Страшно ему, должно быть. Ах, как дрожит, — удивлялся Володя, привыкший представлять себе волка смелым, кровожадным зверем, лесным разбойником, наводящим страх не только на смирных овец и телят, но и на человека.

— Задрожишь, брат, когда тебя осилили, да еще на цепь посадили, — заметил Макарыч, — а ты, Володя, ему в лесу попадись, он не так на тебя посмотрит, как сейчас. Воля, брат, большое дело! В тюрьме какие разбойники, и то смирной овечкой сидят. Ты пойди, послушай, что Сергей-то Михалыч в доме теперь рассказывает. Как он его живьем без собаки взял? Это, брат, настоящий охотник, а не то что другие...

Да, дядя Сережа рассказывал прямо сказку.

Отчаявшись обложить волков, которым он же сам не давал ложиться, Сергей Михайлович решил попробовать, несмотря на мелкий снег, погонять волков. Став на след, он рысью стал приближаться к ним и скоро заметил, что волки замахали наутек. Тогда он сам перешел в галоп; волки рассыпались в разные стороны. Выбрав след молодого, охотник еще надал ходу, правильно рассчитывая, что наевшийся зверь скоро вымотается. Чтобы заставить его идти полным ходом, дядя громко улюлюкал. Волк сделал большой круг лесом. Чувствуя за собой погоню, он решил, что скорее отделается от преследования, если выберется в поле, станет на дорогу и таким образом скроет свой след.

Этот план оказался для волка пагубным. В поле Марусяка пошла вольнее, и скоро охотник увидел свою жертву и заставил ее напрягать все силы в беге.

Пробовал волк опять завернуть к уйме, но охотник забирал ему наперерез. Силы оставляли зверя, он стал ложиться, чтобы передохнуть, а настойчивый преследователь, хотя и берег силы лошади, все же быстро приближался. Не отдохнув, поднимался серый и колтыхал дальше, высунув язык, не соображая более, куда бежать. Бежал куда глаза глядят. Попались какие-то ивняки. Задержался в них волк, но тут охотник совсем настиг и в первый раз вытянул арапником по спине. Теперь игра была проиграна: ноги не слушались, не было воздуха в легких, все помутилось в глазах. Еще несколько скачков, последних, и... волк повалился на землю. Тут Сергей Михайлович и связал лесного бродягу, вставив ему в рот дубовую палку, чтобы пленнику оставалась возможность дышать. Связал, осмотрелся и, к изумлению своему, убедился, что он в полуверсте от города, у самых городских огородов.

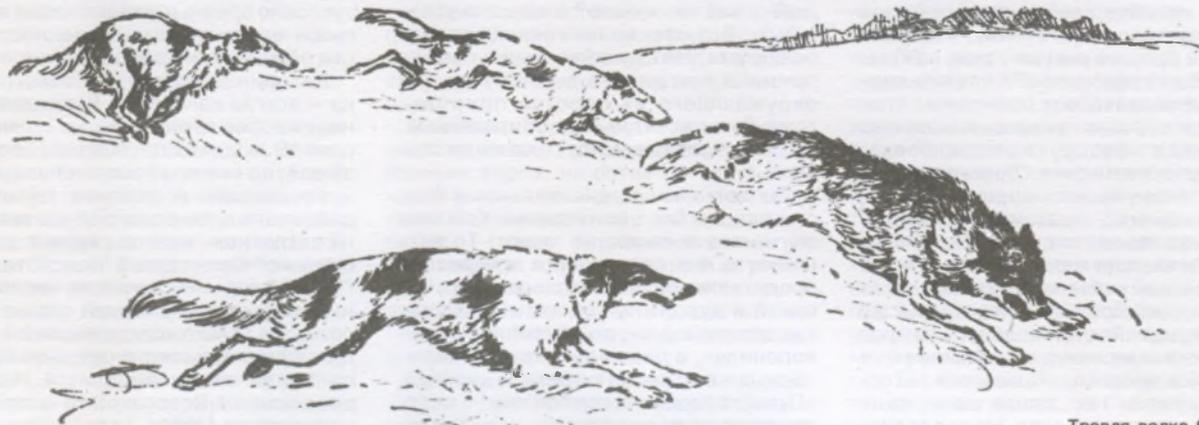
Дядя Сережа был очень доволен первым опытом заганивания. Марусяка легко вынесла эту скачку, свободно слушалась посылки до самого конца.

— Если бы на четверть больше снега, и матерому долго не продержаться, а кабы вдвоем гонять, сменяя один другого, тогда совсем легко любого волка вымотать, — рассуждал довольный охотник.

Скоро приехали офицеры, даром продавшие охотников на условленном месте. Обедали, ходили смотреть волка, настойчиво просили принять участие в заганивании, как только представится случай.

— Вы, господа, на казенных лошадях и не думайте скакать. Сколько они у вас овса в день получают? Гарнец? С того не поскачешь, да и лошади тяжелы, притом без всякой тренировки. Марусяка моя полмеры ест и в постоянной работе, потому я на ней отсюда до завтра скакать могу, — обливал холодной водой разгорячившуюся молодежь Сергей Михайлович.

В. Н. ЧЕЛИЩЕВ

Травля волка борзими

Воронье

Борис ПЕТРОВ

В январе я ловил окуней на Красноярском «море» — шел вдоль берега залива и пробивал лунки шагов через двадцать одна от другой. И вдруг мертвый зацеп. Выругавшись, спохватился, что рюкзак, в котором лежит отбойник, остался у первой лунки, метрах в двухстах позади. Пришлось возвращаться. Когда стал приближаться к рюкзаку, от него поднялась ворона. Она держала в клюве мерзлого окуня и, склоня в полете голову, косилась на меня. Вот же, паразитка, воровская натура! Пока я крутился рядом с рюкзаком, она тихо сидела где-то в вершине пихты и ждала, когда отойду достаточно далеко. Все заранее сообразила, рассчитала, не просто подобрала валывшееся бесхозно, а явно знала, что крадет, творит запретное.

Это еще что. В другой раз я так же сидел у лунки и вдруг услышал прямо за плечами сильные торопливые взмахи крыльев. Неужели?... Быстро оборачиваюсь — точно: ворона (ведь как тихонько спланировала-то — беззвучно!), схватив за моей спиной рыбу, взлетала, унося добычу прямо из-под рыболовного ящика, на котором сидел! Ну, наглая... Я заорал, замахал руками, но она окуня не бросила, отлетела метров на пятьдесят, сплотно опустилась на снег и стала деловито-нахально его долбить. Вороны совершенно безошибочно определяют безопасное для себя расстояние.

Они дьявольски сообразительны, примеров, показывающих их интеллектуальный уровень, сколько угодно. Орнитологи считают, что он, этот уровень, ничем не уступает, к примеру, известной хитростью лисе Патрикеевне. Судите сами. Бредет по луку стадо, пашет или косит трактор, плывут по озеру люди в лодке, трусит по опушке лисица — вороны их сопровождают: ждут, когда им выпугнут с гнезда утку, выгонят зайчишку. Тут же гнезду или молодняку конец. Разве «мудрая» сова догадается (только и умеет с напыщенным видом хлопать глазищами) взять в клюв двусторчатую улитку, взмыть в воздух и бросить ракушку вниз на камни, чтобы та разбилась? А я такую картину наблюдал не раз.

Всякое воронье прекрасно отличает охотника от безоружного человека. Могут даже вести счет. Однажды решили сфотографировать ворон с близкого расстояния — выложили приваду, фотограф засел в сарае. Не тут-то было! Дело, понятно, не в том, что они по воровскому обычаю не хотели оставить свое изображение «органам», до этого, наверное, еще не дошло. Скорее всего показалось подозрительным фоторужье в руках спрятавшегося... Тогда придумали так: зашли двое, один остался, а второй вышел. Не поддались

черные красотки на обман! Зашли трое, ушли двое — эффект тот же. Исследователи поняли: эксперимент сам по себе представляет колоссальный интерес! И стали все больше увеличивать число участников. Оказалось, до пяти вороны считают на твердую «пятерку!» да только потом начинают ошибаться.

И по «вороньему языку» у них успехи поразительные. Я не раз пытался сосчитать, сколько слов выговаривает черная птица, обитающая в заливе, на котором мы рыбачили. «Крруг», «карр», лает — «край-край-край!», басом — «кросс, корогг», звонко — «гронн, гронн!», скрипуче — «кряк». Иногда так и слышится радостный клич: «Укрял!» Словарный запас побогаче, чем у иного дворового лоботряса, которому для общения в своем кругу хватает «дурак» да «козел», не считая набора непечатного.

В неволе вороны начинают быстро отличать свое имя. В разговорном жанре они преуспели, но чего откровенно лишены, так это способности к изящным искусствам, пению например. «Ворона на двенадцать ладов каркает, да все противно», — говорит пословица.

Уже одно то, что они приспособились жить рядом с человеком и в основном за его счет, о многом говорит. Десятки и сотни видов животных с приходом людей в места их обитания просто вымирали, а эти только процветают. Гениальная способность приспособливаться! Откуда у них это?

Все дело в том, что по типу питания вороны — всеядные собирательницы. А подобная деятельность требует для выживания развитого ума. Взять хищников, тем проще. Про иных людей сказано, однако и в животном мире применимо: «Сила есть — ума не надо». Хищнику чаще приходится поступать стандартно в повторяющихся ситуациях — подкарауливать или догонять жертву. Для собирателя всякая встреча — вопрос, требующий решения: съедобно ли? не опасно? а как его ухватить?... Вот откуда постоянная тренировка ума. Не случайно наши предки приматы так далеко выдвинулись из окружающего их царства природы: тоже были всеядными собирателями. И, что не менее важно, тоже жили стаями.

Так вот, самое удивительное в том, что люди этих своих самых близких спутников жизни... не знают! То есть имеют о них совершенно превратное представление: ворону считают грубиянкой и дурой. Ну как же: «Попалась, как ворона в суп», сыр басенный «проворонила», в павильны перья вырядилась, да все равно осталась дурехой. «Пуганая ворона куста боится» — опять вроде не от великого ума. Удивитель-

Фото О. Чугунихина

но... Народ — ошибся! Но разве такое возможно? Глас народа — глас Божий! Судите сами.

Одно из таких вреднейших заблуждений — будто вороны то «санитары», то есть приносят некую пользу. Что стервятники они, на всякую падаю падь, то верно. Но пропасть и без них разложили бы тьмы насекомых и микробов. А вороны — «санитары» кровожадные, безусловно вредные твари. «Стойте, стойте, как же так? — воскликнет иной любитель природы. — Давно провозглашен принцип: нет безусловно вредных или полезных животных — все зависит от численности, места обитания и тому подобного».

Да, принцип верен, вот только истина — всегда конкретна. Взять для сравнения сорок — они тоже тяготеют к окраинам людских поселений, особенно зимой, но все же города полчищами не завоевывают. А воронья теперь вне районов человеческого обитания почти не встретишь, всегда рядом с нами. И сколько! Орнитологи подсчитали: за 70—80-е годы численность черного воинства выросла в нашей стране в десять раз! Только водоплавающей молодежи они уничтожают в среднем 60 процентов от числа выведшихся. Недаром резолюция I Всесоюзного совещания по экологии (1984 г.) требовала: «Раз-

работать мероприятия по регулированию численности ворон». Ученые-экологи требуют! Ибо воронье, крысы, тараканы уже не просто «природа» — это результаты хозяйствования человека на земле. Свои грехи надо самим и исправлять.

Кстати, вдруг сообразил: я все про них «черные» да «черные» ... Могут спросить: почему так, ведь вороны — серые! Я — не для «красного» словца: в Восточной Сибири вороны — черные. Как головешки. Словно грачи, только без белых клювов. Почему их многие и принимают за более симпатичных «вестников весны». Еще И. А. Гончаров, добираясь в столицу от устья Амура зимой в санях, с удивлением записал в дневнике путешествия «Фрегат Паллада», что вдоль зимних сибирских дорог бродят грачи. Возможно, он ошибся первым, почти 150 лет назад, но не последним! Настоящих грачей на Енисее встретить — великая редкость. Весну к нам приносят... галки, которые на земле — перелетные. В этой связи вспоминается любопытный эпизод.

Я опоздал на утиный осенний пролет. Приехал на большое степное озеро, а на нем пустынно, зори немые, только тростник мертво шелестит под ветром. За вечерку промелькнула лишь стайка шилохвости, какая-то торопливая, будто растерянная; так спешили, что на мои чучела не обратили внимания. Прощел птичий вал с Севера, тоска...

А тут еще погода неприкаянная, низко ползут тяжелые морока, то налетит косой холодный дождь, то пробьется солнце, и все вокруг мокро заблестит, а то даль замутится коротким сухим снежным зарядом. «Занувный ветер гонит стаю туч на край небес...» Только целые оравы горластых ворон собираются по вечерам в кривом березовом лесочке, который кое-как приспособился жить на кочарнике у меня за спиной на плоском берегу.

Вдруг весь вороний табор по какой-то команде с гамом сорвется с голых вершинок, закружит, закурлесит! Тоже будто на юг, как порядочные! Никуда они не улетят, только вид делают: что-де мы, хуже других? Скрылись за озером... Остался я один в лодке на своем скучном плесе посреди жестяного ропота тростников.

Уже совсем в сумерках воронье возвратилось. Но, показалось мне... не все — будто поредела стая, и уж явно молчаливее.

На следующий день «отлет» ворон над моей засидкой повторился. От нечего делать (летали бы утки — стало бы не до них!) я принялся разглядывать их строй, как говорится, «ворон считать». И с удивлением заметил: не такой уж он безалаберный! В середине небольшими группами летели... галки, они особенно громко галдели, а по сторонам солидно помахивали крыльями вороны. Вот так штука! То, что галки нас на зиму покидают, я знал, зачем же летели с ними вороны? Ведь вернулись вчера вечером. Неужели... провожают това-

рок почетным эскортом?

Так оно и оказалось: в сумерках опять возвратилась часть птиц, это были одни вороны. Выходит, точно — провожали. Но я еще сам не верил своему наблюдению.

Однако на третий вечер прощальная процессия над озером не состоялась. И стало несомненно: галки отлетели — вороны остались, некого больше сопровождать. Только я, чудак-человек, сижу и еще на что-то надеюсь. Вороны-то оказались поумнее меня, точно определили, что осенний пролет завершился.

Да, так вот, опять же могут мне возразить обиженные за народ: «Как это ошибся! Разве такое бывает, чтобы целое население... Ведь, например, называли зловредную птицу **вор-она!** Смешно, но факт: и название это толкуется ошибочно. Оно возникло много сотен лет назад и в древнем славянском языке звучало иначе: вран. По аналогии со старым и новым произношением: порох — прах, ворот — врата, золото — злато, колодец — кладезь. Более того, и само слово «вор» имело у нас раньше другое значение: не тот, кто крадет, а преступник вообще, разрушитель законов и порядка. Имя вороне было дано по принципу звукоподражания ее карканью. По-польски, кстати, и сегодня ворон — «крук». Так что и в этом отношении наши предки черное каркало «проворонили». А вот как раз она-то своего не проворонит!

Погибает прекрасный старинный парк в центре Красноярска, уголок исконного соснового бора на берегу Енисея: его облюбовали для ночлега в зимние месяцы несметные полчища воронья. В сумерках бесконечными армадами тянутся сюда черные колонны птиц со всех окраин города — со свалок. Вершины всех сосен обломаны, земля усыпана ветвями, густо залепана извествковыми кляксами. Почему они заселили эту обитель «культуры и отдыха»? Потому, что мы свой Енисей заставили течь зимой незамерзающим. На берегах живой воды остаются зимовать оляпки, дрозды, по просторным плесам всю зиму летают стайки уток-нырков. На них теплее в самые лютые морозы и кормежку найти проще. И ночлег рядом. Сами, сами создали условия для гибели любимого места отдыха. Теперь городские власти ломают голову, где взять немалые средства для реконструкции природной растительности парка.

В зеленых окрестностях города ныне не услышишь с весны многочисленных птичьих хоров, не остается здесь никакой живности — экологическая пустыня. Только вороний грай раздается окрест — сидят черными пятнами по вершинам и ждут очередной жертвы. Ибо количество этих «санитаров» в пригородных угодьях в десятки раз превышает биологически целесообразное соотношение.

Однажды зимой я катался на лыжах рядом с пригородной станцией Снежница. Впечатление было угнетающим:

мертвые снега вокруг, никакой живности. И вдруг — заячьи поскоки на белой целине. Разумеется, в зеленой зоне я гулял без ружья, но сразу ожил в душе азарт охотника, лыжи сами свернули по следу. Белячишка — в коллок, я за ним, он там наплетлял-напугал, я увлекся. И вот она, лежка, пустая, но еще теплая — вытурил все-таки я своего зверя! Интересно, куда он пошел дальше?

Иду по гонному следу и слышу впереди вороний гомон. На сердце сразу стало тревожно... Да только, как всегда, раньше надо было думать о возможных последствиях своих поступков! Выхожу на поляну — со снега поднимаются черные вороны-монашки, расселись вокруг по вершинам, недовольно орут противными голосами. А посерединке — задолбанный ими белячишка, глаза уже выклеваны.

По странице снежной книги я все восстановил, как они пикировали над бегущим зверьком, чиркая крыльями по пылой пороше. Каждая спикурует и клювом-зубилом по затылку! Как он метался на открыто, а они все тюкали да тюкали железными клювами. Не долго длилась неравная борьба. Главное, броситься назад, под укрытие чащи, ему тоже было нельзя: там слышался шорох моих лыж. Я, я виноват, безоружный лыжник, «мирный отдыхающий»! Не выпугнул бы посреди бела дня — жить бы да жить еще тому зайцу. Если б он ночью убрался подальше в свой лес.

И еще любопытное наблюдение. Увидев меня, вороны поругались, но улетели. Они поняли так: вот пришел главный разбойник, зайца им теперь не видать, не удалось своровать окончательно...

А задуматься над этим случаем не лишне бы всем гуляющим, дачникам, ягодникам и собирателям букетов. Они, мол, просто «гуляют», не то что злодеи охотники с ружьями. Только ведь охотники в зеленых зонах не стреляют (браконьеры и всякая шпана — особый разговор). А дичи и мелкого зверька в них все равно нет: уничтожают их еще во младенчестве вороны — с бескорыстной помощью безобидных любителей просто погулять. И при активном содействии бесчисленных дачных и бродячих собак да кошек.

Как раз охотники-то — единственные, кто могут помочь одолеть черную вражью силу. Раньше официально от охотколлективов требовалось уничтожать ворон, даже отчитываться добытыми лапками, за которые даже премии обещали. А теперь мало кто будет тратить патрон, который на вес золота, премии уходят на другие цели, а воронье — всякое, всех видов и расцветок! — вокруг жирует и процветает. Ему всегда было — на людских бедах самый прибыток и пир! Мор, война, голод у народа — воронью райская жизнь. «Кому война, кому мать родна» — всегда так бывало. Оглянитесь вокруг — так оно и сегодня.

Мастер охотничьего натюрморта

Валерий ПАНКРАТОВ

Ж. Шарден. Автопортрет с зеленым козырьком

Однажды один парижский цирюльник-хирург задумал сделать по-привлекательней вывеску своего заведения и обратился с просьбой к начинающему живописцу изобразить на ней хирургические инструменты. Вскоре работа была готова, но вместо холодных металлических деталей перед заказчиком предстала сцена самой настоящей дуэли. Прямо на улице окруженный фиаками и зеваками доктор склонился над раненым дуэлянтом, оказывая ему первую помощь. К месту происшествия спешит комиссар полиции. После установки вывески с такой необычной картиной приток пациентов резко увеличился и довольный хозяин щедро отблагодарил ее изобразителя. Им оказался двадцатипятилетний художник Жан Батист Симеон Шарден, выполнивший свой первый заказ. Картина дошла до нас в офорте XIX века.

Эта история относится к 1724 году. К тому времени Жан Батист, сын столяра-краснодеревщика, успел попрактиковаться у Пьера Жака Каза и перейти подмастерьем к живописцу и скульптору Ноэлю Никола Куапелю, на полотнах которого писал охотничьи аксессуары. Дебютным заданием новичка стало натурное изображение ружья в одном из портретов мастера. Отныне принцип работы с натуры сделался его постоянным лозунгом.

На устроенной в 1728 году в центре Парижа, на площади Дофин, выставке Шарден показал два своих натюрморта — «Скат» и «Буфет» (Париж, Лувр), сюжетно близкие традиционно охотничьим композициям. В первом к распластанной рыбе, окруженной кухонной посудой, подбирается кошка. В натюрморте «Буфет» собака, подняв голову, принохивается к изобильно наваленной груде всяких яств. Простота сюжета, обогащение колористической гаммы тонкими цветовыми переходами — все эти черты уже предвосхищали особенность произведений зрелого периода творчества художника.

Позднее выставленные в зале Королевской Академии живописи и скульптуры натюрморты вызвали одобрение крупных живописцев. Несмотря на строгую иерархию жанров, в которой натюрморту отводилось второстепенное место, работы принесли Шардену звание академика.

Трудно сказать, был ли он по-настоящему увлеченным охотником, но бесспорно обожал вкус дичи. А купленная к столу, она перед тем, как попасть на

сковородку, становилась объектом живописного вожделения. В 1726—1728 годы гурман из «третьего сословия» наверняка отдавал предпочтение зайчатине. Иначе от чего бы родились такие натюрморты, как «Зайцы» (Карлсруэ, Картинная галерея), «Зайцы, фазан и яблоко» (Вашингтон, Национальная галерея), «Заяц и куропатки» (Париж, Музей природы и охоты), «Охотничьи трофеи» (Частное собрание), «Мертвый кролик и охотничьи принадлежности» (Париж, Лувр).

Уже в перечисленных картинах видно, как автор постепенно отходит от красочной привлекательности фламандского натюрморта, оценив по достоинству скромную прелесть его голландского собрата. Шарден еще увлекается декоративными эффектами. Стремясь развлечь зрителя, он объединяет разные виды дичи, но старается (не всегда успешно) не перегружать композицию слишком большим числом предметов. Художник учится ценить их тихую, кроткую красоту, различать цветные рефлексы, неумовимые для обычного глаза. Ему открылась магия мертвых вещей, которые под его волшебной кистью превращались в живой мир.

Все-таки, видимо, Шарден добывал дичь не только на рынке, так как на его натюрмортах с битой птицей соседствуют также и ягдташ, и ружья, и пороховницы, и другие охотничьи принадлежности.

Псаломщик размеренного образа жизни по смехотворным ценам продает собственные картины. Там, где Буше и Фрагонар зарабатывают тысячи, Шарден уступает свои работы за десятки, в лучшем случае сотни ливров. Когда приятелю понравился один натюрморт и он загорелся желанием его купить, художник не раздумывая предложил: «Это легко устроить. У тебя есть жилет, который мне очень нравится».

Тихая пристань

В биографии Шардена вы не найдете ярких и выдающихся событий. Удивительно, что в то время как Париж погружен в разнузданные развлечения, молодой живописец уединяется в скромной квартирке на улице Грансес со своими «великими сокровищами» — горшками, вазами, стаканами, цветами, фруктами и охотничьими трофеями. С 1720 года он обручен с купеческой дочкой Маргерит Сантар, но женится

на ней только в 1731 году. В том же году у них рождается первенец — сын Жан Пьер, из которого так и не получится исторический живописец. Пока же отец наслаждается семейным счастьем. Чета обзаводится собственным домом, а спустя еще два года у них появляется второй ребенок — прелестная девочка.

Шарден продолжает совершенствовать мастерство. 1731 год ознаменован появлением новых работ — «Меню поста» и «Меню масленицы» (Париж, Лувр), а также «Медный бак». Начало 1730-х годов ознаменовано также натюрмортами «Кухонный стол» и «Собака и дичь» (собрание Санта-Марина, Буэнос-Айрес).

Семейная идиллия Шардена длилась недолго. В 1735 году на его долю выпало тяжелейшее испытание: в один день умерли жена и маленькая дочь. Так случилось, что художник, всю жизнь воспевавший простое человеческое счастье, на долгое время погрузился в траур. Лишь спустя девять лет женился он на рано овдовевшей Франсуазе Маргарите Пуже, состоятельной и домовитой вдове буржуа. И снова беда: не удалось спасти заболевшую полугодовалую дочь, которую он нежно любил. Не потому ли так часто появляются дети в жанровых сценах художника, написанные с огромной теплотой: «Мальчик с волчком», «Маленькая учительница», «Юноша, пускающий мыльные пузыри», «Картонный домик», «Девочка с воланом».

Как ни парадоксально, именно в 1730—1740-е годы Шарден создает свои лучшие жанровые картины, наполненные любовью и пониманием будничных забот небогатых городских тружеников: «Прачка», «Судомойка», «Подручный повара», «Вязальщица», «Молитва перед обедом», «Белосвейка», «Возвращение с рынка». Амбициозные ровесники влюбленного в быт живописца дерзали, а он без сожаления отдавал

годы незамысловатым занятиям героев третьего сословия и битой дичи. Не на таких ли «чудаках» стояла патриархальная Вандея, бросившая через полвека вызов восставшему Парижу?!

В 1737 году открывается очередной Салон, на котором Шарден выставляет восемь своих работ. Вплоть до конца жизни художник будет непременным участником Салонов. В 1740 году он был представлен Людовику XV и поднес ему две картины — «Трудлюбивая мать» и «Молитва» (обе — Лувр). Король расстрогался и позже купил «Шарманку» (Лувр) за 1500 ливров, единственную картину художника, которую он приобрел. С 1755 года ему поручают развешивание экспонатов в Салоне, где он познакомился и подружился с энциклопедистом Дени Дидро. В 1743 году Шарден стал советником, а в 1755 — казначеем Академии. Необычайно скромный и щепетильно честный труженик пользовался уважением коллег.

С 1750-х годов Шарден — автор большого числа самых камерных, лаконичных натюрмортов. Ему чужды как идеология «свободы, равенства и братства», так и понятия рыцарства, феодальной чести и абсолютизма. По душе лишь тихая жизнь: «Апельсины, серебряный кубок», «Натюрморт с повешенной индейкой», «Битый заяц и медный котел». Ему важно также, чтобы все,

что он изображает, образовывало нерасторжимое живописное единство. Причем он всегда уточнял как композицию масс, так и цветовой ансамбль.

Шарден. Триумфальное десятилетие

В 1760-е годы искусство Шардена обретает особую глубину и отточенность. В этот период рождаются его прославленные образцы «тихой жизни» — «Корзина персиков и орехи», «Бриошь», «Корзина земляники», «Натюрморт с курительной трубкой», «Остатки обеда», лучшие охотничьи натюрморты. В 1765 году он становится членом Руанской Академии наук, словесности и изящных искусств.

Замечательное умение Шардена передавать материальность предметов достигает в «золотые» 60-е наивысшей точки. «Возьмите самую маленькую картину художника — персик, виноград, грушу, орех, чашку, блюдо, кролика, куропатку, — писал Дидро, — и вы обнаружите великого и глубокого колориста». Действительно, при общей серебристости тона поверхность каждого из предметов на его холстах неповторима по своей фактуре благодаря тонким градациям цвета. Но холодных рассудительных колористов не бывает. Помните хотя бы В. Сурикова и К. Коровина. Вот и Шарден однажды поставил

на место одного живописца, досаждавшего ему расспросами о способах улучшения палитры.

— Но кто вам сказал, что пишут красками?

— А чем же еще? — возразил дотошный собеседник.

— Пользуются красками, но пишут чувствами, — ответил Шарден.

Людовик XV всегда был в курсе живописных дел художника и ценил его дарование. В 1760 году в знак уважения он жалует ему квартиру-студию в Лувре. Удостаивает заказа на натюрморт с атрибутами искусств для королевских замков Шуази и Бельвю. Многие самые высокопоставленные европейские лица давно обратили внимание на «гениального француза». Князь Лихтенштейн, Фридрих II, король Швеции Густав III и самые родовитые аристократы осыпают его заказами. Слава Шардена доходит до далекой России.

Из французских живописцев Екатерина Великая особенно восхищалась К. Ж. Верне. Но Дидро сумел склонить русскую императрицу на сторону своих любимцев — Ж. Б. Греза и Шардена. И в 1766 году Екатерина заказала ему «Натюрморт с атрибутами искусства», предназначавшийся первоначально для зала заседаний Петербургской Академии художеств. Взглянув на полотно, царица решила, что оно слишком ши-

Ж. Шарден. Серебряная супница. 1728. Музей Метрополитен. Нью-Йорк

карно для учащихся, и забрала его себе. Теперь шарденовский натюрморт украшает стены Эрмитажа.

На взлете

Натюрморты часто наводят на размышление о бренности жизни, наглядно показывая то, что от нее остается. Наиболее мрачный вариант — череп и кости. Менее мрачный — дичь: тушки зайцев и кроликов, фазаны, утки и куропатки. Не много ли смертей самых близких людей пережил бедный художник?! 1767 год — и новый удар: единственный сын Жан Пьер кончает жизнь самоубийством, бросившись в канал в Венеции. Потрясенный отец вновь обращается к знакомой рембрандтовской теме вырванного сердца. Охотничий трофей — распотрошенное тельце рядом с пустой флягой. И кот с оскаленной мордой — олицетворение судьбы. Все — на фоне глубокой каменной стены. Злой рок преследует тихого человека, которому суждено остаться в одиночестве. Очевидно, с этой неизбежностью Шарден смирился давно. Лишь

редкие мгновения покоя доставались художнику, и он старался их задержать на холсте. Портрет второй жены выполнен в другом ключе. Он полон тревоги и недобрых предчувствий. Уж не собиралась ли принцесса Луиза Ульрика облегчить страдания мастера, увозя портрет в Швецию еще при жизни автора?

После «золотых» шестидесятых наступили тревожные семидесятые. В 1770 году новый директор Академии ниспровергает покровителей Шардена. Художник лишается своих постов. Он начинает испытывать материальные затруднения и вынужден продать свой дом. Вдобавок ухудшается зрение. Ему трудно писать масляными красками, приходится работать пастелью. Именно в пастельной технике выполнены последние неподражаемые по мастерству портреты.

Он стар и слаб. И почти не выходит из луврской кельи. 6 декабря 1779 года обретает вечный покой. Создателя тысячи картин вскоре забывают. Но в середине XIX века братья Гонкур заново открывают миру удивительную прелесть полотен живописца домашнего очага.

Ж. Шарден. Натюрморт с кроликом, медной кастрюлей и айвой. 1735.

Национальный музей. Стокгольм

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Корытин С. А. Повадки диких зверей. Изд. 2-е. — М.: КомКнига, 2006. — 320 с.

В книге рассмотрены внутри- и межвидовые отношения зверей, поведение животных в различных ситуациях, в том числе связанных с деятельностью человека. Знакомство с книгой поможет многое понять в жизни животных, разобраться в сложных вопросах управления их поведением.

Слободенюк В. Б. Охотничьи дела (хроника судебного опыта). Часть III, 2001—2005 гг. Практическое пособие. — Киров: ГНУ ВНИИОЗ, 2006. — 560 с.

В части III сборника «Охотничьи дела (хроника судебного опыта)» опубликованы судебные дела, связанные со сферой охоты и ведением охотничьего хозяйства. Материалы получены в результате судебных процессов, состоявшихся в период с 2001 по 2005 г., в которых автор, как правило, принимал непосредственное участие. Цель работы — создать в этой сфере природопользования нормальное правовое поле путем достижения единого толкования и применения положений действующего законодательства, что находится в компетенции судебной власти.

Смирнов М. Н. Благородный олень в Южной Сибири: монография, ч. 1. — Красноярск: РИО КрасГУ, 2006. — 250 с.

Монография обобщает результаты исследований самого М. Н. Смирнова и опубликованных материалов других авторов. Приводятся сведения, касающиеся основных сторон биологии благородных оленей, а также данные по их хозяйственному использованию и охране. В части 1 описаны история вида, распространение, черты морфологии, местообитания, миграции, питание, поведение благородного оленя Южной Сибири и примыкающих к ней регионов.

Кочкин С. М. Секреты охотничьего оружия. — М: Колос, 2006. — 200 с.

Автор предлагает серьезное профессиональное издание, посвященное широкому кругу вопросов по охотничьему оружию. Излагается теория и практика гладкоствольного и нарезного оружия, особенностей стрельбы из него, «работы» стволов дульных ружей во время выстрела, отдачи, формирования дробового снопа; рассказывается о перспективах развития охотничьего оружия, «парадоксах» и многопульных патронах, бронжилетах и вспомогательном оружии как средствах повышения безопасности охоты. Впервые приводится большое количество новинок, не описанных ранее в книгах отечественных авторов.

По вопросам приобретения книги обращаться по адресу: 107996, Москва, ул. Садовая-Спасская, д. 18, стр. 1. Изд-во «Колос»

Тел.: (495)975-55-27, тел/факс (495)207-19-45

Джон Хантер

Имя Джона Хантера и его книга «Охотник» (кстати, hunter (хантер) по-английски и есть «охотник!»), хорошо известны нашим охотникам. В 1960 году «Охотника» читали заложом, и не только «братья по оружию», но и все прочие, в том числе домохозяйки и школьники. Тираж первой книги превысил 150 тысяч.

Скромная книжица в бумажном переплете приковывала внимание: на оранжевом фоне вскачь неслись антилопы разных мастей. И, казалось, белые буквы тоже куда-то неслись и слагались в это заманчивое слово — «охотник»!..

Джон Александер Хантер родился в Шотландии, в Ширингтоне неподалеку от Дамфриса, в 1887 году. Семья была фермерская, и к нему вполне применимы строфы шотландского народного поэта Роберта Бернса:

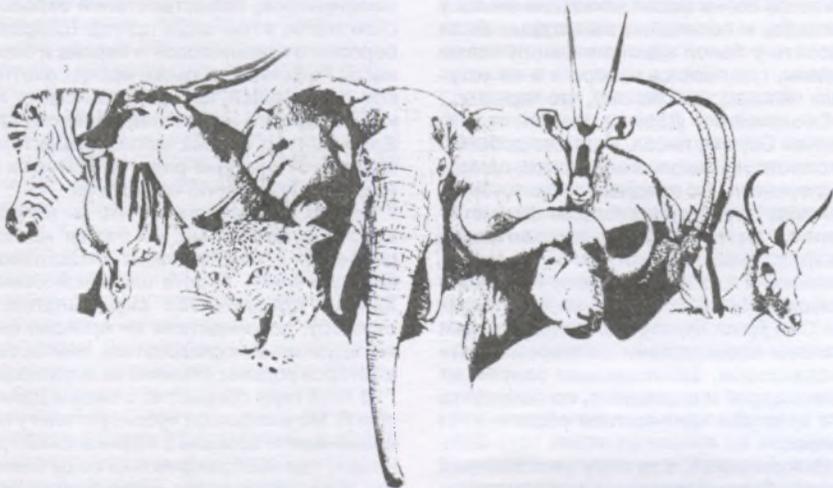
*Под елью Шотландии горец рожден.
Да здравствует клан! Да погибнет закон!
Он знает равнину, и камень, и лог,
Мой Джон легконогий, мой горный
стрелок.*

И далее:

*В горах случайные дороги.
Косуля, тетерев и лис,
Игла сосны и дуба лист,
Разбойничий двупалый свист...*

Будто о нем написано: Джон с малолетства облазил все окрестности и не раз пользовался «разбойничьим двупалым свистом». «Легконогий», он прохладно относился к сельскому хозяйству, прочим профессиям и, разумеется, закону: им владела «одна, но пламенная страсть» — охота. Будучи юнцом Джон не разделял понятия «охота» и «браконьерство». И отношение его к деспотическому закону лендлордов было довольно холодным. Надо сказать, что браконьерство в Европе с давних времен (вспомните Робин Гуда!), и в частности в Шотландии, было не чем иным, как отчаянным вызовом немощных классов против земельной аристократии. Как писал сам Хантер, «...сто-

Джон Хантер: от браконьера до охотинспектора

рожа были вооружены ружьями, которыми они пользовались без колебания, часто оценивая жизнь фазана или кролика выше жизни человека. Такие условия делали этот вид спорта еще более увлекательным».

Короче говоря, юный Джон оказался «...на довольно плохом счету у всех (кроме тех, кто был благодарен мне за дичь, которую я дарил им в тяжелое зимнее время)» и вскоре стал «отверженным среди жителей нашего местечка».

Логика обстоятельств привела новоявленного Робин Гуда к тому, что в возрасте 21 года он оказался в Британской Восточной Африке (нынешние Кения, Танзания, Уганда). Впрочем, так повелось в британском обществе конца XIX века: старший сын наследовал фамильное имение и, главное, землю; средний выбирал гражданское поприще, младшему, обычному офицеру, настоятельно предлагали попытать счастья за морями-океанами, в британских колониях, где, как известно, «солнце никогда не закатывалось», — в особенности для такого парня, каким был Джон Александер. Он взял на прощание щепотку вереска, смешанную с землей Шотландии, а также два ружья — «Джеймс Перде» 12 калибра и трофейную винтовку «Маузер», привезенную с англо-бурской войны, калибра 275 (6,98 мм).

Кстати, Джон Хантер в 1950 году вторично посетил отчий дом и с юмором описывал, как на пастбище племенной бугай его атаковал, а охотнику ничего другого не оставалось, как дать стрелка...

Но тогда, после вересковых пустошей, порт Момбаса его ошеломил: это был форпост цивилизации, где слышался разноязычный говор, где торговали слоновыми бивнями и шкурами львов и леопардов, а в недалеком прошлом — черными невольниками. Воистину это был город из арабских сказок 1001 ночи.

Итак, от управляющего фермой, кондуктора на железной дороге, охотника-промысловика, в 1920 году профессионального охотника на протяжении пятнадцати лет на службе фирмы «Сафарилэнд» до охотинспектора — таков был путь Джона Хантера.

Со старомодной фотографии на нас смотрит плечистый, улыбающийся «статный Джон» в широкополой шляпе, на груди карманчики для патронов, подобно кавказским «газырям» — непрменный атрибут покроя сафари. О таких говорят: косяк сажен в плечах. Это не комплимент, а жизненная необходимость: Хантер предпочитал тяжелые, надежные ружья. Кстати, его рост в восемнадцать лет был 180,5 см, а вес 90 кг. Крупнокалиберные штуцеры служили ему верой и правдой: останавливая атакующего разъяренного зверя, они спасали ему жизнь. Кто же опасался отдачи «громобоев», калибр которых доходил до 15,2 мм и даже 17,8 мм, был убит зверем или по меньшей мере жестоко искалечен.

Кстати, любопытную сценку описал Эрнест Хемингуэй, который предпочитал тяжелые ружья и имел вес около 90 кг. «Тут я вдруг вспомнил о своем очень старом друге мистере Леонарде Лайонсе и о том, как он познакомился с винтовкой 0,577-го калибра (14,65 мм. — Прим. авт.), когда мы вели пристрелку двадцатью патронами в испытательном тире, в подвале магазина «Эйберкромби энд Фитч» в Нью-Йорке. Это были старые патроны, и надо было определить их пригодность. Мистер Лайонс — человек чрезвычайно храбрый, он хорошо сложен, но несколько легковат по весу; он выстрелил из винтовки 0,577-го калибра, и силой отдачи его подняло в воздух и ударило о железную дверь в задней стене тира. Он выронил из рук винтовку, но она осталась неповрежденной».

За свою жизнь Джон Хантер добыл 1400 слонов, 2000 носорогов, несколько сотен львов и буйволов. Мы не будем ни прославлять его, ни, тем более, поносить — тогда были другие времена. Ему приказывали, и он делал свое дело. Джон Хантер писал, что даже в Кении отстрел более 1000 носорогов у фермеров вызвал шок, но это было обосновано — воинственное племя масаи захватило земли у вакамба, и последние вынуждены были просить у белой администрации новые наделы, где паслись носороги и не уступали человеку: что белому, что черному...

Сподвижник Дэвида Ливингстона, Уильям Осуэлл, писал, что тоже добывал множество великолепных слонов, однако подчеркивал, что ежедневно кормил 600—700 людей: на стадиях голодания и истощения. Тем же методом следовал белый профессиональный охотник, за что, не сомневаюсь, его благодарили не только нуждающиеся Шотландии, но и африканцы. Сам Джон Хантер и его сподвижники приняли впоследствии должности охотинспекторов, защищающих зверей от браконьеров и скупщиков, но почему-то его хулители «деликатно» обошли этот вопрос.

Экзотическая, в ту пору не освоенная страна, богатый животный мир и охота заставили Джона Хантера взяться за перо. Первая его книга называлась «Белый охотник» и имела витиеватый, несколько старомодный подзаголовок: «Приключения и опыт в Африке профессионального охотника на крупную дичь». Книга считается библиографической редкостью и на Западе: она вышла в предвоенном 1938 году, когда, естественно, было не до охоты.

А теперь от неуклюжих зверей перейдем к осторожному, проворному и опасному — леопарду: он представляет собою бесстрашного и свирепого противника. Широко распространен на значительной части Африки, многие из них обладают роскошной шкурой, особенно подвиды с темными пятнами. Такие особи встречаются в лесах и окружающих предгорьях. Манто из шкур леопардов подчеркивают элегантность и очарование женщин, и они-то несут ответственность за массовое истребление этих зверей. К тому же такая добыча сопряжена с немалым риском. Я поражаюсь, сколько же происходит рискованных столкновений, прежде чем подберут определенный вид меха и наконец-то сошьют нужную шубку, так как на пошив идут только отборные участки. Черные леопарды встречаются в Абиссинии¹, и я видел точно такую же меланистическую² форму на юге Бельгийского Конго. Эти шкуры, спору нет, очень красивы, но, на мой взгляд, они не идут ни в какое сравнение с роскошным мехом снежного барса в Гималаях.

Как-то в Конго я услышал в подлеске крики цесарок, весьма опрострачиво

¹ Абиссиния — устаревшее название Эфиопии. — Прим. перев.

² Меланизм — меланоз (гр.) — темный, черный. Явление темной окраски животных.

Прошло без малого семьдесят лет, и книга Хантера до сих пор читается с неослабевающим интересом, хотя некоторые ее положения за столь длительный срок могут быть оспорены. Эти главы частью вошли в наш журнал.

В своих мемуарах Хантер писал, что он не раз сопровождал весьма влиятельных персон — махараджей, американских миллионеров, представителей европейской знати, в том числе принца Шварценбергского с принцессой и барона и баронессу Ротшильд, а также прочих охотников-спортсменов, которые несколько лет копили деньги на организацию сафари. Джон Хантер весьма метко охарактеризовал этот пестрый ряд — некоторых он называл откровенно «идиотами».

Не все, однако, знают, что он написал вместе с соавторами, не считая «Белого охотника» и блистательного «Охотника», еще две книги. И хотя школьной скамье Хантер предпочитал скрадывание и стрельбу, впоследствии он проявил себя как вдумчивый исследователь, знаток своей второй родины, ставший ее летописцем.

В 1954 году совместно с неким Дэниэлом Л. Мэнником он публикует книгу под названием «Рассказы с африканской границы», где изображены торговцы бивнями, путешественники, миссионеры, первопроходцы, осваивающие африканские дебри, белые охотники. У нас был опубликован рассказ «Добытчики бивней из анклава Ладо», № 2, 2002 г. И, наконец, книга «Охотник идет по следу», где автор неустанно преследует скупщика бивней, между делом предаваясь воспоминаниям о самых рискованных охотах, и в конце отдает его в руки властей.

Леопард

Джон ХАНТЕР

взял с собою дробовое ружье и, когда подкрадывался к птицам, поднял роскошного черного леопарда. Он вскочил в нескольких футах, зарычал, бросился в высокотравье и тотчас же исчез. Я так оторопел, что, к моему стыду, так ничего и не сделал, хотя заряд в бок дробин номера шесть, скорее всего, мог бы его уложить. Туземцы с этой фактории сообщили мне, что здесь их довольно много — это было и так ясно, судя по одеяниям из шкур, в которых они щеголяли. Видимо, черный красавец и я сам «точили зубы» на ту же стайку птиц.

Может мне поверить, я видел и добыл немалое количество леопардов — как винтовкой, так и самострелом. Но заверяю вас, любые методы охоты не примените вы: он, нимало не смущаясь, в случае чего сам навяжет свои правила игры и не даст вам спуска. Он про-

Очень горько, что полное литературное наследие корифея африканской охоты так и не попало к российским охотникам. В первый раз, почти полвека назад, «Охотника» изрядно сократила советская цензура. При всем уважении к переводчику, эта книга грешит неточностями — как в ружейном деле, так и в зоологии. Остальные три книги вышли только в журнальном, подсокращенном варианте, изданном после «перестройки».

Несколько слов о личной жизни охотника. В 1919 году в Найроби в возрасте 31 года он познакомился с Хилдой Банбэри, дочерью владельца музыкального магазина, и, как писал, она была «самой милой и нежной из всех девушек, с которыми я встречался». С 1919 по 1927 гг. Хилда родила ему четырех мальчиков и двух девочек. В ту пору телефонная связь в Восточной Африке оставляла желать лучшего. Хилда ждала очередного ребенка, Джон постоянно охотился, невероятно рисковал и приезжал уже после родов, но ни разу не слышал ни слова упрека от Хилды!

В 1958 году в Макинду (Кения) он с семьей построил гостевой дом для охотников-туристов. Умер Джон Хантер в 1963 году в возрасте 76 лет, когда Кения получила независимость.

Александр ЧЕГОДАЕВ

От редакции. 11 ноября 2006 года А. Е. Чегодаеву исполнилось 60 лет. Александр Евгеньевич публикуется в нашем журнале с 70-х годов XX в. Мы от всей души поздравляем юбиляра и желаем здоровья, счастья, удачи и творческих успехов.

ворнее, чем ваш глаз, а если вздумаете преследовать раненого леопарда в зарослях, обстоятельство заведомо сложится против вас — хоть онастились самым эффективным, смертоносным оружием, которое только известно.

Он исполнен свирепой хитрости и, пока не окажется на верный прыжок, сжимается в пружину. Практически это пять ярдов, и вот тут-то он прыгает вам на голову и вцепляется в глаза, а если ему повезет, тотчас хватает зубами и четырьмя лапами: само олицетворение ярости и ослепяющего боя. Его ярость неопишима, а когти, загрязненные трупным ядом, приводят к заражению крови. В еде он не брезглив и предпочитает пищу на последней стадии разложения.

Во время сезона дождей из-за высокой травы увидеть его трудно, только и слышишь грубый громкий кашель, напоминающий звуки двух поперечных пил, работающих в унисон.

Когда в сухой сезон выгорает трава, добыть его просто, и в безлюдной местности заплевать леопарда не труднее, чем, скажем, льва. Леопард подпускает автомобиль на шестьдесят ярдов и, как лев, не считает его «противником». Было бы интересно узнать, как будет реагировать новое поколение животных, когда наконец-то поймут, что машины неотъемлемо связаны с их

злейшим врагом — человеком. Леопарды — самые осторожные среди прочего зверья. Они обычно рождают трех котят среди скал, в больших древесных дуплах и глубоких норах трубкозубов³. В отдаленных, глухих местах питаются в основном бородавочниками, бушбоками⁴ и прочими мелкими антилопами, но поблизости от поселков их неукротимо тянет обыкновенная дворняга, и ниже я остановлюсь на этой теме.

В редких случаях их обвиняют в людоедстве, и вот тогда, обладая большей наглостью и небывалой хитростью, они наводят страх куда сильнее, чем их более крупный родич — лев. Такой «типичный представитель» режет телят одного за другим, и как-то я прикончил подобно вредителя, избавив Африку от этого зла. Иногда они бросаются с быстротой молнии, и счастью тот, кто сумел выстрелить с бедра или каким-то иным способом: вы попросту не успеете вскинуть винтовку к плечу. Здесь к гладкоствольному ружью 12 калибра, заряженному крупной дробью, 3А или SSG, нелишне иметь испытанный «спутник следопыта»⁵ и, в случае чего, мгновенно остановить роковой прыжок уда-ром в упор.

Как-то я позволил этому зверю несколько минут поесть. Включил фонарь, он застыл примерно на минуту и, не обращая внимания на свет, продолжал есть. Наверное, испытывал сильный голод.

Леопарды — отличные верхолазы; они способны преодолевать любую гладкую поверхность, проворно цепляясь за нее когтями. Я не припоминаю ни одного случая в Африке, чтобы такой свирепый зверь напал на человека, когда тот следит за привадой. Однако в Родезии туземцы уверяли меня, что такие случаи им известны.

Три года назад в Кению прибыла внушительная партия иностранных охотников-спортсменов. За один месяц они закрыли лицензии на восемь леопардов. Всех добыли на открытой местности, в засидках у оврагов, подстерегая ранним утром или на закате. Когда одолевает цивилизация, звери отступают в непроходимый буш и отваживаются на вылазки под покровом ночи. Там, где множество цесарок, они поздним вечером приходят попить. Чтобы добыть этих осторожных зверей, лучших мест не придумаешь — они, растянувшись на пересохших песчаных руслах, пристально подстерегают птиц. Я частенько добывал леопардов именно этим способом. Подстерегал на об-

рывах сухих речек, а уложить их не составляет труда.

Случай, который я хочу поведать моим читателям, дает представление о неслыханной дерзости, иногда проявляемой этими свирепыми хищниками. Согласно профессиональному положению, я сопровождал очаровательную чету молодоженов — армейского офицера и его жену. Жена взяла с собой великолепный экземпляр эльзасской овчарки⁶, к которой сильно привязалась. Охотились мы на западе Кении, и сафари шло весьма успешно. Наконец-то, во время этой захватывающей охоты, наш отряд добрался до хребта. Под ним расстиралось плато, а ниже — безбрежные равнины, известные во всем мире⁷. У этой пары (сейчас я мог бы назвать их моими друзьями) была первоклассная двойная противомоскитная палатка. К ней прилагалась веранда, на которой мы обычно обедали. Когда молодожены отправлялись на ночлег, преданный эльзасский пес, как правило, сворачивался на полу, возле постели леги. Как-то ночью, около 10 часов, началась страшная суматоха, а когда включили фонарь, в палатке оказался крупный леопард. Завязалась отчаянная борьба между ним и овчаркой. Хищник сообразил, что пора удирать, вылетел в дверь палатки и исчез во тьме. Впоследствии установили, что вороватый леопард прополз в палатку, даже не потревожив замечательного сторожевого пса. Дальнейший осмотр показал, что леопард вцепился в загривок собаки, но хищнику помешал ее прикончить медный ошейник с шипами. Они вонзились в верхнюю челюсть зверя, усаженную страшными клыками. На следующий день установили самострел, и леопард поплатился за свою дерзость. Когда обследовали нёбо хищника, на нем обнаружили ссадины. Их оставили пирамидальные шипы ошейника овчарки.

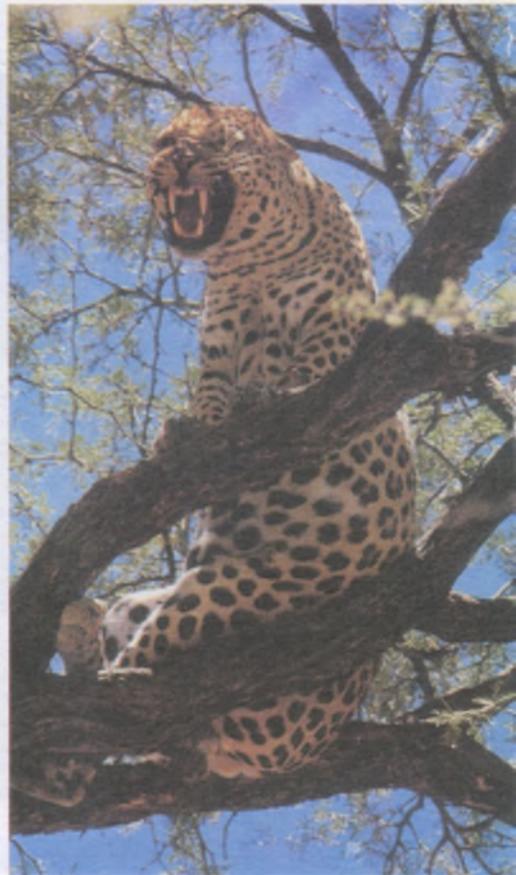
Когда я охотился на слонов в районе Макинду, ко мне поспешил туземец; он попросил добыть леопарда, который, как он заявил, угодил в стальной капкан. Я согласился, но уже по пути слышал неумолчный визг собаки. Из разговора я понял, что этот туземец использовал в качестве приманки живую собаку в ящике, а стальной капкан, вроде тех, которыми ловят лис, поставил у края ящика. На него-то и наступил леопард. Теперь понятно, почему туземец пришел просить помощи. Он пустил стрелу в разъяренного зверя, из задней ноги торчало древко. Когда я увидел леопарда, он казался самим олицетворением ярости, непрерывно рычал, щерился и фыркал. Стоило мне приблизиться на сорок ярдов, зверь в одном невероятном прыжке ринулся на меня. Казалось, что и капкан ему не

помеха. Первым выстрелом я в него попал, но не чисто, а вторым, к величайшему возмущению туземца, замет-но попортил шкуру. Из-за моей плохой стрельбы туземец с презрением отплевывался, потому что я практически снес леопарду голову — у туземцев такая «благодарность» в порядке вещей. Когда я осмотрел леопарда, то понял, что капкан держал его только за пальцы, и за сравнительно короткое время зверь все равно бы обрел свободу, оставив свои пальцы туземцу на память. Несомненно, для собаки это была чудовищная пытка, но, по понятиям туземных «джентльменов», шкура леопарда дороже живой собаки.

Не берусь объяснить, почему леопарды предпочитают собачину. Пес для них — лакомое блюдо. Леопарды целиком полагаются на свою реакцию; во время внезапного нападения они мигмом хватают собаку смертельной хваткой, и пес уже не способен сопротивляться.

Видимо, чтобы показать, как они презирают мой дом, около 9 часов вечера этот зверь появился на веранде. Сначала я услышал хруст костей, включил электрический свет и с удивлением увидел вороватую дикую кошку. Леопард доедал куриные косточки с обеденного стола. Увидев меня, он стремительно умчался и, к его счастью, так и не вернулся.

Перевод с англ. Александра Чегодава

³ Африканский трубкозуб — отряд трубкозубых представлен одним семейством, одним родом и единственным видом; распространен к югу от Сахары и избегает густых лесов. Внешне напоминает южноамериканского муравьеда. Ведет ночной образ жизни, питается муравьями и термитами. — *Прим. перев.*

⁴ Бушбок — некрупная антилопа, обитает к югу от Сахары, держится в лесах и зарослях. — *Прим. перев.*

⁵ «Спутник следопыта» — охотничий нож британского производства фирмы «Тейлор» в г. Шеффилд. — *Прим. перев.*

⁶ Эльзасская овчарка — сторожевая собака из породной группы немецких, или восточно-европейских, овчарок. — *Прим. перев.*

⁷ Имеются в виду равнины Серенгети на границе Танзании-Кении (ныне национальный парк) и заповедник Масаи-Мара. — *Прим. перев.*

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Пишет вам пенсионер, ветеран труда с большим охотничьим стажем. Мне 65 лет. Помню, были времена, когда ружье можно было купить без вмешательства милиции, по одному охотничьему билету. Но те времена давно закончились, а теперь с вмешательством милиции для охотника начались сплошные мьтарства. Во-первых, надо собрать кучу бумаг и за все заплатить, во-вторых — проблемы с сейфом: то не там стоит, то не те замки, то толщина металла недостаточна...

Пришло время перерегистрации моего охотничьего ружья ИЖ-27, я обратился в разрешительный отдел, мне сказали, что надо пройти медкомиссию и собрать документы. Когда я пришел в кабинет нарколога, мне сказали, что нужно заплатить 540 рублей и остальные справки — тоже платные. Как не стыдно позволять драть с нас такие деньги? Ни пенсионерам, ни ветеранам не оставили никаких льгот, треть пенсии я должен отдать за все эти справки. А ведь еще надо заплатить годовые взносы — 206 рублей, купить путевку на водоплавающих, а потом на зимнюю охоту. Вот и получается в итоге — БАРСКАЯ ОХОТА!

В нашем Кумылженском районе Волгоградской области охоту на копытных не открывают. На водоплавающую осенью открывают, но у нас нет перелета, коридор Волжское и Цимлянское водохранилища открывают в октябре. На зайцев и лису охота разрешена, но зайцев выбили по озимкам еще до открытия, а лиса никому не нужна. Борщ из нее не варят, а шкуру нигде не принимают.

Были у нас уголья за Хопром, но когда брали путевки на сезон 2005—2006 гг., нам сказали: «За Хопер ни ногой!» Оказалось, уголья наши от-

няли и оставили их для волгоградских чиновников. Еще были уголья, но их забрал лесхоз. Теперь получается, что в одном районе надо брать две путевки — в лесхоз и свои. Свои — это озимые поля фермеров и пустые лесополосы. За весь сезон ни разу не выезжали на волчью облову — денег нет на бензин. Финансировать никто не желает, зато разговоров сколько угодно, что волки коз, овец порезали, где-то телку задрали. Обидно до слез, до чего же мы дожили, при Союзе бензин лился рекой и цены были доступные. Пишу с болью в душе не только от себя, но и от всего коллектива охотников и пенсионеров. За что у нас обижают стариков, в чем они провинились?

М. ЖУРАКОВСКИЙ
Волгоградская обл.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Хотим с помощью вашего издания рассказать о нашем папе — замечательном человеку Чурсанове Александре Степановиче, которому в октябре исполнилось 60 лет.

Он родился в деревне Конешелье Лешуконского района Архангельской области и после прохождения воинской службы всю свою трудовую деятельность посвятил лесному хозяйству, проработав там (и сейчас работает) почти 40 лет. Судьба преподнесла ему соблазны, связанные с переездом в город, но выбор всегда был в пользу леса. Мы очень рады, что отец всю жизнь занимался любимым делом и не жалеет ни об одном прожитом дне.

Наша семья выписывает ваш журнал с 1957 года, и все

номера хранятся в нашем доме, многие охотники приходят читать его. С журналом выросло не одно поколение в нашей семье Чурсановых. Трофеями папы можно назвать практически всех птиц и зверей северного края. Получив эстафету охотника от своего отца, он передал ее сыну Павлу, который уже не представляет свою жизнь без охоты. А сейчас все премудрости постигает внук Сережа.

Александр Степанович обладает хорошим здоровьем и неумемной энергией. А еще он счастливый человек от того, что продолжает идти по жизни вместе с любимой женой Галиной Фалалеевной.

Все мы: трое его детей, два внука, зятя и невестки — хотим поздравить А. С. Чурсанова с прошедшим юбилеем, пожелать ему счастья, удачи, новых трофеев, верных друзей. А вашему журналу мы желаем новых благодарных читателей.

Т. УБИЕННЫХ
г. Архангельск

Уважаемая редакция, написать это письмо меня заставили два случая, которые произошли на охоте со мной и моим товарищем. Первый случай был в декабре 2004 года, погода в тот день стояла прекрасная, под утро прекратился снегопад. Я двигался по своему излюбленному маршруту, и вот при небольшом спуске лыжи наехали на крутой выворот снега. Мне бы принять чуть правее, но я не успел и тут же услышал характерный неприятный треск. Левая лыжа сломалась, и настроение сразу упало — было всего 9 часов утра!

Однако охотничий азарт не пропал, начал искать выход. Сначала пробовал идти на сломанной лыже, но она втыкалась в снег. Поставил ее задом наперед, но тогда возникла необходимость поднимать лыжи для сброса снега. Найти бы, подумал я, большую пластиковую бутылку, но где в поле найдешь, когда кругом снег... Решил выйти к железной дороге, ведь с пассажирских поездов часто выбрасывают разный мусор. Но снегопад и здесь основательно поработал, что делать? Решил идти по косо-

ру насыпи, и... чудо! Через несколько шагов я наступил на большую бутылку сквозь снег, вытащив, убедился, что она подходит. Сделал в дырочке надрез, затем насадил на сломанную лыжу, загнул при этом головную часть, и продолжил путь по своей охотничьей тропе. В тот день я добыл лисицу.

В следующий сезон каждый раз, находя пластиковую бутылку (их теперь много разбросано отдыхающими на природе людьми), я ее подвешивал на деревьях и кустах в надежде, что она поможет кому-нибудь, в том числе и мне. И таким образом я помог своему товарищу на охоте, который сломал лыжу недалеко от такой подвешенной бутылки. Он смог продолжить охоту и благополучно вернуться домой.

И. ЕВДОКИМОВ
Татарстан

Уважаемая редакция журнала! Я — военный пенсионер, прослужил в Вооруженных Силах 31 год. Возраст — 74. Охотой и рыбалкой занимаюсь с детства. Ваш журнал выписываю с 1967 года.

Решил рассказать вам о случае, который произошел на охоте 24 апреля 2006 года в лесу недалеко от дер. Ларионово Рыбинского района

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Ярославской области.

По окончании вечерней тяги вальдшнепа мы с напарником С. П. Масловым вынуждены были ночевать в лесу у костра. Напарник мой — тоже «молодой солдат», участник Великой Отечественной войны, возраст его — 81 год. С 10-летнего возраста он постоянно с ружьем. Десятки раз (как и я) ночевал в лесу будучи на глухариных токах. Казалось бы, удивить или напугать нас чем-либо не так просто. Но в ту ночь произошел исключительный случай, о котором невозможно не рассказать.

Развели мы костер на окраине лесной вырубки в основном лесу примерно в 80—100 м от дороги. Спать не ложились, так как оба являемся хроническими радиулитчиками. От нечего делать байки рассказывали, звезды изучали и чай пили... Выпили целый котелок и примерно в 3.30 ночи я отошел к ближайшей канаве, находящейся примерно в 300 метрах, чтобы принести еще воды. Надо отметить, что к тому времени звезды уже скрылись, темнота была полная. Возвращаясь, я заметил, что напарник светит мне электрическим фонариком. Очень удивило меня, что фонарик светит больно уж высоко от земли (примерно на полсосны).

Но еще больше я удивился, когда на расстоянии примерно 70—90 м увидел своего напарника огромного роста — около четырех метров. На мгновение мне стало жутко, хорошо еще, что я его узнал. При дальнейшем приближении «видения» прекратились, и Маслов принял свой нормальный облик.

Я рассказал другу о том, каким я его увидел. Оказалось, что и он видел меня таким же, и ему тоже стало страшновато. Ничего подобного за всю свою жизнь ни мне, ни ему видеть никогда не доводилось. В ту ночь ни тумана, ни ветра не было и мы оба были совершенно трезвыми.

Что же это было? Напечатайте, пожалуйста, наше письмо, может, кто-нибудь найдет этому разумное объяснение.

В. ФИРСОВ
г. Рыбинск

Составление протокола на нарушителя

Борьба с браконьерством с переменным успехом длится уже несколько столетий. В одной из своих статей, посвященных этой борьбе, я подчеркивал, что борьба с браконьерством как со следствием — дело затяжное. Гораздо эффективнее было бы устранить причины. Тем не менее нельзя отрицать, что проведение регулярных рейдов резко сокращает количество правонарушений.

Это подтверждается и моим личным опытом, когда несколько лет назад я начал работать районным охотоведом. Там, где о службе Госохотнадзора знали только понаслышке, я лично в течение года составлял до 80 протоколов на нарушителей, теперь же — чуть более десяти.

Вот и этот рейд закончился составлением протокола. Встреченный нами недалеко от кабаньей подкормки человек с нарезным оружием поначалу не вызывал особых подозрений. Он вел себя спокойно и не мешкая протянул свои документы инспектору. Но когда проверяющий начал знакомиться с ними, резким движением выхватил их и бросился бежать к лесу. Глубокий снег и активные действия членов рейдовой бригады не позволили нарушителю скрыться.

Л. МАМОНОВ

Уважаемая редакция! Пишу вам, как обстоят дела у нас с охотой в Ростовской области. Мой охотничий стаж более 30 лет. Семнадцатый год работаю председателем ООиР, но

В нашей местной газете написали, что вот, мол, охоту закрыли, и развелся стрепет и дрофа... Умный человек никогда бы такого не написал. Эти птицы появились от того, что нет больше отар овец, степь ожила, да в придачу много полей появилось брошенных и заросших.

Так вот, теперь у наших охотников один вопрос: за что они платят взносы?

В. ЗАКИН
Ростовская обл.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Был серенький декабрьский день, кунцу Айна нашла в дупле очень толстой осины. С трудом я ее оттуда выгнал. Зверек сорвался с ветки и попал прямо в зубы собаке. Я крикнул: «Нельзя!» Айна очень послушная собака, выполнила команду. А кун через минуту оправился от шока и, видимо, понимая, что бегством не спастись, сам пошел в атаку. Фотоаппарат был у меня в кармане. Так, постоянно крича «нельзя», мне удалось сделать несколько снимков. Потом дал команду «взять», и завидный трофей стал нашим. Это случилось 14 декабря 2004 года в Вологодской области Березовского района, недалеко от озера Никольское.

Фотография была сделана моим другом. На ней я со своей Айной.

А. МЕЛЁХИН
Вологодская обл.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Некоторые моменты из жизни Чубайса, хорошего пса, почти человека...

Было это в Боснии и Герцеговине. В те дни, когда я проходил там службу в качестве участника миротворческой миссии. На территории нашей бригады располагалась большая палатка с американскими военнослужащими из разведроты, входившей в состав их дивизии. Немного выше, на склоне сопки, стояла палатка нашего разведвзвода. Оба подразделения разведки находились в постоянном взаимодействии.

Около нашей палатки находилась конура, где важно расположился красивый рыжий пес. Естественно, по кличке Чубайс. Чем-то он слегка походил на карелофинскую лайку. Вот только хвост не был сильно закручен, да и размером Чубайс был побольше стандартной карелки. По всему видно, что порода была сильно и неоднократно подпорчена кровью обычных дворняг. Тем не менее смекалки и жизненного опыта Чубайсу хватало, чтобы быть любимцем наших бойцов-разведчиков. Баловали они его не в меру разными вкусностями. Особенно полюбился Чубайс сержанту Васильеву Сергею. И не было для пса большей награды, чем преданно лежать в ногах у своего друга по вечерам в курилке после ужина. Иногда брали его с собой в поездки на БТР. И тогда Чубайс, осознавая всю важность возложенной на него миссии, бесстрашно защищал своих друзей от всех собак, встречавшихся в этих путешествиях.

Все шло хорошо в жизни Чубайса. Вот только была у него одна заморочка. Не любил он почему-то солдат иностранных армий. Особенно американских. А тут иногда приходилось спускаться со своими друзьями с сопки вниз к ним в палатку. Да и на маршруты разведки частенько выезжали вместе с представителями американской войсковой разведки. Ну не мог пес спокойно пройти мимо американского рейнджера не гавкнув на него. Даже и не до собак ему было в такие тяжкие минуты.

И вот как-то раз, не совладав со своей собачьей психикой, извернулся Чубайс и тяпнул американского унтер-офицера за икроножную мышцу. Вроде бы и не сильно тяпнул, но до крови. Ну, того, естественно, тут же отправили в госпиталь дивизии на обследование по бешенству. А Чубайса изловили с помощью специальной сети, находившейся на вооружении взвода служебных собак американского батальона. Для прохождения карантина пса поместили в клетку, рядом с вольерами немецких овчарок взвода. Наноса такое оскорбление Чубайсу, никто и не подумал, каково ему будет жить по соседству с американскими собаками! В первый день Чубайс даже не притронулся к пище, которую ему принесли американские солдаты согласно полагающемуся рациону. Правда, на второй день, потратив все свои силы на оскорбления в адрес соседей по клеткам, Чубайс быстро проглотил все, что ему положили в миску.

Через неделю стало понятно, что никакого бешенства у Чубайса не было отродясь. И вообще он оказался на редкость здоровым и нормальным псом. Позвонили в штаб российской бригады с просьбой забрать это неумное охрипшее животное. Начальник штаба дал соответствующую команду командиру разведвзвода, тот выделил УАЗик и отрядил для выполнения этой важной миссии лучшего друга Чубайса, сержанта Сергея Васильева.

Сержант, прибыв в расположение взвода служебных собак в сопровождении командира взвода и переводчика, от радости прижал пса к своей груди.

— Чубайстик, хороший мой! Как же ты тут исхудал, собачка моя! Наверное, тебя совсем тут не кормили, америкосы такие-сякие... Ничего, сейчас поедем домой, колбаской тебя угощу.

Переводчик судорожно переводил этот эмоциональный взрыв командиру взвода. Тот напрягся. Потом попросил повторить. Резким выкриком подождал ответственного за вольер солдата. Затем вопросительно посмотрел на сержанта Сергея и что-то сказал переводчику. Серега все поглаживал своего верного друга.

— Чё ему надо? Расписаться за получение?

— Нет, расписываться не нужно, сэр. Он говорит, что вам необходимо написать рапорт, где указать, что с вашим псом обращались негуманно. Виновный будет привлечен к уголовной ответственности. — И при этом выразительно показал на американского солдата, стоявшего с остоленневшим видом по стойке «смирно».

Тут настала очередь остоленнеть Сергею. Минут пять он покрывался пятнами различных оттенков и форм. На лбу выступила испарина, язык отказывался говорить что-то членораздельное. Постепенно Серега понял, что все происходящее очень и очень серьезно.

— Да, не... чё вы, в самом деле. Чубайс нормальный, все путем...

— Сэр! Ведь вы только что говорили, что его не кормили, морили голодом!?

Серега выразительно посмотрел на лоснящуюся морду довольного жизнью пса и выдохнул: «Не... все нормально!» Потом забросил оружие за спину, подхватил своего Чубайса и запрыгнул в УАЗик.

Американский солдатик с виноватым видом еще полчаса давал объяснение своему офицеру, рассказывая, что Чубайсу ежедневно выделялась положенная норма пищи. Такая же, как и для немецких овчарок взвода.

Анатолий НИКОЛЕНКО

Три гзда

Посвящается моей учительнице литературы Т. Г. Семеновой

Зачем я иду в лес? Чтобы удивиться!

И увидеть что-то новое и удивиться, увидеть что-то знакомое и тоже удивиться. Лес никогда не разочарует...

Лес поздней осенью из обрывков забытых чувств и оживших воспоминаний рождает удивительные образы. Когда уже нет листьев, трава пожухла и прибита дождями, а снег еще не выпал, звукам ничто не мешает. И они разносятся во все стороны, отражаясь многоголосым эхом от каждого дерева. В эту пору даже «малоголосая эстонка» будет звучать, как «Виртуозы Москвы». А тихие звуки отражаются от ближних деревьев и создают впечатление, что ты в замкнутом пространстве. Полное ощущение нереальности. Будто бы попал в театре за кулисы, а вокруг тебя в полутьме декорации.

Итак: стою я теперь в этих «декорациях», увяз по щиколотку в грязи. Плотный морозящий дождь заливает очки. А справа в болоте мгновение назад Спиваков взмахнул своей дирижерской палочкой, и лес наполнился музыкой гона в исполнении «виртуоза» Плакуна.

Жестами объясняемся с Николаем Васильевичем, кто куда идет — ему по гриве вперед, а мне чуть назад и вправо-вниз в болото.

Лес полон воды. Еще позавчера казалось, что снег лег окончательно. А вчера — резкая оттепель, двадцать минут назад еще и дождь начался. В результате ни одной снежинки. Ничего себе начало «охотничьей недели»!

Стараюсь передвигаться быстро и бесшумно, наступая на моховые кочки. Промажнешься, а какая там глубина? Не хочется провалиться в начале охоты почти по пояс.

Гон повернул на меня. Срочно надо выбрать кочку побольше и ждать. Вот подходящая — правда, далековатая. Достаяю до нее почти в шпегате. Удерживая равновесие движениями в стиле музыкального телевидения, соображаю, как бы перекинуть все тело на сушу.

И тут треск большой сушины в тридцати метрах передо мной со стороны Николая Васильевича. Полный возму-

жения, балансирую, стоя на двух кочках с широко расставленными ногами. Зачем старик поперся ко мне? Последнее время с ним все тяжелее. Бойтся, что ли, остаться один в лесу (ему уже за восемьдесят)? Или бежит наперез зайцу? А?

А с той стороны прямо на меня скачет, ломая сушины, здоровенный... ЗЯЦ! О чудо! Заяц-Царь! Заяц-Мечта! Заяц-Былина! Заяц-плевок всем обладателям большой Африканской пятерки! Уже вылинявший, белый-белый. Прошел метрах в восьми от меня.

Я даже не шелохнулся. Ружье на погоне. Если бы стал снимать, мог бы потерять равновесие. А скорей и не вспомнил про него.

— А-а-а-а! — Декорации наполнились цитатой из Шекспира в моем исполнении.

Мимо пробежал испуганный Плакун, посмотрев на меня, как на дурака.

А я так и стоял минут десять. Дождь заливал очки и проник за шиворот. Ноги, растянутые в полушпагате, тоже намокли. Ни о каком долгом гоне не могло быть и речи...

Прошло два дня, а я все пребываю в параноидальном возбуждении. Как меня еще терпят мои Николай Васильевич и Плакун. Ведь оба уже в больших летах, а я их все таскаю по сырому лесу в поисках Царя-Зайца.

Но вроде на третий день ноги привыкли к грязи по щиколотку. А дождя уже нет полтора дня. Стало еще теплее. Лес в густом тумане. Одним словом, красота — волшебная сказка.

Прошли сегодня дальше, чем обычно. Плакун уже час в полазе. Мы продвинемся метров на сто и слушаем минуты три. Так и идем потихоньку. Наш русский вылец ходит очень широко.

Стало опять чуть-чуть моросить.

— Ш-ш-ш-ш, — донесся до меня какой-то не характерный для этих глухих мест монотонный шум. Я поднял указательный палец вверх. Николай Васильевич удивленно посмотрел на меня. Осторожно, боясь потерять, двигаюсь в сторону шума. Дедушка в надежде, что я слышу далекий гон, молча поплелся за мной.

Метров через двести спрашиваю:

— Слышите шум?

— Да это машины, — разочарованно машет рукой.

— Э нет, до ближайшей проселочной дороги километров восемь-десять, а по направлению шума только Мошенское в двадцати километрах.

Николай Васильевич согласен и заинтересован. Решение, идем смотреть!

До самого конца пути я не угадал источника этого шума. Хотя за полтора километра, что мы прошли, у меня было не менее пяти версий.

И вот добрались.

О чудо! Величественная картина, способная вдохновить любого архитектора на создание семи чудес света. Колоссальная бобровая плотина, берущая начало у моих ног, выгибается дугой и исчезает в тумане другим своим концом. Талая вода, недовольная столь досадным препятствием, возмущенно шумит на весь лес, пытаюсь протиснуться, перебраться или сломать плотину. Рядом стоит хатка зодчего, в высоту больше двух метров. Бобр сегодня герой, он обуздал стихию, он — как и люди — не ждал милости от природы. Своим трудом и интеллектом он выиграл эту битву, чем потряс мое воображение.

Я потом много раз ходил на эту плотину. Она оказалась в длину сто двадцать метров, а перекрывала речушку Бычиху шириной два с половиной метра!

Ну, вот и подошла к концу моя «охотничья неделя». Погода так и не порадовала нас — все моросил дождь. Охота не лучше, гон слышал только два раза. Жалко — сегодня последний шанс найти Царя-Зайца. Обходим последний сектор «наших угодий». Николай Васильевич в бодром расположении духа — что называется, «отму-

чился». Завтра гость уедет, и можно будет отдохнуть стариковским косточкам.

Плакуна уже давненько не видно. У меня подозрение, что умный пес всю неделю не бегал по грязи, а лежал где-нибудь в укромном сухом местечке (это во мне досада говорит). Николай Васильевич с возмущением отвергает это мое предположение:

— Да для него охота — это же праздник!

Решаем дальше не идти, а остановиться тут, подождать Плакуна, посушиться у костра, приготовить чай.

Место хорошее. С одной стороны холмы, покрытые соснами. С другой — разлив нашей маленькой речушки Бычихи. Здесь еще одна бобровая плотина. Правда, не такая большая, как первая. Но гектара два затопило. Дальше зарастающие поля. За полями сгоревшая дотла несколько лет назад деревня Клин — шестьдесят дворов.

На месте разлива речушки раньше была березовая рощица. Теперь березы сгнили, их макушки и ветви отвалились, остались торчать из воды только белые стволы высотой от двух до шести метров. Все это очень дополняет картину запустения и соответствует моему настроению.

Дымящийся вонючий костер не исправил положения дел. А еще подул пронизывающий северный ветер, мы же все сырые. Только и надежда на чай.

Где же этот Плакун?

И вдруг! Да нет, не гон. Каждый гончатник знает эту примету: только устроился, только развязал рюкзак — и вот тебе, получи. Нет, не гон.

Выглянуло солнце! Первый раз за всю неделю. Весь сосновый бор озарился удивительным прозрачным белым светом. Я подумал, что просто глаза не привыкли к солнцу, поэтому и кажется все таким нереальным. Декорации будто кто-то подсветил изнутри. Шли секунды, а глаза все не привыкали. Свет по-прежнему странно струился сквозь бор, а сосны отбрасывают какие-то длинные тени. Тут я понял, в чем дело. Оглянулся и увидел: о чудо! Древний Акрополь-Парфенон!

Солнышко осветило не весь лес, а только болото со сгнившими стволами берез. Превратив их в «бор портиков». Идеально гладкие и ослепительно белые «колонны» и давали этот чарующий свет, озаривший рощу и мою измученную душу. Момент истины настал!

Глаза не могли напиться увиденным! Хотя и длилось это светопреставление не больше минуты — запомнил его навсегда. До сих пор воспоминание скрашивает мою жизнь в трудные минуты: я и любимый дед у костра, кружка чая, греющая ладонь. Полная, почти религиозная простота, чистота, тишина и ясность. Этот свет, это тепло, это успокоение, этот покой при виде бренного и вечного. Надеюсь почувствовать то же у последней черты.

Зачем я иду в лес?

А. КОЗЛОВ

Великий Новгород

А. Козлов со своим любимым дедом Васильевым Н. В.

ЖАРОВ О. Проблемы охотоведческого образования	1
СЕВАСТЬЯНОВ А. Суровая зима	4
ПАВЛОВ М. Потрясающее чудо природы: кабаны в лесах вятского глубокоснежья	6
ЧЕРНЫШЕВ В. Бумаге каждый шаг свой поверяя	9
ШИЛЬКО Э. Бурый медведь: биотехния и охота	10
ПОПОВ В. Размышления о судьбах охоты на Вятской земле	12
ТИШКЕВИЧ С. Северный олень	14
ШЕВЧЕНКО В. Охотник от Бога (К 80-летию М. Калинин)	16
КАЛИНИН М. Урал	17
ПОДСЕВАЛОВ В. Работа гончих: влияние климата, тропы и погоды	18
БИБИКОВА В., ДВОРЯДКИНА Н. Сергей Николаевич Линейцев	21
БЛЮМ А. Русская «трехлинейка»: история создания и она же как охотничье оружие	22
ТЕМЕРОВ В. Консультации юриста	24
ФИЛАТОВ В. Оружейный художник	26
МАСЛОВ Ю. Мое ружье: вопрос-ответ. Holland&Holland — парадокс	27
КУЧЕРЕНКО С. Секачи	28
ПОДДУБНЫЙ В. Виктор Николаевич Челищев — автор хроники «Охотники»	32
ЧЕЛИЩЕВ В. В пороши	33
ПЕТРОВ Б. Воронье	36
ПАНКРАТОВ В. Мастер охотничьего натюрморта	38
ЧЕГОДАЕВ А. Джон Хантер: от браконьера до охотинспектора	41
ХАНТЕР Д. Леопард	42
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	3, 21, 27
ШИШКИН В. Воробьиные	48

На первой странице обложки:

Пятнистые олени — стройные, тонконогие с большой головой на изящной, почти вертикальной шее. Незабываемая встреча! Фото А. Севастьянова

На второй странице обложки:

Фантастический зимний пейзаж! Сразу и не догадаешься, что опорой для этих изваяний стал обыкновенный роз (в народе его часто зовут камышом) с крепкими прямыми стеблями и крупными темно-бурыми початками. Фото В. Ускова

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Л. Н. Иконникова

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 04.11.2006 г. Подписано к печати 15.01.07 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 29 300 экз. Заказ 3432. Цена 37 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18
Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат».

142300, г. Чехов Московской области, тел./факс (501) 443-92-17, (272) 6-25-36.

E-mail: marketing@chpk.ru

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452

Вспорхнула с февральского снега стайка буроватых птиц, расселась с тихим щебетом на ближайших рябинах, мелькая при перепархивании пятнистыми боками. С радостью отметить — дрозды: зимовали ли рядом или первыми прилетели с юга? И уже скоро над первыми ручьями услышишь в свистовом переложении «филипп-филипп, приди-приди, чай пить-чай пить, с сахаром-с сахаром» песню одного из лучших наших пернатых певцов — певчего дрозда. Некрупный дрозд (вес до 100 г, размах крыльев до 40 см) буроватый сверху, пятнистый снизу, с охристым цветом на боках и подмышечных перьях. Заселяет лесную зону от Прибалтики до Байкала. Похож на певчего белобровик, доходящий на восток до Колымы. Песня его короче, однообразней. Кроме белой брови, отличается кирпично-рыжими боками и таким же цветом на подкрыльях. Из шести наших «европейских» дроздов самый крупный дьяба (вес до 150 г, размах крыльев до 50 см) с однотонным серым верхом и светлым низом в каплевидных темных пятнах. Ареалом сходен с певчим, есть в горах Ср. Азии. Чуть уступает дьяба размерами рябинник, активно расселяющийся вид, гнездящийся, в отличие от большинства дроздов, и колониями. Его легко отличить по трехцветному верху: голова и поясница сизые, спина каштановая, хвост и крылья темно-бурые. Вместо песни какое-то квохтанье. При тревоге громкое трещанье. Песня черного дрозда замечательна своей мелодичностью, проникновенным минорным тоном (дьяба поет схоже, но как бы в мажоре). Этот вид на восток дошел до Урала, гнездится в горах Кавказа и Ср. Азии. В Зап. Европе освоил городской ландшафт. Самцы (вес до 150 г) легко узнаются по общей черной окраске, контрастирующей с ярко-желтым цветом клюва и окологлазничного кольца. Самка буроватая с неярким крапом. Более редок похожий на черного белозобый дрозд, гнездящийся у нас на Мурмане и Кавказе. У обоих полов заметна белая полоса поперек зоба, самка окрашена тусклее. Среди «сибирских» дроздов есть две пары видов, представленные как бы темной, северной и рыжей, более южной, формами. Это чернозобый (от Урала до Байкала) и краснозобый (в основном Прибайкалье) дрозды. Ареалы перекрываются на Алтае. Самцы отличаются соответственно по цвету зоба и горла. Схожая пара — дрозд Наумана, или рыжий дрозд (Центр, и Вост. Сибирь), и бурый дрозд (от Зап. Сибири до Камчатки). У первого рыжий тон на брюшной стороне, хвосте, на бровях; у второго — рыжий цвет на крыле; спина, щеки, темя, зоб, пестрины на боках и брюхе — темные. На Дальнем Востоке можно встретить еще 4 вида дроздов: золотистого (Сахалин, Юж. Курилы; самец с черной головой и рыжими боками), сизого (желтый клюв, сизые спина, голова и зоб у самца), бледного (рыжеватая спина и хвост, охристые бока) и оливкового дрозда, распространенного на запад до Урала (залеты до Зап. Европы), более ярко окрашенного, чем бледный дрозд, с белыми бровями. Из Японии в Приморье залетает мелкий белобрюхий дрозд (у самца черная голова, черные пестрины на брюхе). В Сибири гнездятся два вида земляных дроздов: очень крупный (до 200 г) скрытный пестрый дрозд (у него пестрины заходят и на спину) и более мелкий сибирский дрозд (самец темно-сизый, с белой бровью, самка бурая, с пестринами на брюшной стороне). Распространенный в Сев. Америке род малых дроздов представлен у нас гнездящимся от Чукотки до Сев. Камчатки малым дроздом (вес до 50 г). На северо-восток залетали похожие на малого свэнсонов дрозд (рыжеватые тона на боках головы и горла) и дрозд-отшельник (рыжеватый хвост). На о. Врангеля отмечались залеты ярко окрашенного американского разноголового дрозда (вес до 100 г). Бровь, горло, брюхо, полосы и каймы на крыльях оранжевого цвета, темно-сизая спина; шапочка, щеки, полоса на зобе, хвост, большая часть крыльев черные. Образ жизни многих наших дроздов сходен. Гнездование парами, лоток часто облицован смесью мокрой земли и трухи, самцы могут отличаться как окраской, так и мелодичной песней, в кладке часто 4—6 голубоватых или зеленоватых яиц с мелким крапом, насиживание около 2 недель. В питании обычны дождевые черви, моллюски, насекомые, осенью велика доля ягод. Певчего и черного дроздов ценят любители птичьего пения, крупные виды (рябинник) в ряде стран — объект охоты.

В. ШИШКИН

певчий
  малый
  синий

КОСТОРСОВЫ

Бивень мамонта приобретает вторую жизнь в произведениях магаданских художников И. Корченкова (на фото), А. Вербицкого, В. Вихлянцева, Т. Олейниковой. Медведь, ловящий горбушу, мамонты, полярная сова, бурандуки, дикобраз – их рук творения.

Фото Г. Грикова

